

На струнах души

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

НА СТРУНАХ ДУШИ

Литературно-художественный альманах

Выпуск I

Югорск
2011

Отдел
Краеведения

Югорская
Центральная
Городская
Библиотека

УДК 821.161.1-82
ББК Ш6(2-Р)6-334
Н 127

Редакционный совет:

Илленико А.В., Полюкова Е.А., Смолинский В.М., Степановы Т.М.

Н 127 НА СТРУНАХ ДУШИ: Литературно-художественный альманах.
Выпуск 1 / Сост. — БАРГИЛЕВИЧ О.А., МЫЦКОВА Н.В.,
ВАЛИНУРОВА О.Н. — Екатеринбург: рекламно-издательская фирма
«АССОРТИ», 2011. — 260 с., цветные вкладки.

«На струнах души» — первый выпуск альманаха Югорского творческого союза «Экстаз». Это издание представляет творчество писателей и поэтов, художников, фотографов, мастеров декоративно-прикладного искусства. Мы будем рады познакомить югорских читателей с новыми именами и произведениями в следующем выпуске альманаха, приглашаем авторов к творческому общению и сотрудничеству.

УДК 821.161.1-82
ББК Ш6(2-Р)6-334
Н 127

Дорогие читатели!

От всей души поздравляю вас с выходом первого литературно-художественного альманаха югорских авторов! Первое знакомство с ними произошло в 1999 году после выхода в свет литературного сборника «Свист, Югорская звезда!», в который вошли в основном произведения работников ООО «Тюментрансгаз» (ныне «Газпром трансгаз Югорск»). Это стало замечательным праздником! Праздником поэзии, слова и родственных душ, которые наконец-то нашли друг друга! Это событие и стало началом нашей сердечной дружбы, которая длится до сих пор.

Мы узнали немало новых имён. Словно на свет маяк, они стали выходить из скромной неизвестности. Был издан второй сборник «Югорская звезда», выпущен диск с бардовскими песнями.

В мае 2009 года мы встретились вновь, чтобы отметить десятилетний юбилей югорского литературного общества. На этой встрече приняли решение о создании на базе центральной городской библиотеки Югорского творческого союза, получившего название «Элегия».

Впереди у югорских писателей новые книги, новые встречи с читателями и новые юбилеи. А пока — первый альманах. Поздравляю!

Любовь Ярушина,

первый председатель

Югорского творческого союза «Элегия»

Уважаемый читатель!

Это первый альманах, рожденный нами — Югорским творческим союзом «Элэгия». Мы долго и увлеченно работали над его содержанием, эти страницы бережно принимали лучшие произведения наших авторов. Что получилось — судите сами. Будем надеяться, что не обманули ваших ожиданий. Пусть нам всего лишь один год, но планов на будущее очень много. Мы считаем за честь представить в альманахе самые яркие грани литературно-художественного творчества в городе Югорске.

От всего сердца благодарим генерального директора ООО «Газпром трансгаз Югорск», депутата Думы ХМАО — Югры Павла Николаевича Завального за финансовую поддержку издания и веру в нас. Русь всегда славилась меценатством, благодаря таким людям мы имеем замечательную историю национальной культуры.

*С уважением
Югорский творческий союз «Элэгия»*

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Нет на свете дела труднее, чем писать
простую, честную прозу о человеке.

Э. Хемингуэй

Когда б мы знали, из какого сора растут
стихи, не ведая стыда...

А. Ахматова

ЛИДИЯ АНГОНОВА

Родилась 5 февраля 1952 года в селе Натанное (Республика Казахстан). Учитель русского языка и литературы. Увлечение поэзией началось с детства, вдохновение вызывает красота русской природы, взаимоотношения людей, любовь и дружба. Первый сборник стихов «Раздумья рассыпаны» вышел в 2002 году.

Раздумья падающей снежинки

Кружась в небесной синеве
И с петерком играя,
Я рада мигу на земле,
Снежинка я из рая.

Мне сверху сразу видно всех,
Как будто на ладошке.
Я вижу слёзы, слышу смех
И вижу свет в окошке.

Жизнь коротка моя, и пусть,
Об этом не жалею.
Мне неизвестно слово «грусть»
Трагедией своею.

На землю тихо опущусь,
Закончив свой полёт.
Об этом вовсе не грущу...
Другая упадёт.

11 февраля 1999

«Нет» – войне!

Я не хочу, чтоб сын мой знал беду.
Я не хочу, чтоб он стал взрослым в десять.
Во весь свой голос людям говорю:
«Дарите радость, солнце, детство детям!»

Я не хочу, чтоб в горе моя мать,
Работая, глотала слезы вдовья.
Во весь свой голос я хочу сказать.
«Я против бомб, я против жертв и крови!»

Я не хочу, чтоб муж мой воевал,
Чтоб наше счастье он искал в победе,
Во весь свой голос говорю теперь,
Что я за мир на всей планете!

Я не хочу, чтоб воевал народ.
Чтоб повторился сорок первый, грозный.
Остановитесь, люди! Смерть идёт,
И страшно, если завтра будет поздно!

Я не хочу, я очень не хочу...
Но враг силен, и надо с ним считаться.
Поэтому кричу, как никогда, кричу:
«Оберегайте мир, свободу, братство!»

Пусть рисует мальчик на листке
Кусочек неба, солнце, маму с сыном.
Он, как и я, поднимает: «НЕТ» – войне!
И в этом наша жизнь и наша сила.

1 мая 1998

Наш язык и мудр и богат

Наш язык и мудр и богат,
В каждом слове скрыт златейский клад.
Этот клад сумей приобрести,
Чтоб с его богатством быть в пути.

Если скажешь «мама» — улыбнись!
Это слово означает «воишь».
Скажешь «радость» — сердце застучит,
Взглядом милого твой сын глядит.

И поймешь значение слова «счастье» ты,
Если сбудутся твои мечты.
Если дети семьи заведут,
Бабушкою внуки назовут.

Слово есть прекрасное — «земля»,
Здесь живут родные и друзья.
Радует природы светлый мир
И искусства доброй поэзии.

Наш язык коварен и жесток.
Есть слова как постоянный ток.
Бьют они в запястье, словно плеть.
Их в запасе лучше не иметь.

Это слово страшное — «война»,
Где синонимы «беда», «вражда»,
Им сродни «безумная толпа»,
Что готова «бить наверняка».

Это также слово «беспредел».
Делаешь лишь то, что захотел.
Совести укоря ни к чему,
Не жалеешь даже мать свою.

Нетодяй, как низости венер,
В слове унижительном «подлец»!
За копейку всех друзей предаст,
А за баксы Родину продаст.

Это «наркомания» и «СПИД»!
Червь наживы тайно поровит
Отыскать того, кто духом слаб,
Чтоб отметить: «Ты мой вечный раб».

Есть ещё и «секс», но не «любовь».
Означает много пощамых слов.
Нет здесь тайны сладости любви,
Есть разврат бесстыдной наготы.

Наш язык и мудр, и богат.
В нём веками пополнялся клад.
Где рождались в споре мысли вслух
Те, что укрепляли волю, дух.

Правит этой мудростью любовь.
Много в ней толковых, светлых слов,
Зачеркни ненужные в пути:
С добрым словом по Руси ходи!

14 июня 2008

Югорск – судьба моя!

Живущий в этой жизни человек
Имеет адрес свой и памятные даты.
Судьба дала и мне координаты:
Югорск! Россия! Двадцать первый век!

Другого местожительства не надо.
Учу детей, работаю, и мне
Лишь одного так хочется в награду:
Пусть ученик не будет мой в Чечне.

Афганистана хватит. Не сражаясь,
Он должен с солнцем свой рассвет встречать.
В компьютерных боях лишь разбейся,
А о войне по книгам только знать.

Да будет праздник праздником и мечте!
Нам не нужны посмертные герои.
Пусть в «Книге памяти» останутся лишь те,
Кто создал и будущее строил.

Спасибо, город мой, тебе за то,
Что в ритме жизни слышу детский смех,
Что чувствую всегда твоё тепло,
Твои заботы, думы обо всех.

Мои ученики! Моя семья!
Вы две звезды на жизненном пути.
И верю я: Югорск — судьба моя,
И нам одной дороною идти!

14 октября 1999

ОЛЕГ БАРГИЛЕВИЧ

Родился 9 июля 1960 года в селе Семань Житомирской области (Республика Украина). Заместитель начальника службы по связям с общественностью ООО «Газпром трансгаз Казань», депутат Думы города Югорска, подполковник запаса. Аспирант кафедры философии и культурологии ФГАОУ ВПО Российского государственного профессионально-педагогического университета. Автор монографии: «Философия духовного отыскания Ивана Ильина» и более 22 научных публикаций, размещенных на страницах научных сборников, по итогам проведенных Всероссийских и Международных научно-практических конференций, 4 публикаций на страницах журнала «Литературный факел» (обладатель дипломов первой степени в номинациях публицистика: «Что такое патриотизм» по итогам 2009 г. и «Жить для России и умереть за Россию» по итогам 2010 года).

Жить для России и умереть за Россию

*Родина наша — колыбель героев, огненный горн, где
плавятся простые души, становясь крепкими, как
алмаз и сталь.*

А. Н. Толстой

К сожалению, 66-летний юбилей Победы и Великой Отечественной войне (1941 – 1945) праздновало небольшое количество оставшихся в живых участников и ветеранов этой самой ужасной и кровопролитной войны за всю историю человечества. Многим участникам и ветеранам уже далеко за 80 лет. На встречи со школьниками и студентами герои и орденоносцы ходят все реже, поэтому для воспитания национально-патриотического самосознания нашей молодежи нужно привлекать ветеранов: офицеров запаса ВС РФ, ветеранов Афганистана, участников боевых действий в «горячих точках».

У нас прекрасная молодежь, но ей не хватает примеров для подражания и идеалов. В этом я убедился, когда принимал участие в проведении «Урока

мужества». Урок проходил в Югорском индустриальном колледже в канун празднования Дня защитников Отечества. Ребята в полной тишине больше часа слушали об интересных моментах из моей военной службы, мы говорили о долге, чести, патриотизме и воинском служении. Обычно молодежь старается не задавать лишних вопросов и быстро покинуть лекционный зал, но вопросы мне поступило много, причем на очень важные и актуальные темы. Нашей молодежи не безразлична судьба страны в трудную минуту, ребята не пожалеют своей жизни для того, чтобы защитить от любого агрессора своих матерей, отцов, братьев и сестер.

Но для того, чтобы воспитать достойных защитников Родины, нам нужно в экстренном порядке вернуть во все образовательные учреждения предмет начальной военной подготовки и возродить старые традиции проведения с десятиклассниками военно-полевых сборов под руководством ветеранов Вооруженных сил Российской Федерации. На разных возрастных ступенях важно воспитать у школьников уважение к историческому прошлому своего народа, бережное отношение к народной памяти, национально-культурным традициям, тем людям, кто своим трудом обогатил национальную и общечеловеческую культуру. В комплекс задач патриотического воспитания необходимо включать формирование уважительного отношения к армии и символам суверенности народа и государства — государственному флагу, гербу, гимну.

Финансовый кризис глубоко затронул все области жизни общества, но больше всего сказался на интеллектуальном потенциале Отечества — культуре, науке, образовании, национально-патриотическом самосознании молодежи. Сильно пострадала духовная сфера — то, что лежит в основе национального самосознания и величия каждого народа, любой нации. Россия не может возродиться и уверенно двигаться в будущее без преодоления духовного кризиса. Духовный потенциал нации — единственная реальная и эффективная сила, способная восстановить страну, решить государственные, политические, экономические и социальные проблемы.

В основе народного образования и воспитания лежит любовь к России, а значит, как принято говорить, патриотическое воспитание. В содержании образования это отражается практически во всех предметах. Изучая историю, культуру, различные науки, мы должны показать, какую роль сыграли наши соотечественники в этих направлениях бытия человечества, как они посвящали свои достижения России, как служили ей верой и правдой, как любили ее. Следует отметить, что патриотизм не ограничивается только любовью к Отечеству, а повышается до уровня жертвенного отношения к нему, до желания в случае необходимости отдать за него жизнь, до решимости вынести вместе со своим народом любые испытания скорби и лишения.

Особенно ярко представлены вопросы национально-патриотического самосознания в работах великого русского философа Ивана Александровича Ильина (1883 — 1954). Он связывал патриотизм с национализмом. Патриотизм, в его понимании, есть любовь и инстинкт принадлежности к родному. Родина — это «духовная реальность». Патриот — от греческого слова «родина, отечество», а патриотизм — от греческого «земляк, соотечественник». В.И. Даль указывает: «Патриот, любитель Отечества, ревнитель о благе его ... отечественный, полный любви к Отчизне». Патриотизм характеризуется как чувство гордости своим отечеством, его историей, славными делами; стремление сделать страну краше, богаче, крепче, счастливее; основа национального самосознания, побуждающего народ к великим свершениям.

Патриотизм — это национальная ценность отечественной культуры. Любить Родину, понимать ее жизнь можно только при условии глубочайшего уважения к ее истории. Негативное воздействие на молодежь оказывают современные средства массовой информации, навязывающие зрителю и читателю новые варианты «современной истории», очень сильно ими искажаются исторические события XX века. Из нашего прошлого вычеркиваются целые эпохи, великие имена героев, полководцев. Такое «новое» представление истории России не может породить высоких национально-патриотических чувств. Молодежь оказывается лишенной исторической памяти, и ей предоставлена свобода выбора патриотических ценностей между «Рембо и Ильей Муромцем, Томом и Джери и героями русских сказок».

Формирование человека-патриота должно быть ориентировано на взаимосвязь национальных и общечеловеческих ценностей, при должном уважении к ценностям других цивилизаций. Применительно к современной России ее коренной национально-государственный интерес замыкается на сохранении нации, то есть самобытности народа, его основных традиций, культуры, нравственных ценностей, в том числе путем обеспечения безопасности государства как института и социальной общности. Сюда же относится защита территориальной целостности, суверенитета, экономической безопасности. И.А. Ильин писал: «Борясь за Родину, мы боремся за совершенство, и силу, и свободу русского духа, а для его расцвета нам нужна и территория, и быт, и государственная мощь».

«Подлинный патриотизм не в том, чтобы громче других говорить о любви и ревности ко всему отечественному, — говорил В. Г. Белинский, — а в том, чтобы, доказав на деле, получить имя патриотов за свои заслуги от общества и истории, как получили его Митин и Пожарский, Сусанин и другие...».

Олицетворяя главное предназначение армии с высшим патриотическим долгом, с идеей наиболее самоотверженного и последовательного служения

великой России, Ильин писал, что «Русская армия всегда была школой патриотической верности», выступает как «наша сила, наша надежда, основа нашего национального существования». Армия невозможна без патриотизма и жертвенности. Ее лозунг: «Жить для России и умереть за Россию». Суровая школа военной истории привила русскому народу выносливость и национальную стойкость, которая была решающим фактором в наиболее трудные моменты истории России. Жизненный инстинкт и национальная стойкость стали основными чертами русского характера.

Заставить человека любить государство невозможно, но можно воспитывать дух любви, и государственная школа призвана к этому, она должна быть пронизана этим стремлением. Государство — не репрессивная машина для поддержания граждан в покорности, а организующая сила для защиты Отечества на основе права и справедливости. Власть и авторитет государства для этого и нужны. Для этих целей государство воспитывает и отбирает лучших людей, создает армию и флот. Воспитание любви к своей армии — одна из главных составляющих воспитания гражданина. И это прекрасно понимает руководство компании «Газпром трансгаз Югорск».

С начала 90-х годов наша компания занимается финансовой поддержкой энтузиастов военно-патриотического движения в регионе своей деятельности на территории Ямало-Ненецкого, Ханты-Мансийского автономных округов и Свердловской области.

В городе Ивделе Свердловской области в 1990 году был создан военно-патриотический клуб «ШАНС». Небольшой уральский городок испытывает большие трудности нашего времени, когда не хватает сил и средств на достойное образование и спорт, культуру и досуг, когда молодежь не знает, куда себя деть, чем занять. В этих условиях деятельность военно-патриотического клуба заслуживает большого уважения и всеобщей поддержки. Занятия клуба посещают подростки 10-18 лет, самого «опасного», переходного возраста, многие из так называемых неблагополучных семей, с «трудным», как говорят, характером. В клубе существует обширная программа общефизической и спортивной подготовки, за проведение которой отвечает бессменный руководитель Игорь Иванович Шабалов. «Шанс» дает возможность ребятам раскрыть и закрепить самые лучшие свои качества, поверить в себя, добиться в жизни первых побед, научиться мечтать и претворять мечту в жизнь.

«Шанс» — неоднократный чемпион России и Свердловской области по военно-прикладным видам спорта и рукопашному бою. Военно-патриотический клуб является лауреатом премии «Белая птица» в области популяризации здорового образа жизни, ежегодно присуждаемой ООО «Газпром трансгаз Югорск». Клуб держится на энтузиазме и патриотизме руководителя Игоря

Шабалова. Он, не считаясь с личным временем, полностью отдает себя благородному делу, воспитывая патриотов и будущих защитников Отечества. Более 2000 выпускников клуба ушли в элитные воздушно-десантные войска, где честно отдали свой воинский долг Родине. Многим пришлось служить в «горячих» точках, все они вернулись домой живыми. В 2008 году за большой вклад в патриотическое воспитание молодежи Игорь Иванович Шабалов награжден медалью «Патриот России».

Еще один яркий пример — военно-патриотический клуб «Гвардеец», созданный летом 2008 г. для ребят поселка Сорум Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа силами шефов — работников Сорумского ЛПУ МГ.

Многие участники проекта высоко оценили работу военно-патриотического клуба «Гвардеец». Приведу некоторые высказывания ребят и их родителей:

«Гвардеец» — это настоящее дело для настоящих мужчин. Здесь каждый может почувствовать себя в роли солдата и понять, что умение защитить — почетная обязанность, которую возлагаешь на себя, прежде всего, ты сам. Школа выживания, элементы самообороны, строевая и огневая подготовка, оказание первой помощи... Такие интересные занятия проводили с нами наши шефы. У них за плечами армейская служба, и Борисов Александр Анатольевич — кадровый офицер, подполковник запаса.

Я думаю, рано говорить о каких-то наших успехах. Но каждый из нас стал взрослее. Не в росте дело, конечно. Мы в определенной степени преодолели свои слабости. Хочется поблагодарить руководство ЛПУ за поддержку клуба «Гвардеец». Надеюсь, что он станет постоянным в нашей школе.

Гвардеец, зам. командира Артем Дружнин, 11-й класс.

Я многому научился: правильно шагать в строю, стрелять, «оживлять Гошу», накладывать шинель, жгуты... Мне очень понравилось играть со взрослыми в футбол, петь у костра песни под гитару, париться в бане по-настоящему, а потом обливаться холодной водой. Что во мне изменилось за это время? Я стал дисциплинированным и серьезным. Большое спасибо всем, кто придумал эту идею и реализовал ее.

Гвардеец Данил Сулимов, 7-й класс.

Уважаемые руководители и воспитатели клуба «Гвардеец»!

Вся наша семья хочет поблагодарить вас за то, что вы смогли организовать, объединить, сплотить ребят разных интересов и характеров в единую «ребячью семью». Знали бы вы, с каким нетерпением наши Данил

ждал наступления следующего дня! Физически было тяжело, но упорство и сила характера брали свое. Ни одного дня не было, чтобы сын сказал: «Я не пойду, я не хочу, я не буду».

Каждый вечер всей семьей мы с интересом слушали рассказы сына о каких-то его маленьких победах, кривых, событиях прошедшего дня. Самое большое впечатление — это конечно же сплав по реке. Но главное — форма! С гордостью, с бережностью вместе с папой гладили брюки, куртку, подшивали воротничок. Этот вечер превратился в вечер воспоминаний о папиной службе в армии. А маленький период в жизни Даниила стал одним из ярких событий всей нашей семьи...

Наверное, мы выразим мнение и пожелание многих родителей, чтобы начатое дело продолжилось и семья «Гвардейцев» росла, крепла, чтобы воспитывался патриотический дух наших «сорумчат».

Семья Сулимовых

Энтузиазм организаторов клуба «Гвардеец» не мог остаться незамеченным. Как результат — творческая группа работников Сорумского ЛПУ МГ (Борисов А.А., Супонников С.Ф., Куренга В.С., Сидоров А.С., Артамонов И.Н., Болехович В.В., Сутяк В.В., Стрельцов С.Н.) стала лауреатом премии «Белая птица» в номинации «За лучший проект в области здорового образа жизни». Это означает, что проект «Как вырастают настоящие мужчины?» в клубе «Гвардеец» обязательно продолжит свое существование.

В возрождении духовности России и воспитании будущих защитников Отечества большое значение имеет благотворительная деятельность ведущих российских компаний. По определению Э.А.Фомина, благотворительность — это «негосударственная добровольная безвозмездная деятельность в социальной сфере, направленная на поддержку отдельных лиц или организаций, у которых по тем или иным причинам не хватает собственных ресурсов для полноценного функционирования». Особенно актуальна благотворительная деятельность в настоящее время, когда происходит массовое обнищание основной части населения нашей страны.

Для ООО «Газпром транзгаз Югорск» как социально-ответственной компании благотворительность на протяжении ряда лет является неотъемлемой частью деятельности. Понятие «Социальная ответственность» существует уже много лет. И если само понятие появилось в экономике сравнительно недавно, то действия, связанные с этим понятием, производятся уже несколько столетий. В благотворительности сохранилась древнерусская традиция, которая всегда определяла качество благотворительности не практической целесообразностью, а мерой вложенной в нее души, где сочетались тактичность формы и разумность содержания.

Благотворительная помощь «Газпром трансгаз Югорск» целенаправленная, адресная и предметная. Особое внимание уделяется детям с трудной судьбой: детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, детям-инвалидам. Компания опекает 22 детских учреждения: детские дома, интернаты и центры реабилитации в регионах производственной деятельности. Воспитанникам выделяются лечебные путевки, перечисляются денежные средства на летнее оздоровление, приобретение одежды и другие нужды. Многим мальчишкам, воспитанникам этих учреждений, придется защищать нашу Родину.

Ежегодно шефствующие филиалы компании поздравляют ребят с новогодними праздниками и дарят сладкие подарки. Доброй традицией стала благотворительная акция, организованная объединенной профсоюзной организацией предприятия «Собери ребенка в школу». Ежегодно в 28 трассовых городах и поселках все первоклассники получают портфель с набором учебных принадлежностей. Компания оказывает помощь коренным народам Севера, участвует в строительстве храмов, оказывает всестороннюю помощь мечетям, выделяет средства на ликвидацию последствий стихийных бедствий, возникающих в регионах России. Финансовую помощь компании получают вузы, техникумы, школы и другие образовательные учреждения, выпускники этих учебных заведений пополняют ряды офицеров и солдат Российских Вооруженных сил.

Приоритетом в области благотворительности также является забота о пенсионерах. Регулярно оказывается адресная помощь ветеранам Великой Отечественной войны и труженикам тыла. Для участников и ветеранов выделяются оздоровительные путевки для прохождения реабилитационного лечения в наших санаториях.

Мне часто приходится встречаться с участниками и ветеранами Великой Отечественной войны. Общаясь с людьми, которые, не щадя своей жизни, остановили фашистского агрессора и не дали ему увенчать русской народ, я восхищаюсь великими подвигами нашей Родины. Многим ветеранам и участникам войны далеко за 80 лет, но их душевная теплота и пример Мужества, Героизма, Чести, Долга, воинского служения, проявленные на фронтах Великой Отечественной войны, на века останутся для нас ярким примером для подражания. Митрофан Харитонович Часовников (бывший работник нашей компании) прошел всю войну. В 1941 г. 17-летним мальчишкой он умудрился приписать себе 1 год в свидетельстве о рождении и уйти на фронт.

Перед отъездом мать дала Митрофану Харитоновичу иконку, которую он всю войну носил у сердца и благодаря которой он, много раз легко и тяжело раненный, вернулся с фронта живым и невредимым. Иконку он до сих пор хранит у себя дома в заветном месте. очередной раз я по доброй старой традиции

навестил Митрофана Харитоновича. Мы долго сидели за столом и пили чай, он делился своими воспоминаниями о войне и неожиданно, прервав нашу беседу, ушел в комнату и вернулся с иконкой-спасительницей. Меня поразило то, с какой любовью и нежностью он развернул передо мной материнский подарок. От иконки исходило тепло, и выглядела она так, словно два дня назад ее купили в нашем иконостасе. Горько было мне услышать от старого солдата слова о том, что самый страшный враг — это одиночество. С болью в сердце старый воин говорил: «На фронте было страшно, но рядом всегда ощущался локоть боевого товарища, а одиночество убивает меня каждый день».

9 Мая 2011 года страна отметила 66-й День Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Каждый год в этот день мы поздравляем участников и ветеранов Великой Отечественной войны. Это день внимания к старшему поколению и благодарности за наше освобождение. Мало осталось участников и ветеранов, и наша общая задача — окружить их вниманием, заботой и теплом не только в этот день, но и помнить об их существовании всегда и не допустить того, чтобы в мирное время одиночество убивало заслуженных и уважаемых людей.

Запад и Америка всегда были нашими противниками и конкурентами. С ненавистью и завистью они относятся к нашей территории с огромными энергетическими ресурсами, к нашей духовной культуре, к Православию, к нашему мудрому, толерантному многонациональному русскому народу. Об этом свидетельствуют слова Алена Даллеса (директора ЦРУ): «...Окончится война, все как-то утрясется, и мы бросим все золото, всю материальную мощь на обольщивание и одурачивание русских людей. Посев там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим и эти фальшивые ценности верить. ...В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Честность и правдивость будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания ... предательство, национализм и вражду народов, прежде всего, вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем культивировать, все это расцветет махровым цветом».

Десятилетиями Америка и Запад сеют национальную рознь и подрывают духовные устои Российского государства. Но их попытки пока не приносят желаемого результата благодаря взаимопониманию и дружбе более 140 народов, населяющих Россию. О сущности истинного национализма Иван Ильин говорит следующее: «...Любить свою Родину умеет именно тот, кто не склонен ненавидеть или презирать другие народы». Государственная стратегия Российской державы должна опираться на историческое наследие, богатейший опыт общественного развития, патриотизм и духовность русской

нации. Усилия государства необходимо в срочном порядке направить на реформирование среднего и высшего образования, в его основе должны быть духовно-правственное и национально-патриотическое воспитание молодежи.

В образовательных учреждениях патриотическое воспитание должно быть одним из направлений духовно-правственного формирования гражданских качеств личности, установок идей служения Отечеству, его защиты. В связи с тем, что духовная жизнь представляет для человека высшую ценность, ради нее должны любить свой народ, бороться за него и погибнуть за него. Именно в ней сущность Родины, которую стоит любить больше себя. Поэтому душа истинного патриота может жить только до тех пор, пока она пребывает в творческом объединении с жизнью своего народа. Главная суть патриотизма — это проявление его субъектами как чувства национальной гордости за державу, их активное участие в укреплении государства и государственности как первоочередного условия эффективного функционирования социальных институтов, развития общества и личности.

В «Национальной доктрине развития образования в РФ», государственной программе, определены основные пути развития системы национально-патриотического воспитания самосознания всех слоев населения. В программах документах указывается, что от правильного понимания идеалов и целей воспитательной работы с молодежью зависит эффективность и качество решения задач во всех сферах жизни: социальной, экономической, политической, военной.

ТАТЬЯНА БАРСУКОВА

Познание — увлечение всей жизни, неистинная работа души и сердца. Автор книг для детей «Солнечный зайчик», «Загадочный мир». К 65-летию Победы в подарок ветеранам Великой Отечественной войны издана книга — альманах «Алтари Победы».

Мой, скрипка, о любви!

Надрывно играет скрипка,
Тревожит она мою душу.
А счастье и вежно, и зыбко...
Той песней покой мой нарушен.

Звучат и звучат переливы —
Смьчок неустанно танцует,
Поёт, что парнишка красивый
О девушке милой тоскует...

О вечной любви поёт скрипка,
И я о любви пою.
А счастье и сладко, и зыбко...
Дай руку, любимый, твою!

15 сентября 2000

Золотая рыбка

Если б рыбку однажды поймали
Золотую, что б вы загадали?
Я прошу: моему народу
Подаря и любовь и свободу,
Пусть его только бог рассудит,
Спящих деток взрывы не будят.

6 июня 2001

Благословение природы

Как хочется мне иногда
В дебри лесные забраться,
Где чистая в речке вода,
На ширь природы отдаться.

Чтоб кроме меня — только лес,
Лишь кроны деревьев и травы,
И солнце светило б с небес,
Под песенный шум дубравы.

Целебный лесной бальзам
Залечит и сердце не ранит.
Расслаблюсь, дам волю слезам...
Природа меня не обманет!

Я к деревцу сердцем прилину,
Закрою глаза на мигновенье...
И с радостью светлой приму
Природы благословенье.

27 апреля 2000

Город детства

Город детства — безоблачный рай
Меня в гости к себе зовёт.
Моя память, не умирай —
Пока жизни река течёт...

Пред глазами весенний бум:
Белых яблонь и вишен цвет!
Открываю альбом изобум —
Детство с юностью шлют привет.

Разноцветье тюльпанов! Забор,
Весь обитый пыжиками, плющом!

И красивый цветочный ковёр
Украшает тропинку и дом.

Я люблю этот запах вдыхать,
Над цветами кружит пчела...
В этом доме жила моя мать,
Здесь я детство своё провела.

Может, вырвусь когда-нибудь,
Ведь случаются чудеса!
Чтобы в детство своё заглянуть
Ну, хотя бы на полчаса...

12 ноября 2000

Наш космический мир

Писатели, поэты,
астрономы, шаманы...
На сложные вопросы
кто даст ответы мне?
Космические дыры
зовут, влещут и манят.
А есть ли жизнь другая
и сколько лет луны?
Быть может, там, за солнцем,
ещё одна планета —
Такая ж голубая,
есть тоже жизнь на ней.
Одно и то же солнце
там дарит море света,
И жители, быть может,
похожи на людей?
Быть может, высший разум
здесь, рядом с нами где-то,
Но мы никак не можем
пути к нему найти.
Слетать, быть может, надо
на дальнюю планету

Или промчатся только
по млечному пути?
Когда-то все вопросы,
все тайны разгадают,
И даже, может, солнце
ещё одно пройдёт?
Наверно, будет скучно,
а может, нет. Не знаю,
В какую атмосферу,
куда нас занесёт?
Ракеты, зонды, спутники
кружат на всех орбитах
И шлют сигнал из космоса
о тайнах чёрных дыр.
А сколько неизведанно
и сколько не открыто...
Но как хорош таинственный,
космический наш мир!
27 апреля 2005

Ребёнок родился

За муки женщины в награду
Раздался звонкий детский крик!
О, как ова ребёнку рада!
Как мир таинственный велик!

Секунды быстро побежали,
И счётчик жизни был включен,
Дитя лелеяли, ласкали,
Любили страстно, горячо!

«Отец и Мать» — два этих слова
Проводники в его судьбе,
И вместе с ним они готовы
Шагать по жизненной тропе!

Всё будет: излёты и падения,
Но рядом Мать с Отцом всегда –
Источник счастья, вдохновения!
Ребёнок, Мать, Отец – СЕМЬЯ!

12 мая 2002

Шаманский бубен

Шаманский бубен, шаманский бубен
Легенды в наших сердцах разбудит.
Звучит и гонит прочь сомнения,
Молясь о счастье, прося прощенья.

Звучит зов предков, надрывно плача,
Он зазывает к себе удачу.
Шаману верит наивно люди,
То зов их сердца – шаманский бубен!

Удачней просят они охоты,
Тепла, надежды, любви, заботы.
Какою завтра судьба их будет –
Всё им расскажет шаманский бубен!

9 февраля 1999

Матери

Я по сне всё билет покупаю,
В скорый поезд сажусь и лечу.
Ты скучаешь по мне, я знаю,
И я тоже к тебе хочу.
Но безжалостна жизнь и жестока,
Заговянет нас всех в тупик...
Ты на старости лет одинока,
Бог к молитвам твоим привык.
Словно стрелы, летят наши будни,
Моё сердце стремится к тебе.

Я всегда благодарна буду,
Ведь ты Жизнь подарила мне!
Мы вдали, столько лет не видались...
Я во сне вновь на поезде мчусь!
Остаётся лишь самая малость,
Но... опить, не доехав, проснусь...
Ты поймёшь и простишь, дорогая,
Что твоя непослушная дочь
Столько лет к тебе не приезжает
И ничем не может помочь...
И, хотя ты сейчас далеко,
Обращаюсь к тебе вновь и вновь:
Пусть нам трудно, пусть нелегко,
Да поможет нам наша любовь!

9 сентября 2000

ВАЛЕНТИНА БОРЧАНИНОВА

*Родилась весной, в апреле,
Когда во всю капали пелли!
С детства в Книжный Мир вошла,
Так на жизни с ним и шла...*

*Жизнь как у всех — учеба, работа, сны, воспитание троих детей. Свои стихи стала записывать, когда увлеклась философией и православием. Тогда изменились взгляды на жизнь и душу переполнили Любовью к Богу, к миру, которая вылилась в стихи...
Этой Любовью и хочется поделиться.*

Птица Феникс

Я не рождалась и не умирала,
Я просто в вечности всегда жила...
Как птица Феникс, я из пепла возрождаюсь,
И снова уходила, как пришла...
Я — безымянная звезда... комета...
Я — Странница из Млечного пути!
Мой затерялся дом в просторах где-то...
И жок души моей — его найти...
Ночное небо... рассыпать звезд... жерданье...
Созвездье в танце — глаз не отвести!
И посылают звезды мне посланья!
Этапы — вехи моего пути.

Благодарение

Спасибо тебе, Господи, спасибо!
За каждый миг и каждый вздох земной!
За то, что будет, было когда-либо...
За то, что Ты всегда везде со мной...
Прими, Господь, к Тебе мое признание

За синь небес и птичий голоса,
За шум лесной и ручейка журчанье,
За то, что есть такая вот краса...
За то, что я была всегда и буду,
За все земное счастье поклонюсь,
За то, что Это дал мне! Не кому-то!
За то, что сердцем к свету я стремлюсь...
Спасибо за любовь по всякой ипостаси!
За счастье матери и женщины земной...
За то, что зло уходит восвояси,
Я счастлива, что Ты, Господь, со мной!
Благодарю за все благоволение,
Что недостойной щедро даришь Ты...
И что даешь мне силы и терпенье!
Мгновения полета и мечты!...

Скрипка Паганини...

Тоскует скрипка Паганини...
Рок по судьбе его плывет...
Руками чуткими своими
Смычок волшебный он ведет...

Он проживает жизнь на сцене,
Вне времени и вне людей...
Как гладиатор на арене,
Среди пороков и страстей...

Смычок трепещет, оживает...
Неистовствует, плачет зал...
Смеется скрипка и рыдает...
Аплодисментов плещет шквал...

И потрясен мир чародейством!..
От дьявола — ползет слушок...
Все мастерство его — злодейство...
И в запредел его прыжок...

Замолкли звуки... растворились...
Глаза маэстро чуть закрыл...
Остатки бурь в душе томилась...
Один в толпе... он всех забыл...

Рождественские видения

Смутные, неясные томленья...
Зимний вечер... Слабый треск свечи...
Сквозь оное размытые виденья...
Торжество рождественской ночи...

Там, в ночи, Иисус Христос родился,
Маленький, но светлый Человек!..
Мессия от Бога проявился
В тот далекий, древний, славный век...

Ровно тридцать лет и плюс три года
Прошагал сквозь мрак людской толпы...
Врачевал болезни и невзгоды,
Утверждал от света он столпы...

Нес ученье он свое от Бога.
Фарисеев лживых обличал.
Трудная, в шипах его дорога...
Крови на ногах не замечал...

У окна сижу, а в сердце слезы...
Слышу стон распятого Христа...
Пронеслись над миром бури-грозы...
Тень возникла от того креста...

Плачет сосулька

Плачет сосулька, прощаясь с зимой...
Тает в апрельском тепле...
Радость и солнце приходят с весной
И возрожденье Земле!

Небо лазурью весенней дрожит...
С неба — лучей солнцепад!
Звонкий ручей, напевая, бежит,
Жизни безмерно он рад!

Господи! Боже! Какая Краса!
Все — неужели мое?!
Этот простор! И небес синева!
Благословенье Твое!

Хочется петь, ликовать и творить!
Хочется свет весь любить!
Хочется все! Все плохое забыть!
Хочется жить! Просто жить!

Снова весна... Обнаженье грядет...
Мир, возрождаясь, звенит!
Холод с сердец за зиму уйдет,
Солнце его растворит!

Плачет сосулька, прощаясь с зимой...
Только ликует душа!
Радости сердце весенней раскрой!
К счастью душой послушай!

АНАСТАСИЯ ИВАНОВА

Родилась в 1978 году в небольшом русскоязычном селе Киргизстана. В 1991 году с семьей переехала в поселок Милиновский, окончила школу, получила профессию повара. Сейчас Анастасия работает, воспитывает двоих детей, пишет стихи.

Блокада в лицах

По улице, истерзанной бомбежкой,
Невиденной от снега, среди зимы,
Как по морю пугливая рыбешка,
Укутанный ребенок семенил.
Не как другие дети, не вприпрыжку.
Едва хватает сил, чтоб не упасть.
За паухой несет совсем не книжку,
А шанс на жизнь, всего сто двадцать пять!
Сто двадцать пять грамм черного,
Со стружкой, кусочка хлеба —
Суточный паек. Пожалуй, все,
Что есть у этой крошки.
А больше ничего и никого!
Фашистской артиллерией
Разрушен не только дом его —
Весь маленький мирок,
Где жила когда-то с бабушкой-старушкой.
Теперь идет один и весь продрог.
Не скоро еще жизнь вернется в город,
По ладожскому льду придут свои...
И лишь кусочек хлеба ему дорог!
Невинной жертве проклятой войны.

Рождение стихов

И пусть не смутит Вас стиха простота,
Дукачества в нем нет и обмана.
Талантливым стих может быть не всегда,
Но вдруг зачарует дурманом.

Простой и понятный, из самой души,
Обугленным сердцем рожденный в тиши.
Когда даже ветра не слышно,
Стих птицею рвется все выше.

То шепотом тихим беззвучно звучит,
То словно тревожный набат загудит.
А может, слезою катясь по щеке,
Оставит лишь след. Мокрый след на руке.

Вдыхаю, вбираю до самых краев
Печаль и порок наших хрупких миров.
Скрипящим пером, положила на бумагу,
Те робкие строки из сложенных слов...

Прошу Вас, простите меня за отгаду!

Смятение

Как в бездну шаг —
Поступок каждый,
И боль, и мрак
Скуют однажды.
Горячим льдом
Опалит руки,
Потом с ума
Сойдем от скуки.
Ленивый бег
Лошадок резвых,

Затем
Стремительный галоп.
Ну, а потом,
Не очень трезвых
Людей
Бессвязный монолог.

Как жжет ступни
Песок пустыни,
Так будет жечь
И моль отныне.

И гнев, и страх,
Как желчь по венам,
Не остудить
В прибое пением.

Мой парус

Мой маленький
Беленький парус.
Мелькаешь ты где-то вдали,
Боишься подплыть
К тихой гавани.
Большие страшат корабли.
Ты бьешься и с морем сражаешься,
С волнами, что хлещут бока,
Ты с ними на гребни вадмаешься,
Мечтая взлететь в облака.
Но силы твои скоро кончатся,
И время, увы, пролетит,
Но маленький беленький парусник
Все ж выше волн не взлетит.

ЛЮДМИЛА ИЛЬЧЕНКО

Родилась в 1955 году в Омской области. «Сколько себя помню, меня всегда окружали книги — дед собирал библиотечку, страстным книголюбом был отец. Благодаря им сформировался интерес к хорошей литературе. Мечтая донести до всех красоту и преображающую силу русского слова, выбрала для себя профессию учителя литературы. К собственному творчеству пришла, уже работая в газете «Югорский вестник». Считаю, что начинать никогда не поздно — все приходит в свое время, например, осознание того, что тебе есть что сказать, и ты хочешь, чтобы тебя услышали».

Прогулки в прошлое

С каждым годом я все больше и больше влюбляюсь в Югорск. Думая, почему же так происходит, прихожу к выводу: потому что живу в одном городе, хожу по одним улицам с теми людьми, кто этот город создавал. Они не берегли себя, работали неустанно, жили щедро, взахлеб, не подозревая, что когда-нибудь войдут в историю. Рассказывая о прошлом, удивляются, как недавно все это было — первый дом, первая улица, и они — молодые, красивые, полные сил... А уже выросли их внуки, у кого-то появились правнуки. Понзростел и город: ему уже 47, но он такой же, как и они тогда, — молодой, задорный, и ему по-прежнему все по плечу. Каждая его улица до сих пор наполнена какой-то особой энергетикой, словно в ней остался комсомольский задор поколения 60-х — первопроходцев, первостроителей.

Просто жизнь

Они и не думали, что их делами пишется история города. Они просто жили. Ходили в магазины — «Елисеевский», «Белочка», «Поплавок», «Север», «Мясо—рыба» на ул. Центральной (Попова). Как утверждают некоторые старожилы, «Елисеевским» магазин называли приехавшие газонники, до этого он был просто «магазин». А строители газопровода были людьми бывальыми,

много повывавшими за время своих переездов по стране, пожившими и в столицах. Кто знает, может, ассортимент продуктов в магазине поселка их ошеломил, может, в насмешку, но дали они наименование безымянному магазину по названию крупнейшего продуктового магазина Москвы. Кстати, про икру черную и красную не вспоминает никто, но про тушенку и студенику да про дешевый спирт, продававшиеся в наших магазинах, помнит многие, ведь сначала жили только на консервах — картошка, морковка, помидоры-огурцы и в теплицах появлялись много позднее.

А вот хлеб начали печь почти сразу. Хлебный дух доносился с перекрестка переулка Поперечного и улицы Центральной (Попова). Белый, ароматный, теплый хлеб за 20 копеек... Идя домой, можно было умять полбулки, а оставшуюся часть съесть в один присест уже дома, щедро намазывая повидлом из литровой банки. Очереди собирались у магазинной, когда туда, уже по осени, привозили арбузы. Женщины коротали время в разговорах, ребяташки гоняли по Центральной на велосипедах, периодически проверяя, не пропустили ли очередь, а потом тащили эти арбузы сразу по несколько штук, навесив сетки-авоськи с ними с обеих сторон руля и умудрившись самой большой привязать к багажнику.

Радости детства

На Центральной росла черемуха. В детстве эти деревья казались огромными. Разбрызгивая лужи, ребяташки гоняли по поселку, играя в «казаки-разбойники». Враждовали редко. Дружили дворами: три дома — двор. Протоптали два переулочка от Калашова до Таежной, чтобы не обегать вокруг. По краям дорог росли одуванчики, детвора срывала их, загадывая — «петух» или «курица»? Нужно было дунуть изо всех сил, чтобы оказался «петух». «Вышибалы», «чижик» — детские немудреные игры, не требовавшие ни особого инвентаря, ни больших площадок. Но как в этих играх воспитывалось чувство коллективизма (ты должен продержаться, чтобы твоя команда вновь вошла в круг), лояльность! Мне жаль нынешних детей, у которых уже отсутствует это чувство дворового братства. Конечно, и тогда отдавались какие-то предпочтения, но тебя брали в игру, если ты был честен, ловок, а не потому, что твоя семья, допустим, занимает целый вагончик в вагон-городке (в районе нынешнего д/с «Якорек»). Это было круто! Но и только. С тобой дружили совсем не поэтому.

«Привези ты мне, батюшка, цветочек аленький...»

Продолжим наше путешествие к центру поселка. В начале 90-х страна перешла на бартер — товар на товар вместо «живых» денег. Чтобы насытить рынок при полном провале собственной легкой промышленности, на сырьевые деньги закупались товары за границей. А затем вступала в действие многократно «пробованная» в нашем государстве ограничительно-распределительная система. «Сверху» в коллектив трудящихся приходила «бумага» на ваш коллектив выделено... И начиналось деление. Конечно, у начальства выбор был пошире, а потом список товаров, уже урезанный, поступал в профсоюзный комитет. В меру своих скромных возможностей профсоюз пытался решить, что кому нужнее, а в коллективе неизбежно начинался гвалт. Счастливый обладатель выделенного талона, например, на ботинки, сначала оказывался в затруднении: нельзя было подобрать ни цвет, ни размер — бери что есть. Выручил стихийно возникший рынок — «менякиш». «И вот иду я, как старый преступник, с ботинками через плечо на площадку между этажами универсама, иду менять. И ведь до чего дошло — еду в командировку, жена пишет список: Верочке — сапоги, Катюшке — кофточку. Почти как в сказке: «Привези ты мне, батюшка, цветочек аленький!», потому что просто купить это было нельзя, можно было только «достать». «И «доставал»: чуть где очередь увижу — сразу реакция: что дают? Однажды в московском универсаме отстоял полдня за финскими сапогами. Привез — оказались малы, но жена все равно спасибо сказала, потому что потом удалось продать», — вспоминает те годы мой хороший знакомый. Да, волей-неволей многие стали «чертовыми спекулянтами», как сурово клеймили их остававшиеся верными своим социалистическим убеждениям. Но что было делать? Реалии жизни менялись круто, не всем и не всегда удавалось сразу в них разобраться. Многие из нас тогда вспоминали пожелание древних мудрецов: «Не дай тебе бог жить в интересное время!» Магазиновые полки были пусты, но на «менякише» появились товары, которые можно было купить. Цены, кстати, были не маленькими. Детские беленькие кроссовки фирмы «Саламандра», красные сапоги «казачок», длинные черные платья с белыми воротничками — сколько девчоночьих слез было пролито по ним! Это было модно, потому что в этом ходили все, и так хотелось быть такой же, как и все.

«Дунский»

Впрочем, что ж мы все о центре да о центре. И заливней железной дороги шла своя жизнь. В праздники тут собирались компаниями — шамальки, песни под гитару. Здесь были сосны с сучками толще локти. На такой поваленной лесине можно было спокойно лежать — так она была огромна, так прогрета солнцем. Настоящее строительство развернулось в этих местах в 80-е годы благодаря тресту «Комсомольсктрубопроводстрой». В первом квартале 1983 года руководство треста выехало в главк с балансовой комиссией в составе шести человек: управляющий, главный инженер, начальник ПТО, начальник планово-экономического отдела, парторг и председатель профсоюзной организации. Отчитались по производственным вопросам, зашла речь и о жилье. Уже все знали, что Министерство строительства закупило в Финляндии несколько комплексов — вахтовых жилых поселков, которые можно было поставить в любой климатической зоне — хоть в Туркмении, хоть в Заполярье. Проблема была — их заподучить. Но трест «Комсомольсктрубопроводстрой» был на хорошем счету в главке, а кроме того, как красноречиво доказал председатель профсоюза, практически все высококвалифицированные строители, в особенности сварщики-потолочники, — они же из Башкирии и вернутся сюда же (главк находился в Уфе), а для ударной работы на Севере им надо создать комфортные условия проживания.

И вот в Комсомольский несколькими вахтонами была доставлен жилой комплекс из финских домиков. В нем была предусмотрена вся социальная инфраструктура европейского типа: библиотека, медпункт с аптекой, пекарня, котельная, магазин, клуб. К домикам прилагалась соответствующая «начинка»: финская сантехника, зеркала, даже столы и табуретки, для монтажа — пистолеты с облойкой пеноклей, монтажная пена — диковинки для наших строителей. К стыду нашему, диковинки эти были немедленно растащены (как полагают, еще на стадии перевозки), финская сантехника заменена обычной, советской, но домики все равно имели нарядный, необычный для наших широт вид. Так появилась на карте Комсомольского новый микрорайон, который жители назвали просто: «финский».

Здесь будет поселок — говорили первопроходцы в начале 60-х. Здесь будет город — говорило следующее поколение его жителей. Здесь будет цветущий город, город-сад — говорят сегодня его молодые граждане. Вот потому я с каждым годом все больше и больше влюблюсь в Югорск: здесь живут люди, для которых наш город — как родной, любимый человек, к которому относишься не потребительски, а с заботой и любовью.

ВАЛЕРИЙ КАДАНЦЕВ

Родился 17 ноября 1944 года в Ставрополе. Главный врач центральной городской больницы, заслуженный врач Российской Федерации, представитель комиссии по здравоохранению Общественной палаты ХМАО—Югры. Автор книги очерков «Реки времени...».

Братья

Семья — это когда навстречу
друг другу идут всю жизнь.

А. Ашурхин

Второй половина сентября была далеко не теплой. Я возвращался из Нижневартовска, где встречался с Леонидом Михайловичем Роспалем, который приезжал в Ханты-Мансийский округ как председатель комиссии Общественной палаты РФ по здравоохранению для ознакомления с состоянием оказания медицинской помощи населению округа. Накануне я приехал в Ханты-Мансийск, а уже ранним, прохладным по-осеннему утром садился на «Метеор» вместе с моими давними знакомыми Игорем и Людмилой Пакиными. Мы направлялись в Игрим на юбилей к Сергею Афанасьевичу Каневу. По мокрому трапу поднимался на теплоход. Мне досталось место в третьем салоне. Окна теплохода были запотевшими, от них отдавало влагой и холодом. Я сел в кресло и задремал, но так замерз, что во сне мне приснилось, будто у меня нет стоп. Я начал искать их и проснулся, достал из портфеля бутылку французского коньяка, сделал несколько глотков, и у меня вновь появились ноги. Игорь всю дорогу неохотно разговаривал, отказался от коньяка, сославшись на плохое самочувствие, мне показалось, что он чем-то очень обеспокоен. Мое наблюдение подтвердилось. Он волновался о возможной встрече с отцом, которого никогда не видел. Сергей встретил нас в д. Нарьякары и привез в Игрим. Во дворе дома Сергея его брат Олег готовил шукку к копчению. Сергей познакомила Игоря с братом. Они крепко обнялись, долго стояли молча. Мне казалось, очень жалели о столь поздней встрече. Подошел Сергей, и я увидел трех мужиков разного

роста, телосложения, но очень похожих. Несколько лет назад такая же встреча произошла у Сергея и Игоря.

Непросто сложилась жизнь моих друзей — братьев Игоря и Сергея. Врачи-хирурги только спустя много лет увидели друг друга. Сергей Афанасьевич появился в Игримской больнице в 1983 году. Высокого роста, крупный, с большими голубыми добрыми глазами, кандидат в мастера спорта по борьбе располагал к себе. Из беседы с ним я узнал, что родился он в с. Саранпауль. Его отец, Афанасий Никанорович, из первого выпуска Ханты-Мансийского национального медицинского училища. С началом войны ушел на фронт, в одном из боев был ранен, оказался в плену. Несколько раз пытался бежать, стремление к свободе, жажда жизни, справедливого возмездия помогли реализовать задуманное.

Игорь родился в 1940 году, шесть лет прожил в семье отца, затем с мамой переехал в Ханты-Мансийск. Его мама, напуганная пленом мужа, оставила Игоря на своей фамилии, старалась изолировать от бывшего пленного, отправляла жить к бабушке. В мае 1946 года Афанасий Никанорович вернулся в Саранпауль. Вскоре он женился на учительнице Людмиле Вячеславовне Прутовой. Она начала свою педагогическую деятельность в д. Хошмаж, недалеко от с. Саранпауль, где одновременно работала заведующей начальной школой и интернатом с 1942 по 1944 год. В 1945 году переехала в д. Саранпауль, учила детей до выхода на заслуженный отдых. В 1963 году удостоена звания «Отличник народного образования РФ». У Людмилы Вячеславовны и Афанасия Никаноровича родились пятеро детей, трое сыновей выросли до зрелого возраста. Афанасий Никанорович работал разъездным фельдшером, обслуживал геологические партии экспедиции № 118. Несколько лет избирался председателем сельского Совета. Своих мальчишек с раннего детства приучал любить и бережно относиться к природе, которая кормит, согревает, придает силы выживать в этом суровом родном крае. В четыре года Сергей встал на лыжи, а когда первый раз выстрелил, упал от отдачи. С тех пор он не только рыбак, охотник, но и борец за сохранение той первозданной, очень хрупкой природы, которая окружает его с детства. Свободное время проводит на природе, любит её, дорожит её уникальностью. Учёбу в школе Сергей успешно совмещал с занятиями борьбой у тренера Хатанева Андрея Яковлевича, члена сборной команды России по самбо. Выполнил норматив кандидата в мастера спорта, увлекся детской хирургией. После окончания института остался работать детским хирургом городской больницы № 2 г. Тюмени. В 1983 году Сергей Афанасьевич приехал работать хирургом в Игримскую больницу. Близость к родной природе, память о детстве, охота, рыбалка позвали его, заставили вернуться домой.

Как-то в больницу приехала очередная комиссия, в её составе — главный хирург округа Игорь Афанасьевич Пакни. Его я знал много лет, и тогда, когда он был заведующим окрудрамотделом, главным врачом окружной больницы, заведующим хирургическим отделением окружной больницы. Став окружным хирургом, он много времени уделял развитию хирургии в округе, после его ухода на заслуженный отдых окружные хирурги потерялись.

Игорь Афанасьевич — среднего роста, плотный, широкоплечий, с крупными чертами лица, русоволосый, с большими голубыми глазами. Его обворожительная улыбка, раскатистый смех, доброта, бескорыстие, мужество боксера притягивали к нему родственников, коллег, простых жителей захолустного Ханты-Мансийска. Он, заслуженный работник здравоохранения округа, заслуженный врач РФ, никогда не подчеркивал свою значимость, был ровным и доступным в отношениях, умел проявить требовательность, настойчивость, принципиальность, упертость и достижение цели. Я с большим уважением отношусь к нему.

Мы пили чай, меня интересовали окружные новости. Игорю позвонил, я извинился и вышел в приемную, откуда позвонил в поликлинику, где хирургический приём больных вел Сергей, пригласил его зайти ко мне в кабинет после окончания приёма. Не прошло и получаса, вошёл Сергей, я предложил им познакомиться.

Сергей, успешный хирург, удачливый управленец, прагматик, захотел попробовать себя на более высоком уровне: стал баллотироваться на должность главы муниципального образования. Я отговаривал потому, что хорошо знал его основного соперника. Деньги, административный ресурс победили, да иначе и не могло быть. В настоящее время только наивный может рассчитывать на успех без денег и административной поддержки. Возможное исключение — выборы депутатов на местном уровне — ничего не решают, ни на что не влияют, их держат для массовости. Сергей проиграл, избранный глава освободил его от работы. Полтора года борьбы за справедливость, за возможность работать, за выживание — и вот долгожданная победа: суд своим решением восстановил на работе, обязал выплатить за вынужденный прогул. Но никакая компенсация не может возместить ущерб, нанесенный здоровью, и, как следствие, тяжёлая операция на сердце. Несмотря на пережитые трудности, Сергей продолжает работать, лечить больных, строить, ремонтировать, приобретать оборудование, готовить кадры. Губернатором округа назначен на второй срок членом Общественной палаты. Ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник здравоохранения округа». У Сергея растут две дочери: старшая окончила университет, работает юристом, младшая, Елена, учится в школе. Елена крепкая, сильная, с карими выразительными глазками, она прекрасно плавает,

ныряет, управляет снегоходом, квадроциклом, учится водить автомобиль, ухаживает за домашними животными, успешно учится в школе.

Сергей Афанасьевич в свободное время любит помечтать: он уверен, что Игрым получит второе развитие, что будет построена новая больница, что реализация мегапроекта «Урал промышленный — Урал Полярный» не нанесет ущерба такой ранимой, нетронутой северной природе, что дочь Лена станет биологом.

Игорь Афанасьевич, находясь на отдыхе, продолжает заниматься любимым делом: дежурит в хирургическом отделении окружной больницы, оперирует экстренных больных. Достоинно принял ошибку в приказе, допущенную нерадивым чиновником, из-за которой он не получает пенсию как государственный служащий. Большой любитель природы, он любит побродить с ружьём в лесу, посидеть с удочкой у воды, полюбоваться близкой ему родной природой. Иногда в его памяти всплывают воспоминания о могуществе и силе огня, ветра, воды в бабушкиных сказках.

Братья и сегодня готовы прийти на помощь к больному, пострадавшему, любому обратившемуся. Годы, проведённые у операционных столов, выработали умение находить, принимать самые правильные, подчас рискованные решения. Умение выслушать, их добродушие и любовь к людям снискали уважение к ним.

Афанасий Никанорович понимал, что страшная война не обошла стороной его семью, как и миллионы других, разбила родителей с детьми, братьев с сестрами, жен с мужьями. Он гордился своими сыновьями, ждал Великого праздника 63-летия Победы, до которого не дожил несколько лет.

Учитель

*Учитель, перед именем
твоим позволю смиренно
преклонить колени.*

Н. А. Некрасов

Июнь — первый месяц лета, каждый человек его воспринимает по-своему. Для меня это время яркого летнего солнца, любви и экзаменов.

Удивительные способности мозга человека — многое забывать и многое помнить. Прошло много лет, но свежи воспоминания о годах, проведённых за школьной партой, о школьных товарищах, учителях, о тех интересных делах и поступках, которые волновали нас, заставляли думать, мечтать, надеяться.

Я помню всех своих учителей, но огромную роль в моей жизни сыграл учитель литературы Яков Маркович. Он вошёл в 8 «А» класс солнечным, жарким сентябрьским днём 1959 года. Мы увидели небольшого хрупкого человека, со следами ранения на лице, седной в висках. Он рядовым прошёл войну, получил тяжёлое ранение, учился и стал учителем. С первых дней общения с ним мы поняли, что с нами необычный человек — добрый, требовательный, очень большой и мудрый. Войдя в класс, он сказал: «Я с вами буду изучать русскую, советскую и зарубежную литературу». Проходили дни, месяцы, годы, для нас стало привычным — когда он входил в класс, то урок начинался словами: «На чём мы остановились в прошлый раз?» Мы слушали его, зажав дыхание, потому что знали: Яков Маркович бесконечно любит свой предмет — кроме литературы, для него ничего не существовало. Самым дорогим подарком была книга. Яков Маркович прекрасно знал литературу, драматургию, историю, живопись и просто жизнь. Мы с ним ходили в театры, музеи, бывали на природе. По его предложению мы открывали школьный книжный магазин, где не только можно было купить книгу, но и обменять её на другую, ещё не прочитанную. Рассказывая о творчестве А. Н. Радищева, Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, он стремился особым образом подчеркнуть их гражданскую позицию, любовь к Родине, патристическую направленность их произведений, борьбу добра со злом, насилием.

Каждое лето, во время подготовки к вступительным экзаменам, в городском лектории Яков Маркович читал лекции для абитуриентов, зал всегда был переполнен, мы гордились тем, что лекцию читает наш учитель.

В 1962 году он дал мне прочесть повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Когда я прочитал, он мне сказал: «Это произведение прославит автора, в нём чувствуется большой писатель, это явление для жизни и судьбы нашей страны, потому что возникла мощный литературный рассказ о самой запретной теме». Его слова оказались пророческими. Я часто бывал у него дома, когда учился в школе и институте. Работая на Севере, в дни отпуска обязательно заходил. Наши беседы иногда продолжались до глубокой ночи. Яков Маркович никогда не пытался учить, навязать своё мнение, он старался убедить, делая это очень тактично, не задевая самолюбия, он находил такие слова, которые оказывали большое влияние на моё мировоззрение, мои мысли, поступки. Четыре года пролетели очень быстро, за это время Яков Маркович сумел подготовить нас к новой самостоятельной жизни со всеми сложностями бытия, успехами и неудачами. Из учеников нашего класса вышли инженеры автотранспорта, экономисты, химики, офицеры, три врача, два из них — заслуженные врачи России.

Вспомнил последнюю встречу: жарким солнечным августовским днём я шёл по улице Артёма в городе Ставрополе и увидел на противоположной стороне идущего с сеточкой, в которой была какая-то съедь, Якова Марковича. Я перешёл через дорогу, встретился с ним, поднял его на руки и долго держал высоко от земли, а прохожие, недоумевая, смотрели на нас...

Вот такие воспоминания навеял спустя 40 лет первый летний месяц — месяц цветов, любви, экзаменов...

Любовь...

*Я люблю этот сумрак восторга,
Эту краткую ночь вдохновения.*

Н. Заболоцкий

Многие годы жители Югры мечтали о хорошей дороге в окружной центр. Обычно, каждую зиму, строили дорогу — зимник, наводили переправы, и по ним, в течение многих часов, добирались до Ханты-Мансийска. Как часто бывало — с приключениями: то заметет, то где-то пробьется ручей, провалится часть дороги или, как принято говорить, «рухнет», то закроют переправу...

Наконец долгожданное открытие, которого ждали с интересом и нетерпением, свершилось. Трудно представить, сколько сил отдано дорожными строителями, сколько песка, щебня, асфальта уложено в дорожное покрытие, построено мостов через реки с такими красивыми, необычными названиями: Яхля, Выхотья, Сыморья, Серотья, Тулья, Нава, Так-Хора — малые и большие речки, ручьи и протоки. Впечатляет самый удивительный, необычной конфигурации, красивый мост через реку Иртыш у Ханты-Мансийска, он вписался в ландшафт, его видно за многие километры, напоминает то ли ищущую, то ли змею, изогнувшую свое тело в момент опасности.

Проезжая по зимнику, не полюбуешься зимней красотой нашего края: кочки, ухабы, постоянная тряска — не до красоты!

Запомнилась первая поездка по новой дороге. Осень, начало сентября, чуть тронутая легкой позолотой, осенним дыханием листва на березах, осинах, дождь с резкими порывами ветра, поразило множество катафотов на каждом мосту: словно праздничная иллюминация.

Особо запомнился один день. Ранним летним утром выехали из Югорска в Ханты-Мансийск на очередное совещание. Солнце находилось за горизонтом, воздух был пропитан утренней прохладой, легкий ветерок робко перебирал листочки на деревьях. Проехали половину пути, выехали на дорогу Нягань — Ханты-Мансийск, остановились. Первые лучи солнца появились на

верхушках деревьев, мы вышли из машины, летняя прохлада сменялась теплом, чувствовалось, что день будет жарким.

На заседание рабочей группы по реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» добрались вовремя. Из зала заседаний выходили с огромным желанием немедленно приступить к выполнению задач, поставленных в департаменте, как можно быстрее и лучше. Благополучно выехали из Ханты-Мансийска, спокойно миновали пункт ГИБДД. Съехали с моста, проехали около 40 километров, заправились, остановились на стоянке. Водитель с трудом очистил лобовое стекло от разбитых паутов, оводов, комаров, которые плотным слоем покрывали его во время движения. На капоте накрыли стол. С коллегами из Урая вышли по единой. Внезапно поднялся ветер. Его порывы срывали с земли и крутили в воздухе клочки бумаги, опавшую листву, окурки, одноразовую посуду. Заторопились, вышли еще по одной... Небо мгновенно затянуло темными, холодными тучами, начал накрапывать быстро усиливающийся дождь. Поторопились сесть в машину, проехали несколько километров. Поток дождя стал таинным, как в рассказе Имре Дробои: «...но тут хлынул такой ливень, словно у низко нависшей тучи сразу лопнуло брюхо».

Яркие молнии сопровождалась мощными раскатами грома, на мгновение дорога освещалась, как в яркий солнечный день. Машина двигалась с трудом, так как потоки дождя направлялись к земле под углом. Такой дождь называют в народе «косохлестом».

На обочинах дороги, по обе стороны, стояли машины.

Дождь усиливался, частые всплески молнии и могучие раскаты грома вызывали беспокойство, в какие-то моменты — страх и чувство беспомощности, невозможности повлиять, изменить, успокоиться.

Наша машина продолжала ехать с минимальной скоростью, мой коллега, Володя, несколько раз повторил: «Попали!.. Когда же все кончится?..»

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Из-за туч стали проглядывать солнечные лучи, а вскоре прояснел и яркий круг не заходящего летом солнца, осветившие дорогу и ближайший к ней лес.

Мы остановились и вышли из машины. Воздух отдавал особой свежестью, на ветвях деревьев висели капли дождя. В лучах солнца они играли, как миллионы бриллиантов. А над горизонтом раскинулась многоцветная радуга, как величественная арка у входа в сказочный мир...

2010

ЛЮДМИЛА КОВАЛЕВА

Родилась 19 сентября 1946 года в городе Москве, воспитывалась в детском доме города Сходни. 30 лет отработала в Консультационном комплексном центре инженером отдела кадров. С 2005 года выполняет обязанности председателя общественной организации инвалидов города Югорски. Лауреат премии «Белая птица», депутат Думы города Югорски IV и V созыва.

Старые фотографии

Ах, эти милые картинки,
Их черно-белое лицо
Рассказывает мне о многом,
И хочется смотреть еще.

Вот мой детдом, в Москве на слете
Стоим родные все пока.
Затем судьба нас разбросает,
И все уедут кто куда.

Но до сих пор воспоминанья
Не отпускают от себя,
И больно, радостно и грустно,
Что где-то Сходни есть моя.

Ну, а потом раскинул веер
Всех фотож маленьких, больших,
Я попытал по волнам жизни,
Купаясь в образах своих.

Как здорово! Ведь можно видеть
Все то, что все давно прошло,
И окунуться в мир событий,
Где было плохо ль, хорошо...

Сыночек мой — маленькая крошка,
Ну как же я тебя ждала,
Вот армия, женитьба... Лара
Двоих мне внуков родила.

А вот друзья, коллеги, встречи...
Как много лет с тех пор ушло!
А я сижу, обнявши плечи,
И думаю — мне все ж везло.

Везло на всех людей хороших,
На сына моего, семью,
На леспромхоз мой самый лучший,
Который до сих пор люблю.

На жизнь, что складывала карты,
Давая мне порой понять:
Не забывай, будь благодарна,
Коль планку ты смогла поднять.

Спасибо вам! Я собираю
Все фотографии в альбом,
Тихонько дверцу закрываю,
Чтобы открыть ее потом.

11 февраля 2009

Маме

Стихов я грустных не люблю
И сочинию крайне редко.
И вот портрет твой... я смотрю,
И оживает память детства.

Родная, милая такая,
Как далеки с тобою мы!

Оставив эту жизнь так рано,
Ты прервала мои мечты.

Как трудно было мне в то время
Искать по жизни твердый путь!
Ведь я одна осталась, мама,
Мне шел восьмой — не как-нибудь.

Детдом мне дал большую школу,
Я научилась там всему:
И остывалась, и иставала,
Как выжила — я не пойму!

Сегодня я совсем «большая»,
Уж двое внуков у меня,
Но до сих пор не понимаю,
Как жизнь прожита без тебя!

Ты знаешь, я хранил так долго
В душе твой образ молодой...
Был Новый год, и я у саки,
А рядом ты стоишь со мной!

Еще хочу я повидеться:
Когда больною ты была,
Не понимала твоей хвори,
Тебя тогда обижала.

Вот этот грех живет со мною,
Всю жизнь мне душу беря.
И низко голову склоняя,
Прошу тебя, прости меня!

11 февраля 2009

Merma

Душа моя горит, бунтует,
Выплескивая все извне.
И вот тогда на ум приходит
Слова, они уже бегут ко мне.

И начинаешь мелко, мелко
Дрожать от радости такой.
Ну, а слова — они коварные:
Прищип и ... стали на покой!

А ты в бессонном ужасном
Стараешься их все собрать,
Но как же так, ведь даже рифма
Надежду стала подавать!

И вот глядишь на лист устало,
Когда же... ну... Опыт пришло!
Берешь, что под руку попало,
И ... вдохновение пришло!

И вот она, твоя картинка,
Твой ангел в этом ремесле.
Как здорово, ты как пылинка
Узор рисуешь на стекле.

А сердце, сердце просит жизни,
Оно устало все держать.
И я, выплескивая душу,
Пишу, о чем хочу сказать.

О жизни, радости и счастье,
О кризисе и о любви...
И так хочу, чтоб все друг к другу
Всегда, везде были добры.

Чтоб козней не было и грязи,
Чтобы светло было вокруг,
Чтоб было так, как было раньше;
Брат — брату и соседу — друг.

Чтоб все открыты были двери,
Сердец невинных чистота,
Чтоб ангел нам трубил оттуда,
Что мы святая простота.

Я так хочу, мне здесь комфортно,
Уют я чувствую, тепло...
Но глаз замочк, уже безмолвный,
Мой ангел опустил крыло.

31 августа 2009

РАИСА НИКУЛИНА-ВОЛОБУЕВА

Родилась в п. Домбаровский Оренбургской области. Работала инструктором отдела культуры, заведующей отделом писем и редакций газеты. Публиковалась в литературно-художественном альманахе «Великой Победы немеркнущий свет!». Автор сборников стихов и рассказов: «Благословен на реке», «Верить. Любить. Прощать...»

Бабье лето

Люблю таежные осенние зорьки. Воздух — как родниковая вода: чистый и холодный, аж зубы ломит. И тишина — до звона в ушах. На востоке уже алает полоска, а в вышине и до самого горизонта на западе висят звездочки на тонкосеньких паутинках бабьего лета. Висят и не колышутся, лишь мигают удивительно нежно, радужно и приветливо. Воздух напоен едва уловимыми запахами кедрача, черемухи и таежных трав. А над Эсской, словно дымчатая пухля, висит нетолстый слой тумана, метра в полтора, и тоже не колышется. Река будто дремлет в благостном умиротворении. Позади и рыбацкие зорьки, и теплые грозовые дожди.

Осень начала свои художественные работы в лесу — перекрашивает зеленые листья в красные, желтые и оранжевые цвета. Красит не одним махом, а неторопливо и аккуратно: к каждому дереву свой подход. Листья малинника красит осторожно. Вначале тонкой колонковой кистью, потом пририсовывает красной краской многочисленные прожилки. Листья черемухи начинает закрашивать с краев. Кромки листа уже малиново-красные, а середина — зеленая. И среди этих декоративных листьев — черные спелые ягоды. Спешу поскорее заснять черемуху на цветную пленку, пока птицы не склевали ягоды.

Березы оделись в золото, осины — в желтые, оранжевые и пурпурные платья. Когда ветер налетает, осины бросают в меня ворох листьев. Забываю о возрасте, ловлю их на лету, снова подбрасываю, радуясь вместе с осинами потрошему осеннему дню. Листья падают мне на плечи, попадают в пустую корзинку, прилипают к резиновым сапогам.

На опушке леса встретила необыкновенную осину. Листья на ней крупные, какие бывают только у осинков-подростков, и все листья разного цвета, будто

здесь потрудились целая бригада художников, и каждый работал своей краской. Казалось, осень развесила на солнце праздничные разноцветные флажки.

Пролетела, пересканиываясь, стайка синиц — и опять тихо. Только в поблекших цветах иван-чай стрекочет одиозный кузнечик. Песня у него грустная, тусклая, будто из-под земли. Его тоскливое настроение передалось мне...

Чтобы не ощущать одиночества, я ухожу в лес. Здесь все мне знакомо, все радует глаз. Лес учит меня ценить и любить жизнь, дорожить каждой прожитой минутой. Лес — мой лекарь.

В этой тишине из-под корней деревьев, из-под прелой листвы и примятой травы лезут грибы. И по одежке, и по характеру — все они разные. Пузан-боровик — солидный и гордый. Хоть и молчит, но всем своим видом показывает, что он не какой-нибудь обабок или недомерок-козяка, он — белый!

Грузди и подгруздки — грибы скрытные. Даже белый груздь, рангом не ниже боровика, подолгу прячется в лесной подстилке. В тени елок и сосен растут скромники моховики — чуть не по плечу зарылись в мох. Шляпки они выбрали запретного цвета, чтобы быть незаметными. Но они просчитались: мох ярко-зеленый, и моховики на его фоне видны издали. Сыроежки высыпали на лужайку, как школьники на весенний праздник. Каждый класс в разных платьях: зеленых, красных, желтых... А вот и опята гурибой на пенек лезут!

Наклонилась, бруснику увидела. Да какую! Просушила руку под жесткую зелень брусничника, только одну ветку приподняла, а ягод осталась полная горсть. Я их сразу не срываю, придерживаю на ладони, любуюсь красно-бурыми спелыми ягодами. Даже не пробую, чувствую вкус во рту: сладкие, немного с кислинкой, немного с горчинкой. Затем срываю ягоды и отправляю в рот.

Присела отдохнуть на соседний пенек. Гудя басом, прилетела шмелиная матка в черной пушистой шубке с желтым пояском. Села возле трухлявого пня и начала что-то искать. Заглядывает под щепки, под опавшие березовые листья, потом заметит, покружит, снова опустится и опять ищет. Кажется, нашла. Сунулась под обнаженный сосновый корень и начала копать.

Я наклонилась и смотрю на ее работу. Вот так весной она искала место для гнезда, теперь ищет убежище на зиму. Уже не видно шмелихи, совсем зарылась, только слышится из-под свежего буторка жалобное похныкивание... Я попрощалась с ней до ранней весны.

Забрела на болото, чтобы проверить, созрела ли класка. Нашла на кочке утиное гнездо с пожелтевшей за лето пустой скорлупой, еще острее почувствовала расставание с летом. А надо мной печально кричали стаи улетающих журавлей.

Откуда-то сверху — с дерева, что ли? — на руку упал маленький паучишка. Он перебрался с рукава на ладонь, добежал до края ладони и привыл странную

позу — голову опустил вниз, бровишко приподнял вверх. Смотрю, что дальше будет. И тут паук как стреляет серебряной струйкой! Ветра не было, но какое-то дуновение воздуха эту струйку подхватило и начало вытягивать из паука паутинку.

Паук сидел, не меняя позы. Дойдавшись, когда паутинка стала достаточно длинной, он вдруг оторвался от ладони и полетел, тихо и неторопливо. Прямо совершил старт с моей ладони! Паутинка, поблескивая на солнце, поднималась над рябиной с гроздьями красных ягод, перелетела ее, появилась над замороженной Эсской и пропала из виду.

А стоящие вдоль Эсски березы и осины дарили реже опадающие листья. Она приносит их сюда в затишье и неторопливо застилает воду омута, возле которого я стою, разноцветным ковром. Я смотрю на плавающие осенние листья, и мне хорошо: то ли от спокойствия и размеренности в этот погожий день, то ли от торжествующей тишины и безветрия. И солнце — яркое и праздничное, хотя и не очень теплое.

Весь день ходила по осеннему лесу, любовалась природой и искала грибы. От усталости едва до дому дотащилась. Разобрала грибы, прилегла отдохнуть. Глаза закрываю — и опять в лесу оказалась. Ноги отдыхают, а глаза все еще грибы продолжают искать, никак успокоиться не могут...

Сентябрь 2002

Аромат герёмухи

Я люблю бродить по лесу ранним утром, когда солнце только поднимается из-за горизонта, и опушка леса освещается его золотистыми лучами, будто рядом со светлым днем еще прячется ночь.

Приглашаю с собой внучку Олечку, беру фотоаппарат, корзинку со съестным, и мы отправляемся в путь.

Идем по лесу. Елки дышат нам в лицо теплым и густым ароматом хвои. Запахи настолько осязаемые, что я будто начинаю их видеть — как нежные, почти прозрачные акварельные краски зари, когда розовое небо плавно переходит в желтое, желтое — в зеленое, зеленое — в голубое.

Входим в ельник. В нем даже в солнечную погоду сумрачно, а в пасмурную и совсем темно. Идем по заброшенной узкой лесной дороге. Ветки так плотно сомкнулись над головой, что сквозь них не видно просветов, и если где мелькнет голубое окошко в хвое, то елки тут же торопливо закрывают его густыми лапами. Но вот попалось окошко шире, и солнце по колючим лапкам, как по ступенькам, опускается до самой земли.

Тишина вокруг. Кукует в лесу кукушка, стучит по сухому дереву дятел — и все-таки тишина. Изредка боязливо пропищит наверху невидимка птица — и опять тихо.

Продолжаем путь, разговариваем тихонечко, чтобы не беспокоить лесных обитателей. Слышю, как стучит дятел киявом по коре. Хотим посмотреть, как он обрабатывает сосновую шишку. Крадучись подбираемся к сосне, прищемся за густыми елочками, за стволами берез. Но вдруг сучок под ногой треснул — улетел дятел, оставив недоделанную шишку в развилке ели.

Теперь подкрадываемся к поющей птице. Может, ее удастся сфотографировать? Но нет, заметила и упорхнула.

Немного погодя, увидели белку на самой вершине сосны. Она чувствовала себя там в полной безопасности и не обращала на нас никакого внимания. Мне захотелось сделать снимок. Понимая, что расстояние до белки слишком большое и она затеряется в кадре, я стала карабкаться вверх. Плохо забираться на дерево, когда мало сучьев, но когда много — тоже не лучше. С трудом продираюсь сквозь густой лапник, цепляюсь за ветви одеждой. Вот и вершина. Вот и белка. Она смотрит на меня испуганно, но я успеваю сфотографировать ее прежде, чем она перепрыгивает на другое дерево и исчезает в раскидистых ветвях.

Выходим на берег Эски. По одну сторону реки растут высокие ели, по другую — тихо стоят березы и осины, на которых появились молодые розоватые листья. Осинки начинают радостно хлопать в ладошки, только листья пока такие мягкие и незвонкие, что осинки совсем не слышно.

А над речной заводью склоняется цветущая черемуха. Вода засыпана ее белыми душистыми лепестками. Подул ветерок, и лепестки с черемух полетели так дружно, будто над заводью повисло снежное облако. Запелестели березы, заиграли тени, и листья, кажется, начали подмигивать. Находим широкий сосновый пен, садимся, достаем из корзинки бутерброды и завтракаем. Нам хорошо вдвоем. Оленька прекрасный слушатель и собеседник, несмотря на свой юный возраст. Объяснило ей, как важно единство человека и природы, почему мы должны беречь ее. Внучка впитывает мои слова, как губка. Надеюсь, из нее вырастет добрый, разумный человек, любящий и понимающий окружающий нас мир.

Я счастлива оттого, что она радуется вместе со мной и лесу, и небу, и солнцу — всему, что окружает нас в этот благодатный утренний час. Ее заливистый, жасниерадостный смех серебряным колокольчиком звучит над речным простором, отбываясь то радостью, то грустью в моей душе...

Я смотрю на водную гладь, на мотыльков-ручейников, которые, рискуя жизнью, летают у самой воды, на покачивающиеся у отмели на волнах серые причудливые коряги, похожие на купающихся чудовищ.

Ивовый куст свешивается над водой. Одни ветки только смотрятся в воду, другие — купаются. Ветки то ныряют, то вдруг выскакивают наверх, словно хотят надыхаться, но, отряхнувшись, тут же плещаются в воду. По течению плывут от них крупные и мелкие пузыри.

Но вот зашумел камыш, и на реку налетел порыв ветра. Река разом покрылась рябью. Солнце, что плавало под берегом за осокой, выбросилось на рыбь и разбилось на тысячи разноцветных рыбок. Плещутся рыбки среди черемуховых лепестков, и открывается большое голубое окошко, в котором отражаются солнечные блики.

Возле цветущей черемухи и вспомнила детство. Подышала ее ароматом, и приоткрылась мне заново удивительная страна — такая знакомая, такая близкая... Там самое синее небо, самое яркое солнце, самая мягкая и самая зеленая на свете трава, там самые удивительные птицы, цветы и бабочки... Там и сейчас продолжается мое беззаботное детство.

Май 2001

Моя рыбацкая страсть

Бытует мнение, что рыбака — чисто мужское занятие. Я с ним не согласна. В детстве отец часто брал меня на реку. Я наблюдала за его приготовлениями к рыбалке, как он возился с удочками, крючками, наживкой. И сама загоралась рыбацкой страстью, была безумно рада, когда он доверял мне одну из своих удочек и объяснял, как рыбачить. До сих пор люблю рыбалку. Для меня главное не рыба, а сам процесс, возможность отдохнуть на свежем воздухе, наедине с природой и своими мыслями.

День сегодня будний, рыбаков не видно. Тем лучше. Заметив меня, в прибрежных кустах застрекотала сорока, будто из пулемета обстреляла. Встревожилась на березе синица, а на ели какая-то пичуга засвистела ласково, будто заплакала. Заря растекалась по небу шире и шире. Над рекой повисли розовые перистые облака. Сама Эска дремала в мягких торфяных берегах. Болотная пичуга склонилась белыми шапочками к самой воде, будто к чему-то прислушивалась. На возвышении стояли молчаливые сосны и ели.

Я нашла себе удобное место на повороте, где берега раздвинулись и уступили широкому плесу. Берег сухой, с небольшим обрывчиком, на нем можно сидеть, свесив ноги. А потом и для ног подставка нашлась — обнаженный корень березы. Я натянула на уши вязаную шапочку, подняла воротник куртки — меньше будут донимать комары. Насаживаю на крючок личинку ручейника и забрасываю удочку.

Бежит поплавок по течению, я придерживаю его на леске, как собачку на поводке. Поплавку плавать легко, а мне часто приходится пробираться сквозь кустарник, пугаться и спотыкаться в высокой траве. Под кустами вода кажется черной, хотя и отражаются в ней светлые зеленые ветки. Мой поплавок проплывает под ветками вместе с белыми мелкими пузырями. Я замираю в ожидании поклевки. Но с утра прохладно, вода еще не прогрелась и рыба кажет плоха. Зато птицы ведут себя шумно и суетливо. Они носятся над Эсской, свистя крыльями. Не обращая на меня внимания, у самой воды по осоке бегают и что-то ищут две камышовые овсянки да шуршат в прибрежной траве стрекозы.

Вдруг поплавок начинает дергаться и уходит в сторону. Я делаю подсечку и вытаскиваю первого окуня. Теперь что ни заброс, то поклевка. Да, хорошо клюют окуни в тихих местах. Только надо знать, на что их ловить. От червя они зачастую отказываются, им подавай казарку — это личинка стрекозы. Но ее еще надо найти. Хожу вдоль берега, переворачиваю коряги, разрываю мох.

Неподалеку на куст села камышовка. Сидит и качается на пивной ветке. Ветка устала и не хочет больше качать птицу. Перепорхнула камышовка на другую ветку и опять качается. На третьей заметила зеленых гусениц. Одну съела, другую уронила в воду. Из глубины поднялась рыбина и, аппетитно чмокнув, проглотила гусеницу. Я тут же осторожно перенесла удильце на то место, откуда показалась рыбья голова. Силу и смотрю на сторожок удочки. Поплавок дернулся и пошел в глубину. «Окунь!» — говорю я и вытаскиваю ерша. А теперь насадка опускается ниже, и поплавок пошел к середине реки, постепенно погружаясь в воду. «Плотва!» — догадываюсь я и подсекваю плотвицу.

В стороне от плеса слышны крики речных чаек. Одна кричит «кр-ра!», другая отвечает «кр-ре!», третья добавляет «кр-ру!». А на другом берегу, в ольховых кустах, перекликаются кулики. Они гурьбой кружат над рекой, негромко переставляясь, будто советуются друг с другом, а потом опускаются в заросли ивы.

Но мне милей птичьих песен сейчас рыбы всплски на реке, и на расходящиеся по черным омуткам серебряные круги я смотрю, как на распускающиеся цветы. Да, живет река! Плещутся в ней не только щуки, плотва и язи, плещутся на волнах чайки и утки.

Я не чувствую одиночества. Здесь всюду вокруг меня бурлит удивительная, суматошная жизнь. Словно домиком крылья, греются на солнце серые мотыльки. На мновение присаживаются на траву и тут же взлетают небольшие голубые стрекозы-стрелки. Деревья и цветы — тоже живые, и, может быть, они видят, слышат и понимают. Я возвращаюсь домой. На дне садка еще шевелятся

десятка два окуней, три щучки, пяток ершей и восемь плотвичек. Мне мог бы позавидовать любой рыбак! Иду с гордо поднятой головой и напеваю. Вдоль дороги благоухает розовой стеной инан-чай. Срываю цветок и вдыхаю его медовый аромат. Хорошо!

2005

Собачья история

Ее нашли неуклюжим щенком. Дали ласковую кличку — Лада, и принялась собачка среди солдат срочной службы.

Она следовала за ними повсюду: на построение, вечерние поверки. Принимала участие в автомашин-бросках, сидя в кабине у своего покровителя — рядового Сергея Зуева. Ходила с ним в столовую, где с аппетитом поедала незатрутую солдатскую пищу. Бойцы любили Ладу. В свободное от службы время они резвились с ней, и тогда их глаза по-мальчишески озорно загорались, а смех становился залихватским.

Рядовой Андрей Захаров умел играть на баяне. И тут неожиданно для всех выявился певческий талант у собаки. Она стала подвывать баянисту. Да так складно, что всех поразила. После этого Ладу еще больше подлюбили.

Время шло, собачка подрастала. Ей уже было четыре с половиной месяца. Своих хорошо знала, никого не трогала, по пустякам не лаяла.

Вскоре произошла реформа. Воинские части, базировавшиеся на Н-ской территории, стали ликвидироваться. Вместо современного авиационного полка была сформирована комендатура, и обязанности которой входила охрана оставленных военных объектов и невыезженного техникумства.

Была создана сторожевая команда из женщин, а солдаты начали собираться на «дембель» и разъезжаться по домам.

Рядовой Сергей Зуев собрался взять Ладу домой, на родину. В первую очередь собаке необходимо было сделать соответствующие прививки, затем соорудить специальный ящик для транспортировки по железной дороге. Все это требовало массу времени и денежных затрат, которых у солдата не было.

Женщины-сторожа стали уговаривать Сергея не забирать Ладу. Оставить им как сторожевую собаку. Обещали заботиться о ней. После длительных раздумий Сергей сдался, и осталась Лада на объекте на попечение сторожей. А боец увез домой кассету, на которой запечатлел свою любимицу.

Женщины жалели собачку, подкармливали ее. В непогоду пускали в дежурку — единственное теплое помещение. Вместе со сторожами Лада совершала обходы территории. Гавканьем предупреждала их о приближении посторонних лиц.

В прошлую осенне-зимнюю пору объект длительное время находился без света, вплоть до самого нового года. Женщины сторожили в крошечной темноте, путаясь каждого шороха и скрипа. Особенно зловещие звуки раздавались со стороны кладбища металлаломы. Им вторило лесное эхо. Получалось этакое многоголосое дупераздирающее скрежетание. Именно тогда присутствие собаки вселяло уверенность и надежность. Ведь не каждая из них обладала мужским хладнокровием, находясь одна на большой территории ночью.

Дни и ночи шли своим чередом: дежурства, обходы, проверки — размеренно и однообразно. В собачьей жизни Лады прошла пора любви. Щенилась она тяжело и долго — больше суток. За это время произошла на свет четырех щенков. Один был парализован. (Видимо, какой-то недобрый человек пнул собаку, когда она вынашивала потомство.) Зато остальные были крепки и здоровы.

Когда Лада щенилась, дежурку посетил начальник охраны, человек требовательный и принципиальный. Дежурившая женщина забыла предупредить его, что под столом молодая мать со щенками. Когда начальник присел к столу, собака слегка цапнула его за коленку. Он испугался, закричал и замахнулся на Ладу. Та, следуя материнскому инстинкту, вцепилась ему в рукав. Сразу последовал приказ — убрать собаку из дежурки. А день стоял морозный, минус тридцать пять.

Нашлись две сердобольные женщины — Васильевна со Степановной, которые взяли заботу о собачьей семье на себя. Они принесли из дома обогреватель, благо свет к тому времени на объекте потухнул, и поначалу перевели Ладу с потомством в пустующую холодную комнату, здесь же, на КТП.

Но ушешенный начальник затеял злобу. В докладе командиру комендатуры он почему-то искажал факты, сказав, что собака напала на него в районе аэродрома, и она, по всей видимости, бешеная. В результате расследования оказалось, что «собака на объекте не предусмотрена инструкцией и ей здесь не место». Неположенными также оказались валенки для сторожей...

На этом преследование собаки не прекратилось. Пришлось Васильевне со Степановной в одном из пустующих боксов соорудить навес, где они поставили ящик, заблаговременно утеплив его брошенной солдатской амуницией, и переселили в него Ладу со щенками. Женщины поочередно приходили сюда, чтобы накормить собак. Когда дежурили сами, забирали их в дежурку до утра.

Через две недели щенки открыли глаза. Когда их принесли из темного бокса, они панически боялись яркого света и заползали под материнское брюхо. А Лада лизала своим благодетельницам руки, радостно виляла хвостом и преданно глядела на них умильными глазами.

Вскоре щенки начали забавно играть друг с другом. Глядя на них, женщины забывали про неудобную дежурку, бытовые неудобства, радовались их беззаботности. Чувства нежности и сострадания рождались в сердцах уже немолодых, много повидавших на своем веку женщин.

Продолжались морозные дни. Полог над собачьим укрытием был опущен до самой бетонки. Так сохранилось тепло, а щенки не могли выползти наружу и замерзнуть.

Но однажды утром, когда Васильевна со Степановной открыли бокс, чтобы накормить своих питомцев, их встретила Лада. На ее шее болтался обрывок фалы-стропы от тормозного самолетного парашюта. А щенки были перемазаны какой-то грязью. Внимательно осмотрев хранилище, женщины догадались, что произошло минувшей ночью.

Подрастающие щенки выползали из укрытия и начали изучать место своего заточения. Для двоих это «путешествие» закончилось плачевно. Они свалились в смотровую яму, на дне которой был разлит мазут. Лада металась, пытаясь освободиться от ошейника, чтобы прийти на помощь испуганным, визжащим малышам. Наконец догадалась перегрызть фал, затем вытащила по очереди из ямы перемазанных, холодных щенков.

Женщины пришли в ужас: надо было срочно почистить собак, помыть воду. Если раньше они экономили дрова, то теперь полетели поленья в печьку одну за другой. Помещение быстро согрелось. Растопили на плите в ведрах снег. В одном приготовили мыльный раствор, другое оставили с чистой водой — для споласкивания. И... работа закончена! Щенков вымыли, вытерли досуха, завернули в солдатский ватник и положили возле печки. Теперь пришла очередь до Лады. Что делать? Это грациозное животное не помещалось в ведро! Пришлось оттирать ей лапы и грудь тряпкой. Так завершился собачий банный день.

После этого происшествия Васильевна со Степановной решили, что пора искать своим питомцам добрых хозяев. Им повезло. Первого щенка увез в Индаль один командировочный, который неплохо разбирался в собаках. Он сразу определил, что из щенка получится хороший сторожевой пес. Другого собачонка отдали одинокой женщине, любящей животных. Третьего взяла молодая семья, державшая живность на подворье. А четвертый, названный Бимом, остался с матерью.

Однажды собак на территории увидел начальник и приказал смастерить для них конуру и посадить на цепь. Но где взять доски? Кроме дров для «буражуйки», ничего сюда не завозили. Женщины пытались уговорить начальника разрешить собакам остаться в боксе до весны, но он был категоричен.

Тогда, неужели пользуясь топором, пилой и молотком, Васильевна со Степановной все-таки соорудили будку из всякого старого пиломатериала.

Ненести какую, но все же это было укрытие от непогоды. Теперь оставалось найти цепь. Но где? Зимой! Пробовали посадить Ладу на фалу, но свободолюбивая собака постоянно перегрызала ее.

Вскоре начальник уволился, а на его место был назначен новый, не менее требовательный и принципиальный. Лада пыталась завоевать его симпатию. Она преданно смотрела в его глаза, виляла хвостом, стремилась лизнуть руку. Но тщетно. Если человек не любит животных, тут никакие ухищрения не помогут.

Лада была умной и сообразительной собакой, она стала меньше показываться начальнику на глаза. Подолгу сидела в конуре и оттуда уныло следила за происходящим вокруг. Невозможно было без сожаления и грусти смотреть на нее. И женщины решили попроситься дежурить на отдаленный объект, где собак можно было бы выпускать порезвиться. Их просьбу удовлетворили.

Васильевна со Степановной с энтузиазмом взялись за переселение. Они вместе с конурой и собаками переехали на новое место. Ладе с Бимом здесь было раздолье: рядом лес, а в низине болото. Собаки носились по лесу, сами добывая себе пропитание. А однажды Лада положила к ногам удивленной Степановны дикую утку. Видимо, пришла пора отблагодарить покровительницу за заботу.

Но короткое северное лето. Снова зачастили дожди, подул холодный ветер, и запахло снегом. А на объекте опять произошла смена власти — начальниками стали другие. Собак снова привязали, чтобы они привыкли к новым хозяевам. Но ночью сторожа их отпускали — для подкормки.

Начальники тоже оказались охотниками. Они расставляли петли и напканы на зайцев, считая, что вся дичь и зверье в районе бывшего аэродрома принадлежит им. И начались конфликты по поводу найденных и силках зайцев то без головы, то без лапы. Подозрение, конечно же, падало на собак.

Поздней осенью, когда выпал первый снег, был застрелен Бим, а спустя два месяца пропала Лада...

...Теперь на отдаленном объекте тишина. Крутом тайга, болота. Сторож, боязливо оглядываясь, прислушивается к каждому шороху. Он не чувствует себя защищенным от опасности. А пустующая конура и цепь, бренчащая от порывов ветра, напоминают о собаках, по которым до сих пор скорбит две немолодые одинокие женщины...

Февраль 2000

Расставание с летом

Подню я нынче выбралась за клюквой, в конце сентября, когда заморозки уже начались. Пришла рано на болото, а мох от инея белый, и как жила на кочках,

как в сахарной пудре. Хотела эту припудренную клюкву собирать, а ее от кочки не оторвать — примерзла.

Отянулась — в следах моих краснеют крупные ягоды: клюква с кочки осыпалась. Начала собирать — руки замерзли. Решила подождать, когда солнышко выше поднимется, пригреет.

На пригорке увидела проталинку, совсем маленькую. Посреди нее стоял гриб, тоже маленький: тонкая ножка, как спичка, светло-коричневая шляпка с пятком. Такой махонький, а не замерз! Живой. А может, мне грибов вдоль болота поискать, пока солнышко поднимается? Хожу вокруг березок, сосен и осин. Навстречу мне выгнутся из леса унылые грибочки, грибов у них только на донышке. И мне похвалиться нечем.

Только присела отдохнуть на пригорке, как подо мной что-то хрустнуло. Уж не гриб ли? Так и есть — черный груздь. Может, в траве еще есть? Встала на колени, похлопываю по траве ладошкой. Травы хоть и жухлая, но проминается до самой земли. А вот тут не проминалась, значит, гриб, его адреная ножка. Положила в корзинку и опять траву ощупываю. Снова попался — крепкий, мясистый. Приятно такой в руке дергать. Ползаю под березами, одну за другой чернушки в корзинку кладу. Грибы-то еще растут, оказывается, только искать их надо умеючи.

Хожу вдоль болота, приглядываюсь к опавшей листве — не приподнял ли ее гриб, не спрятались ли там подберезовик или подосиновик? Нашла буторок, палькой листву разворошила, боровик обнаружила.

Небо над болотом синее. Травы полетели и покухми, но вдоль дороги еще покачиваются голубые папочки короставника. И на каждой по нимелю: то ли умерли, то ли спят? Без боязни беру одного в руки. Черный, лохматый, с желтым пояском. Живой. Подышала на него, согрела своим дыханием. Запелелась лычками, повола. Наконец собрался с силами, полетел. Долетел до первого цветка, впился в него и замер.

Тихо в лесу. Только одинокий дятел постукивает по сухой сосне. Деревья облетели, стали чужими и неизвестными. От густых папок живяка остались только голые прутья. Лесные каналы до краев наполнены холодной отстоявшейся водой, дно выставило пальмы листьями.

Осиновые листья стали серыми, берзовые — бурыми. На лесных лужайках дрожат стебли брусники и багульника. Зато удивляют и радуют прежней летней зеленью розетки одуванчиков, такими они уйдут под снег и очнутся только весной. Смотрю на них, как на зеленый мостик из одного лета в другое.

2002

Нахоривая ворона

Решила на своем садовом участке, на старой сосне, повесить скворечник. Иду по дороге вдоль гаражей и выку — воробьи долбит засохшую хлебную корку. Корка крутится на земле, подпрыгивает. Воробьи, громко чирикавая, атакуют ее снова и снова, но меньше она не становилась. Казалось, воробьи не обедать сюда собрались, а поиграть. Тут прилетела галка. Она оттеснила птиц и начала остервенело дубасить клювом горбушку, которая высоко взлетала и падала далеко в стороне. Воробьи снова ватагой налетели на нее, пытались унести, но не могли даже впилиться в черствые края корки. На крыше гаража сидела серая ворона. Она долго смотрела на воюю птиц. Наконец, не выдержав, слетела вниз. Воробьи и галка уступили ей место. Ворона не собиралась играть с хлебом, она забрала корку в клюв и вразвалку направилась к ближайшей луже. Бросила в воду и стала ждать, когда хлеб размокнет. После этого постепенно, как-то пальяжно склевывала его. Ну, до чего умная птица! Не зря, говорят, триста лет живет, видимо, набралась за это время житейской мудрости.

ПАВЕЛ ПАВЛЕНКО

Родился в п. Пышверский Советского района Тюменской области 18 января 1978 года. Первые стихи написал в 11 лет. Окончил исторический факультет и аспирантуру Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева. Преподаватель истории, участник конкурсов бардовской песни «Соединяем наши песни», рукоприкладств, видеостудии, поэты.

Круги на воде

Тишь да гладь. Ожидание чуда.
Созерцание небес на волне.
Вдруг зеркалом пришло никоткуда,
Отраженьем качнулось ко мне.

То ли это ветров дуновение
Шевельнуло заглянок тайги,
Под неслышимое веточек пенье
Развело хоронеды-крути.

То ли это подводных течений
Или сила холодных ключей
Вызывает над гладью волнение,
Отражение незримых путей.

Всколыхнули крути мою память,
Завертели года мои вспять...
Как же в прошлое хочется сплывать!
Но вернешь ли бывшее опять?

Пробежали немые разводы...
Снова я в отражение смотрю.
То ль мгновенное прошло? То ли годы?
Тот же берег. И я на краю.

21 июня 2007

Обязательно вернусь!

Мне бы в дальнюю дорогу,
Мне бы резвого коня,
Разогнать тоску-тревогу,
Где-то, может, ждут меня.

Не судите слишком строго,
Если скроюсь вдруг в туман.
Если б конь был у порога —
Что мне лес, что океан?

Светлым, радужным, лучистым
Будет мой далёкий путь,
Лишь бы мчаться с пересветом,
С полноты не повернуть.

Бейте в грудь, слезные ветры,
Пойте, горы и леса.
Что мне дни? Что километры?
Все родные небеса.

И в широком чистом поле
Место есть моим следам,
Сердце просится на волю!
Мир селениям, городам!

Добрым словом помните,
Но оставьте вашу грусть:
Нагуляюсь, ожидайте —
Обязательно вернусь!

30 мая 2006

Дремучая тайга

Изумруден край сосновый!
Терпко-сладкая смола.

Ёлки. Пихты. Гул кедровый.
Скрип столетнего ствола.

По неизвестным дорожкам
Лось гуляет да медведь.
От багульника, морозки
Можно мигом захмелеть.

Все звериные поляны
Не пройти, не обойти.
Крысы, хвойные туманы
Взглядом трудно обвести.

Ягель испенил крутояры.
Речку вымостила бобёр.
Птичьи песни. Волчья сваря.
Щедрый ягодный ковер.

Перекрещена корнями,
Мхами, вьюгой февраля,
Под безлюдными лесами
Спит сибирская земля.

1 июня 2006

Знакомство

То ли меня ждала,
То ли судьба вела...
Я посмотрел в глаза,
Может быть, даже «ма»,
Вмиг получил ответ.
Ярким казался свет!
Сам ошалел, когда
Точно расслабился «да».
Этот нетромокий звук,
Тёплых касанье рук,
Чуткого сердца стук
Всё оживили вдруг.
Словно поёт река,

Прыгают облака,
Разом цветы цветут —
Лучшего разве ждут?

То ли любовь свела,
То ли пора пришла?

9 июня 2005

Деды

Не бедно жили, не богато,
Любили женщину одну,
Считали трудовни, зарплату,
Как все, ходили на войну.

Был плен, и стены медсанбата,
И возвращение домой,
И радость — главная награда,
Когда солдат пришёл живой.

Откуда только брались силы?
Им время было — не роптать,
Неповорённую Россию
Они спешили поднимать.

Не всё страдалось так, как надо,
Не всё смогло, так сказать...
Но в жизни главные преграды
Они могли одолевать.

По правде жили, дедов чтили
И не умели воровать,
Внучат на лошади возили...
А мне их не пришлось застать.

28 января 2006

Эпитафия деревенская

Заключенных ставней печальная суть,
Здесь хороших не жди новостей,
В эту зиму тепла старых стен не вернуть:
Умирают дома без людей.

Заметён тротуар, а на нём ни следа,
Редко птица летит стороной,
Покосился забор, и кружат холода,
Но никто не придёт и весной.

Зарастает травой колея —
К деревням нерентабельным путь.
Позабыта предков земля...
Даже некому просто испланиуть.

15 марта 2005

Свиристели

Что за странные свирели
В октябре с небес дудят?
Наметели свиристели —
Спорят, весело гадают!

Казаки! Ну, в самом деле,
Те же чубчики торчат!
Видно, спяну заметели,
Головою вниз висят!

Захватили все вершины,
Прибавляется отряд,
На макушках топоновых
Сотни целые сидят.

Гроздья сочные рябины —
Осени бесценный дар —

Посшибали в миг единый
И устроили базар.

Напоследок посвистели
И простыл вороншек след...
Торопились. Улетели.
А наутро выпал снег.

31 октября 2005

Свет Эллады

Мечта поэта! — у подножия Парнаса
В лучах рассвета живой день встречать!
Здесь приближение легендарного Пегаса.
Вполне возможно, стоит лишь позвать.

Но и безмолвен. Упиваюсь красотой
Долины спящих. Что ещё желать?
Горды скалистые хранят секрет покоя.
От правды миф не нужно отлучать.

Пройдут столетия, изменят мир года.
Но не коснётся время горных круч.
Других согреет вдохновением Эллада,
Да не иссякнет впрямь Кастальский ключ.

А мне довольно ожидания Пегаса,
О чём-то большем не хочу гадать.
Я просто счастлив у подножия Парнаса
В лучах рассвета живой день встречать.

11 августа 2005

У Фермопила

Насушила брови персидский царь,
В глазах застыла пожарниц гарь,
Ему до славы совсем чуть-чуть,

Войска готовы продолжить путь,
Сам Ксеркс войсками руководил...
И вдруг... заманил у Фермопил.

Там, за грядой, тучин стада,
Богатые сёла и города,
К ногам владыки поим им пасть,
Признать навеки друтую власть...
А кто-то дерзкий остановил
Поход победный у Фермопил.

Два дня, две ночи бой не стихал,
Напор безумный не помогал.
Держали греки плотней ряды
В одном порыве одной бедой,
Гостей незваных уняли пыл
На укреплениях у Фермопил.

Поднялся новый рассвет вдали,
А персы там же стоят в пыли.
И целой армией не смогли
Отважных горстку умыть и крови.
Умылись сами. Богов молила
Ксеркс об удаче у Фермопил.

Покрыт туманом исход войны.
Всем ясно, что греки обречены.
Предатель злыго пересчитал,
И тропку тайную указал,
Стал узаванным надёжный тыл,
Всё изменилось у Фермопил.

Ещё немного — враг окружит.
Сказал спартанский царь Леонид:
— Спешите, братья, вам предстоит
Приблизить позже победы миг!
Здесь враг коварный перехитрил,
Мы славно бились у Фермопил.

Свободным станет наш отчий дом —
Три сотни вспомните ны потом,
Врага задержим. Иных наград
Не нужно. Воинов вторит взгляд:
Мол, жизни дорого продадим,
Положим с песней у Фермопила.

Отряд спартакий не отступал!
Ксеркс не предвидел такой финал:
За Леонидом солдаты шли,
Бессмертный подвиг в века несли,
Примером Родину вдохновил
Тот бой последний у Фермопила.

Героев доблесть горит в веках,
Защитник вечен в славных делах.
На том же месте царь Леонид,
Отлитый в бронзе, врагам грозит;
С ним вместе, мрамор лишь укрепил,
Триста спартацев у Фермопила.

2005

Олими

Покрыт античной сединою
Не постаревший великан,
Полнеба он закрыл спиною,
Вершина с вечной пеленою
Таит невидимый обман.

Богов приставище святое,
Надёжней места не сыскать!
Томит сомнение простое:
Случалось ли когда на склоне
Бессмертных людям повстречать?

Увы, почти все мифы лживы,
Но всё же... Жив на пользу дна
Не Зевс с заоблачного силой,

Но окрыляющий порывом
Дух олимпийского огня.

Объединяет континенты
Во имя мира и добра
Олимп. И стала тень легенды
Душой спортивных монументов.
Так будущим живёт вчера.

10-12 декабря 2005

Крещение

Мечтою утренного чувства,
Желаньем вечного добра,
Налетом тихого безумства,
Разбегом легкого пера.

Чудес святых воспоминаньем,
Нерукотворной красотой,
Недолгой встречи ожиданьем
Крещен заблудший раб земной.

И влага чистая купели
Отверзла очи ото сна,
Как благозвучно в церкви пели...
Я выбрал. Жизнь всего одна.

У каждого своя дорога,
Бодятся все по мере сил,
Но день придет — и вспомнишь Бога:
Всеышший встречу предрешил.

Душа и мир в тот миг едины,
И ты за трех бывлой прощен...
Когда воспримешь подвиг сына,
Отцом и духом будь крещен.

29 ноября 2006

ВЛАДИМИР ПАРФЁНЧИК

Родился 1 мая 1934 года на белорусском хуторе Дмитриевки. После войны учился, служил в армии, работал на стройках Сибири, Средней Азии, на Крайнем Севере. Писать стихи и частушки начал рано. Югорским читателям понравились поэтические, юмористические, прозаические стихи, вошедшие в книги «Югорские записочки», «Югорская релакс», «Под югорскими звездами».

Миниатюры

Главврач — поборник гуманизма —
достойный учредил декрет:
бесплатно людям ставить клизмы,
но плату брать за туалет.

— Одолжи, сосед мне скалку,
утром я её верну.
— Ну, соседка, ты — нахалка:
Чем же мне встречать жену?!

— Эй, пожарная, послушай:
Сварь-ка мне бифштекс в вине!
— Мы не жарим, только тушим.
— Потушите его мне.

Во Югорском во ГАИ
Все приятели мои,
Но за нарушение правил
Штрафов много я отправил.

Демографический вопрос
Теперь куда как строже,
Но появился перекося —
Свет стал дороже.

При жене своей не пью —
Не до перетоя;
Я с трудом одну терпю,
А напьюсь — их двое.

Я опить напился мной —
Всё жене назло:
Брал бутылку на троих —
Двое не пришло.

— Не утомляет ли вопрос
Вас три часа подряд?
— Ну, что вы, опер, — не вопрос:
Я двадцать лет женат.

Признаюсь, как ни скверно, —
Числу тринадцать рад.
Ведь я люблю безмерно
Тринадцатую из зарплат.

Меняю тещу на змею,
Выплачиваю разницу,
И в виде бонуса даю,
в придачу, дочь-проказницу.

— Почему ты хлещешь водку
Стаканоглами с утра?
— Меру б и сменяла охотно,
Но стесняюсь из ведра...

С задачей справиться легко,
Решение не ново,
Чтоб не сбсжало молоко,
Призывай корову.

— Не проявляешь интерес
К моей особе ты напрасно:
Я сбросила излишний вес...
— Я слышал. Грохот был ужасный.

Я — выпивоха, не алкаш,
Признание не ложно;
Жить без C_2H_5OH
В России невозможно.

Жаль, но, к сожалению,
Осознал недавно:
У меня на индивидуум
Государство живёт.

Уговорил: бери мои шесть соток,
Которые ты жаждаешь вдохновенно,
Ну, а взамен отдай мне «шестисотый» —
Принемлемо вполне и равнодушно.

Заказал я мясо под аммоном,
Всё исполнил человек, как Аладдин.

- Где же мясо? — и спросил резонно.
— Мясо под анимэном, господин.

Мы с Надюшей легко
Пришли к аксиоме:
Лучше в доме мылако,
Чем корова в доме.

На беду, налог навязан —
Разножку руками,
Узнаю: закон написан
В Думе — дураками.

Несёт убытки медицина —
Гора медикаментов,
Винной тому одна причина:
Нет средств у пациентов.

У папы «агрегат» сломался —
На ногу мамы он наварлся.
Свои достоинства уже
Готов сменить на «Фаберже».

Президент, что объяснимо,
Щедр на народе.
Или врать необходимо,
Или праки в моде.

— Знобит. Лекарства мне нужны!
Ах, доктор, вы скрываете,
Что болен я...
— Вы не больны.
Вы просто остываете.

Возвращение

Я обожаю песнь колес
Приобского акспресса —
Домой, домой, в родной Югорск
На радостную месту!

Я месяц с авишним не ходил
По улицам югорским,
В «Морошке» милой не бродил
Босым по травам росным.

Стоим в Серове. Нудный час.
Куда ж это годится!
О, поезд, смилуйся и нас
Неси быстрее, чем птица!

Вот — Ивдель. Снова полчаса —
Слепая даль стоянве...
Творятся эти чудеса
На каждом полустапке.

Хоть и ползет, хоть не в ладу
С отчаяньем досуга,
А все равно спешим к гнезду —
Домой, как птицы с юга.

2005

Страсть и нежность

В любви мне страсть не так важна,
Как нежность кроткая нужна.
Страсть — необузданный порыв,
А нежность — чувственный прилив.

Страсть — лишь мгновение одно,
Ей быстро гибнуть суждено,

А нежность — свет безбрежных лет;
В ней целомудрии секрет.

В любви и нежность есть, и страсть,
Но надо мною нежность власть
Взяла с отроческих времен,
Когда впервые был влюблен.

Я — солдат

Немного дней тому назад
Присягу принимал я.
И этим горд, что я — солдат,
Что полк — моя семья.

Здесь каждый воин братом стал,
Стал командир отцом,
Здесь я окреп и возмужал,
Достоинным стал бойцом.

Сейчас учебная пора
Кипит и полку у нас,
И я на стрельбище вчера
Стрелял в четвертый раз.

И каждой пулею моей
Поражена мишень —
И я уверенней, смелей
Встречаю каждый день.

1954

Синоптики (шутка)

Я приехал загорасть
На курорт в июле.

Но сивкоштики опять
Нагло обманули.

Обещали тридцать пять,
А на деле — восемь.
И не лета благодать,
А сплошная осень.

Вдоль реки не погулять —
Холод спозаранку:
Шлягу мне пришлось продать
И купить ушанку...

Их бы за такой прогноз
Скопом всех на паря,
Ну, а нас, если всерьез —
Срочно на Канары.

26 июня 2009

Примак (шутка)

Случилось так, что стал я примаком:
Жена как ведьма, теща — сатана,
Мне не мила кровать и опротивел дом —
В нем я салага, а не старшина.

У них я раб, притом не белый — черный.
При мужиках меня съедает стыд.
И, как листок, что всем ветрам покорный,
Не вынес мук, задумал суицид.

Стал в очередь, где и рай вела дорога,
Так не пустыми повернули в ад.
Сказав скорее ласково, чем строго:
«После примачей жизни аду будешь рад».

2006

Воробьи

Прилетели воробьи
И щебечут: «Мы свои,
На дворе уже весна,
И квартира нам нужна».

А я им: «Взгляните выше:
Там чудеснейшая крыша,
А под ней всем места хватит —
За квартиру там не платят...»

И сейчас под нашей крышей
Постоянно гомон слышен —
Гнезда строят квартиранты:
И певцы, и музыканты.

Ну, а через три недели,
Где-нибудь в конце апреля
Птицы вылетит потомство
Для дворового знакомства.

Всех к кормушкам приглашу,
Всех под крышей пропущу,
И тогда все воробьи
Будут только лишь мои.

2009

Осень

День короче, ночь длиннее —
Значит, осень на дворе,
Солнце светит, да не греет
Здесь, в Югорске, в октябре.

Люди съехали, и дачи
Приготовились к зиме.

По утрам сосульки плачут,
Отчего, неясно мне.

На скучающую почву
Выпал ночью первый снег.
Он недолог и непрочен,
Он лишь премежный успех.

Он примерку только сделал,
Чтоб потом перинны шить.
Чтоб добротню сделать дело —
Нужно с делом не спешить.

Но на сердце что-то хмуро,
Жаль ушедших теплых дней...
Не гуляют даже куры
В загородочке своей.

Дачи «Мирониха» 2005

Утро морозное

Утро морозное,
Ясное утро,
Мерцание звездное
Перламутра.

А надо ль такое
В майскую пору?
Всех беспокоит,
Это без спору.

Всходы погибли,
Травы вяжили.
Думать могли бы
Об этом едва ли.

Вроде бы лето,
А минус по Цельсию,
Ветра-безыюника
Злая проделессия.

Сердцу без солнца
Радости мало,
Если морозцем
Землю сковало...

Ясное утро,
Нет настроения,
Кто ж перепутал
Времен движение?!

30 мая 2003

Лето

Лето как осень:
Прохладно, дождливо,
Ели и сосны
Стоят сиротливо.

Капает с веток
Водича неспешно.
Хмурое лето —
Душа неутешна.

Где же вы, ветры,
Чтоб тучи развеять,
Чтоб солнышку землю
Родную лелеять.

Чтоб распустились
Пионы и розы,
Чтоб жвь превратилась
В заветные грезы.

Чтобы на лицах
Улыбки светились
И певчие птицы
В кронах резвились...

...Сирень под окошком
Благоухала,
В поле картошка
Быстрее подрастала...

Мгла, листопадье,
Мокро и зябко,
А под поветью
Дров лишь охапка.

25 июня 2006

РАИСА ПЕРЕВАЛОВА

(1937 – 2010)

Родилась в 1937 году в селе Шеркаты в многодетной, дружной семье. Училась, работала, растила детей, первые стихи написала для мамы, затем друзьям, студентам-однокурсникам. Раиса Перевалова – автор книг «Капельки рыбишки», «Я сердцем с вами говорю», «Живая снадь», «Любовь и звонкая луна», «Снежинки – сын Зима» (сказка для детей), «Еще раз про любовь». В них любовь, нежность, искренность, тепло и открытость женской души. Стихи музыкальны, многие из них стали песнями, полюбились миллионерам и сиротам.

Опасаться не нужно
Зим холодных и льезных,
Солнца летнего ярости,
Подступающей старости.

Бойся ханжеской речи,
Да с предательством встречи,
Да братанья с тоскою,
Да желанья покоя.

2004

О тебе, мой край

Расцвели в рябинах зори,
В реках – неба бирюза,
В росных травах – всплески моря,
Позолочены леса.

Даль из синего сатина,
Облака как валуны.

Клиш поднялся журавлиный
К матовой серёге луны.

И взяла бы я в объятия
И вовек не отпустила.
О тебе, мой край, опять я
Новой песней загрустила.

2004

Югория моя

Где уютно повторяю,
Напеваю песню я:
«В мире нет прекрасней края,
Чем Югория моя!»
Да, зима у нас люта,
Но какая красота!

Где ещё увидишь сразу
Столько всякого добра:
Известь, нефть
И газ, алмазы
И сугробы серебра.
Да, зима у нас люта,
Но какая красота!

Отступают все тревоги,
Если снова видишь ты
Затвердевшие дороги
И хрустальные мосты.
Да, зима у нас люта,
Но какая красота!

Здесь тайга стоит упрямо
В первозданной чистоте,
Снится ей клыкастый мамонт,
Спищий в вечной мерзлоте.
Да, зима у нас люта,

Но какая красота!

А когда повеет жаром
С южных далей и широт,
Словно мамина опара,
Лето красное взойдет,
Пусть зима у нас люта,
Но и лето — красота!

Где угодно повторяю,
Напеваю песню я:
В мире нет прекрасней края,
Чем Югория моя!

2005

И снова мне двадцать!

И в 20 мне — 20,
И в 30 мне — 20!
А в 40? Ну, что же —
И в 40 была я такого моложе.
Куда же мне деться
От радости сердца?
От этой весенней звенящей капли?
Меня не зовите с собою, метели,
Я здесь остаюсь в этом буйном апреле...
Чтоб снова влюбиться, о чем-то мечтать
И в звездах далеким ночами летать.
Найду в зодиаке созвездие Льва —
Смотри, милый знак, я не просто жива!
Не просто живу — я люблю, ненавижу.
Не просто гляжу — я до боли все вижу.
Но главное — я научилась летать!
И подлю, быть может, сумела понять,
Что жизнь мне подарена только одна.
Я ею хочу насладиться сполна!
А пройденный путь от момента рождения,

Как целая вечность, что дантся мгновенье...
 Меня не зовите с собою, метели,
 Душою останусь в звенящем апреле.
 Надежду и веру беру и в подружки,
 А с ними — любовь.
 Я шепну на ушко:
 «Ты можешь со мною в апреле остаться?»
 Я снова — девочка, и снова мне — 20!

1983

Листопадом леса заплакали.
 Палисадники отцвели.
 Осыпаются дни закатами
 На холсты голубой земли.
 Разгрести бы сугробы-замети,
 Времени высветить набело.
 Я иду по тропинке памяти.
 Пусть на ней не всегда светло.

2006

Страшные годы

Те ночи полюбилась навсегда —
 Хотя жила осторожно и тревожно
 Прошлая года. Пройдут — уйдут года.
 Забыть такие ночи невозможно.
 Раздался предзвездный властный стук,
 Он заглушил все остальные звуки.
 Накинув старомодный свой сюртук,
 Он дверь с трудом открыл. Дрожали руки.
 Они вошли. «Вот ордер на арест!» —
 Ему сказали. И ни слова — кроме...
 Молчала вся вселенная окрест.
 Тогда их ожидали в каждом доме.
 Он над ребенком спящим помолчал,
 Проклиная с побледневшею женою
 И горько головою покачал:
 Запомни, никакой вины за мною.

Она схватила сонное дити
И закрывала. Обнялись нервы.
Подумала в много лет спустя:
Страшней тридцать седьмой,
Чем сорок первый.
Я только родилась. Спала в ту ночь.
Не думала, что стану я поэтом.
Я не могла ничем тогда помочь,
И лишь сегодня я пишу об этом.

2007

Чуть лишь утро лучом изумруда
Мне в окошко ударит, звеня,
Ожидание какого-то чуда
До красн наполняет меня.

Вот пропел над вершинами ветер,
Вот петух прокричал озорно.
Что-то важное будет за этим,
Где-то чудо случиться должно.

Все бывает: и боль, и остуда,
И тоска, и незваная грусть,
Но и в торе предчувствие чуда
Все равно бережит мою грудь.

Как не верить, что чудо случится!
Вот уже приближается весть!
Вот сейчас кто-то в дверь постучится
Только б счастье суметь перенести!..

2006

Осенний ветер во дворе
Листья с деревьев рвет.
У листопада в сентябре —
Необратимый ход.

Летит листки с календаря,
Года и дни летят.
И это, честно говоря,
Такой же листопад.

Слова все тише, все грустней,
Все пристальнее взгляд.
Все меньше суетных друзей,
Что делать? Листопад!..

2005

А весна, точно косы, ручьи распала,
На реке ледяные заплаты свалил.
И проснулась земля, и глотнула тепла,
Улыбаясь, размышляя дороги свои.
Только солнцу весенняя греться ниючем:
Солнце катится в небе — лукавый путник.
То мне щеку ласкает горячим лучом,
То капель мне бросает за воротник...
Ты, девчонка, насмешница, солнцу сродня.
Веселись, хохочи, как весною вода,
Сотню шуток, проказ на меня урони!
Лишь любовью моей не шути никогда...

2002

Малая родина

Все леса да перелески,
Перелески да поля.
Солнца огненные всплески
Вешним соком запоят.

Все бывшее подытожив,
Стану будто бы вдвойне
И счастливей, и моложе
В этой русской стороне.

Я — не гостья здесь незвана,
Не залетный соловей.
Вновь вернулась я к желанной
Малой родине моей.

И на камушке заветном
Посижу я у ручья,
Где в ладони незаметно
Так и просится струя.

Той струи живая сила.
Не иссякнет никогда.
Гей, живи, моя Россия,
И сегодня, и всегда!

2004

Ты у меня двенадцатый

Я жду тебя сильнее, чем мужа,
Ты каждый день мне очень нужен.
Бегу, спешу, глажу с тревогой —
Не ты ли, миленький, в дороге?

И узнаю тебя я сразу,
Хотя всегда приходишь разный:
То серый весь, то ярко-красный,
Сегодня чистый, завтра — грязный.

И оторвать себя не в силах,
Я вся в твоих объятьях, милый,
Такой родной и говорливый,
Но часто злой и молчаливый.

И я молчу, теплом объята,
На мне уже и платье снято,
И снята и со всех сторон
Твоим дыханием и теплом.

Бывает — ты ползешь букашкой,
Чихаешь, словно старикашка,
То вдруг по лужам, как мальчишка,
Шустришь и бегаешь вприпрыжку.

Когда тебя так долго нет,
Я проклинаю белый свет.
Увижу — все припадаю сразу:
Любовь — она ведь как зараза.

Ну что ж! Пора открыться тут:
Известный в городе маршрут,
Кому в любви могу признаться, —
Автобус с номером «12».

2003

Метя Нюра

В понедельник, четверг и субботу
Много лет, как обычно, с утра
Привезжает в наш дом на работу
Тетя Нюра — хозяйка двора.

Инструмент ее — тряпка да веник,
А работа груба и проста:
Был бы мусор сметен со ступенек
Да у дома была бы чистота.

Тетя Нюра строга и упряма,
На словечко бывает резка,
На нее наши модные дамы
Смотрят искоса и свысока.

С ней у них отношения негладют,
Но она с незапамятных пор
В образцовом содержит порядке
Оба наших подъезда и двор.

А на стелде в семнадцатом ЖЭКе
Тетя Нюра снята молодой,
В сапогах, у походной аптеки
И в пилотке с жестяной звездой.

Все на ней аккуратно и ровно,
Жаль, не знает никто из жильцов,
Что уборщица Анна Петровна
Из огня выносила бойцов.

Что она с сорок первого года
И по самый победный парад —
Санструктор стрелкового извода:
Два ранення и девять наград.

Только утро забрезжит в окошке,
Тетя Нюра явится в дом:
То метлою шуршит по дорожке,
То пустым громыкает ведром.

Все как есть на земле принимая,
Чистит, моет, скребет и метет.
И с надеждой Девятого мая
От жильцов поздравления ждет.

2003

Осень в Югорске

Мы идем, шурша листвою,
К нам летит дождиком рой;
И любимся красою.
Тишина царит, покой.
По Плехановской, у Ясных...
На земле лежит ковер,
Серебристых, желтых, красных...
Догорающий костер.
Я гляжу. Ты так прекрасна!
Золотистый цвет волос,

А в глазах светло и ясно,
Смошно в травах капая рос.
Хорошо с тобою, Осень,
И свободно, и легко,
У полян лесных, у просек —
Смех твой слышен далеко.
Обниму мою березку,
Расцелую горячо...
Разметаю всю прическу,
Ну а ты целуй еще...

2003

Корень жизни

Подогнувши ноги обручем,
В инаком чуме целый день
Он доказывал двум орочам,
Что в тайге найдет женушень.
На юнижал с оленьим рогом
С ними спорил он двумя,
Но они смотрели строго,
Густо трубками дымя.
У него ж сомнений не было,
Был он молод и горяч,
Взяв еды и класа хлебного,
Он пошел искать удач.
Своего престижа ради
По тайге, вдали от сел,
Он добрал до реки Сосьвы
И по Сосьве вниз пошел.
И нашел же окаянного;
Невелик, зато хорош!
На солдата оловянного
Удивительно похож.
С ценной кофеей в кармане
Он в поселок прибежал.
Принесли с улыбкой неты
Рог оленя и юнижал.

И сказали с уважением:
«Принимай в подарок нож,
Корень хоть и не женьшеневый,
Но уж здорово похож!»
И ни тени укоризны,
Лишь улыбка до ушей.
Так искал он корень жизни,
А нашел в тайге друзей.

2003

Жаворонок

В зенит он песню поднимал,
Что света и высок,
А сам он был настолько мал,
Как в поле колосок.

В той жемчужной песне без конца
Земная сила скрыта,
У невесомого певца
И покорители зенита.

Он пел о радости и воле,
Он пел и пел, не уставал.
И подпевало песне поле,
И поля ветер подпевал.

2004

Просторы свежестью пропахли,
Одевшись в белые снега.
На соснах гордые папахи,
В лучах — колокола-стёга.

И кто зимой не любит утро?
Смотри: всплывает солнце — шар.
Снега сверкают перламутром,
В узорах иней — пожар.

А солнце льет лучи косые
На белогривые поля.
Оно приветствует Россию,
Звенящим золотом пыля!..

Кверху попою штаны

Есть российская зарядка,
поги шире, наклонись...
И с весны так заряжайся,
с утра до ночи крутись.
Если б кто-то сверху таянул,
то свалился бы с луны.
По земле у нас гуляют
кверху попою штаны!
И не просто так гуляют —
что-то ципкают, ползют, рвут.
Немало дачей называют
непосильный рабский труд.
Все мы дружно пашем, сеем,
дружно носим все навоз.
С урожаем шаше будет
всенародный наш колхоз!
Осенью все брызжет, пышет,
преет, варится, кипит.
В каждом доме и квартире
маленький завод открыт.
Маринуется капуста,
вот соленька, вот компот.
И не надо Думе думать,
снова не помрет народ!
Ничего, и будь что будет,
лишь бы не было войны.
С гордою живем походкой —
«Кверху попою штаны».

С нами поэт

Сюленскому В.М.

Хотите вы или не хотите,
Но в продолжение многих лет
Терпели и еще терпите,
Что рядом с нами есть поэт.

Ему чуждества простите,
В них злобы и гордыни нет.
Обидел вас? Уж извините —
Обидеть не хотел поэт.

Ведь сами вспомните об этом,
Коль подвернется случай вдруг,
Моя, я знаком с одним поэтом,
Он мне приятель, он мне друг.

И это так, и что ж такого,
Пусть званый и отлучный нет,
Значения пусть не мирового,
Но он действительно — поэт!

2009

Все мысли
 перемешаны без толку,
А лист все чист,
 а лист все пуст и бел,
Как этот снег,
 что выпал только-только
И трюками
 покрыться не успел.
Он бегом лавиной
 серпантина

Давайте жить и жизнью наслаждаться,
Пусть будет все, чему дано случиться.
Давайте жить и весело смеяться
И так, чтоб сердце не устало биться.

Ведь завтра может все перемениться,
Не предсказать судьбу и настроение.
Так что ж мы ждем? Нам надо торопиться,
Чтоб получить от жизни наслаждение.

2008

ЕВГЕНИЯ ПОЛЯКОВА

Родилась 31 марта 1950 года в г. Морозовске Ростовской области. В 1967 году окончила школу, училась в музыкальном училище. Увлекается театром, игрой в КВН, ее стихи и проза печатаются на страницах газеты, целуюсь публикуется авторская программа Евгении Поляковой «Грани».

Письмо из прошлого

Ее пальцы порхали по клавишам уверенно, помня все, словно и не было этой затяжной потери во времени. Она прикрывала глаза, боюсь их спугнуть.

Такое уже было — полутемный зал, «Лунная соната» и... вдруг она понимает, что играет в другой тональности!!! Преодолев панику, доверилась пальцам, которые, не дрогнув, довели ее до финальной ноты.

Шопена сменил любимый Рахманинов! Приподнятая крышка рояля казалась ей крылом парящей птицы, на котором с восторгом неслась ее душа!

Боже мой! Как же мама оберегала ее руки!

От холодной воды, от порезов... да мыло ли от чего еще! К счастью, не видела она, как эти музыкальные пальчики перебирали уталь, чистили две печки, замешивали по два мешка муки в день, а потом, натянув прожженные рукавицы, вытаскивали из печи горячие формы с румяным хлебом! Как полоскали в студеной речке белье и, пережив ночную, крутящую боль, брели снег, чтобы натопить воды, для жизненно важных мелочей... Отзвучал последний аккорд... Принимая аплодисменты, она улыбалась и пожимая, шептала себе «спасибо», касалась губами пальцев — сентиментальный ритуал из далекой студенческой жизни...

После концерта, неспешным шагом, она возвращалась в гостиницу, где они жили в ожидании квартир. В ней еще звучала музыка ее сольного концерта... Она шла осторожно, боясь расплескать нечаянное счастье... Что-то должно случиться! В последние дни она жила с этим чувством. А вдруг все уже произошло, а она просто не заметила в суете событий последних дней?

Букет осенних душистых астр! Ах, да!.. Молодой лейтенант! Нет, но как смотрел! Она тут же устыдилась своих мыслей — надо же, чепуха какая!

Через некоторое время ей принесли газету с заметкой о концерте. Против ее фамилии стояло чужое имя — Любовь!

— Ну, ну, ужели нельзя было проверить, прежде чем печатать? — возмутилась она. Внизу стояла подпись автора — лейтенант Ю. Р.

— Кто такой? Цветы на столе!

Вспомнились сразу глаза молодого лейтенанта... Обида куда-то испарилась.

— Ладно! Мое имя ты выучишь, как молитву, — пообещала она с улыбкой изображаемому Ю. Р.

Снег лег рано, радуя чистой белизной. Очередной концерт прошел с таким же успехом. Публика расходилась неохотно, делясь впечатлениями. Она увидела его сразу. Предательски дрогнули колени. Изю всех сил, сохраняя равновесие высоких шпалек, она двинулась навстречу.

— Запомните! Мое имя... — с ходу начала она атаку дрожащим от волнения голосом.

— Я знаю! — тут же оборвал он ее заготовленную тираду.

— Вы ошиблись! — не уступала она.

— Ошиблись ваши родители, а для меня вы именно ОНА! — ответил он решительно, словно подвел черту.

Она растерялась. Что это? Наглость? А может, обаяние в любви?

Жанне д'Арж, наверное, не было так жарко от пылающего костра, как ей в тот момент.

Они стояли молча, никого не замечая вокруг. Когда бы закончился этот немой диалог, если бы не тишина вокруг, вернувшая в реальность.

Позже он удивил ее классической игрой на гитаре, чарующим голосом, знанием любимого ею Серебряного века... Это был тот случай слияния родственных душ, не перестающих удивляться новому дню, дышащих и мыслящих в одном ритме!

Это был их мир, в котором была река, крутой утес и «каешки-бляшки», наперегонки скачущие по синей глади к самому омуту... Мир, в который они никого не пускали!

Удивительно, но никто не осуждал этот союз. Не слышно было интимных шепотков за спиной. Друзья оберегали их от банальщины и пошлости.

Два года длилось это безумное счастье! Он не раз предлагал решить все сразу, но она все оттягивала этот момент, стыдясь своей слабости. Она боялась...

И вот оно! Прогремело как гром!

— Я люблю вашу жену! Отпустите ее! Она мучается! Пожалейте ее! Ей плохо с нами!

Почти теряя сознание, она слышала из-за двери каждое слово!

— Опоздали, молодой человек! Мы уезжаем на следующей неделе, приказ уже подписан!

Она задрожала. В голосе мужа прозвучала знакомая команда: «К ногам!» Каждое слово мужа, словно раскаленный гвоздь, пронзало ее тело! Это дурацкое воспитание в мире чудовищных условностей «не мочи!» поставило жирную точку в ее судьбе...

Конверт был большой, со множеством криво наклеенных марок. Пальцы не слушались... Наконец, в нетерпении, просто разорвала его. До боли знакомый почерк, строчки не хотели выстраиваться. Будто надеваясь, они устроили дикую пляску...

«Любовь моя! Верю, что письмо найдет тебя. Все эти двадцать лет я старалась жить в гармонии с тем, что окружало меня, но поняла — я жила только тобой, а если тебя нет рядом, то зачем...»

Ветерок принес очередную порцию морского воздуха и, поиграв занавеской, закружила по полу отрывок конверта. Рояль немим укором стоял в углу большой комнаты, давно играя роль мебели, иногда напоминав о себе протяжным стоном лопнувшей струны. В доме надежно хозяйничало одиночество.

Но он об этом уже никогда не узнает...

Месть

Харьков встретил нас золотой осенью, хотя «встретил» сказано слишком громко. Уютно в тот момент я себя не чувствовала. А поговорка «с милым и в шалаше — рай» звучала для меня кощунственно. Нас временно разместили в старой санчасти. Комнатка два на три — как ковер у мамы, такая же кухонька. Удобства на улице, причем все! Ходить туда надо было с двухстволкой! Крысы, игнорируя наш распорядок дня, нагло фланировали по всему туалету, чувствуя себя полными хозяевами. Колонок, с тонкой струйкой воды, выводила меня из себя. А тут еще изнуряющий токсикоз! Боже мой! Резкий бросок из родительского дома в эти кошмарные условия действовал на меня отрицательно. Я тихо мгла слезы в надежде на скорые перемены и дала себе слово выдержать все. А вообще, городок мне нравился. Место очень живописное. С одной стороны поле, с другой — лес. По весне он был особенно чудесен, сияя голубишной пролеской и молодой, только распустившейся зеленой листвой. Создавалось впечатление, будто земля и небо поменялись

местами. Опрокинутое небо — надо же...

В качестве жены я попала в городок впервые, и мне было интересно смотреть на все «широко распластанными к жизни глазами»! А удивляться было чему. Первое — это никогда не закрывающиеся двери. На них просто не было замков! Мы, уезжая в отпуск, завязывали «бантиком» обычный шнурок, и этого было достаточно. Но самое удивительное — люди! Вот где началась моя «школа жизни»!

Жены офицеров — особая каста. Чаще это женщины с образованием, получившие достойное воспитание, но... попадались и индивидуумы. Пришлось мне столкнуться с Ранской — особой скандалякой и полной противоположностью вышесказанному. Уже тогда я сделала для себя вывод: если человек ничем не блещет — он начинает пыжиться за счет тех, кто его окружает, и пользоваться их положением в обществе или на службе. Ранская была как раз из этих. Жена командира батареи — она гордо называла себя «капитаншей». Ох, и крови мне попортила эта «капитанша»!

Как-то я имела неосторожность исправить грамматические ошибки в ее объявлении — что тут началось!... А мне просто стыдно было за нее. По моим меркам, не имеет права жена офицера быть безграмотной.

— Евгений! Говорят, ты музыкантша и у тебя пластинок — куча, всяких там Чайковских, Моцартов... — обратилась ко мне «капитанша».

— Ты хочешь что-то послушать из классики? — рано обрадовалась я tipe Рански к прекрасному.

— Вот еще! Я холоду наварила, тарелки в холодильник поставить надо. Прикрою для ровности, чтоб одну на другую поставить. Так больше пойдет! — резонно разъяснила мне обстановку Ранская.

Ну, что я могла ей ответить? С подобным невежеством «капитанши» и свой адрес мне пришлось столкнуться еще не раз.

Однажды подвернулся случай отомстить Ранске за ее дремучесть и хамство. Она очень гордилась своим огородом, а остальных, в частности меня, считала неумехами и неженками. Воспитанная в семье, далекой от «сохи», к стыду своему, я не очень разбиралась, что и как растет. Все продукты мы покупали на рынке, и это было естественным. Когда мне дали участок — я добросовестно все высадила. Я была уверена, что в огороде надо появиться два раза — посадить, а потом собрать урожай. Имея такие познания, в первый год я, кроме бурьяна, ничего не собрала и справедливо стала посмешищем в Райковых глазах. Опыт и упорство помогли мне через год решить эту проблему — следующей осенью в погребе красовались рядами аппетитные заготовки! Но это было позже, а пока, в отличие от меня, Ранская, в своей любимой позе, осыпала свой участок и собирала приличный урожай.

Как-то рано утром, прихватив полотенце, я привычно отправилась к озеру искупнуться. Есть у меня такая слабость — пробежаться босиком по росе и прямо с кручи нырнуть в прохладную воду, рассекая стекающий над водой туман. Уже предвкушая удовольствие, стягивая на ходу легкий сарафан, резко тормознула возле ваших, таких же любителей водных процедур, двух лейтенантов. Они, старательно пытая, кого-то ловили в траве. Наконец-то все завершилось победой в пользу охотников. Мое любопытство взяло верх над желанием искупаться.

— Привет! Кого поймали, гусары?

— Зверя! Но вот не можем понять — кто это! — весело засмеялись молодые люди. Я впервые увидела существо, похожее на таксу, с огромными когтями и совершенно без глаз!

— Ребята! Это крот! — в восторге заверещала я. Изучив досконально жителя подземелья, мы приняли справедливое решение отпустить бедолагу на волю. Но вдруг меня пронзила дерзкая мысль.

— Ребята! А дайте его мне! Я найду, где выпустить это чудо-природы!

Те доверчиво переложив зверя в мое полотенце и... с чувством выполненного долга удалились в часть.

Крот оказался тяжелым и строптивым, и, если бы не моя изворотливость и дикое желание довести задуманное до конца, все кончилось бы куда печальней для моих музыкальных ручек.

Цель уже была рядом — взлелеянная Райкой плантация! Я присела, украдкой окинув все вокруг взглядом, выпустила «туриста». Тот, недолго думая, сразу же, с быстротой экскаватора, зарылся в землю и... исчез. К вечеру со стороны огородов доносился истошный визг «капитанши»!

— Ой, люди добрые, че делается! — нараспев причитала Райка.

Я даже не предполагала, что моя идея обернется подобным кошмаром. Весь огород Райски напоминал поле сражения с воронками от меткого артобстрела. Тоскливо валялась уже привянувшая картофельная ботва...

— Да, отомстил так отомстил, мой дикий союзник, — подумала я про себя и постаралась тихо исчезнуть. Но какая-то горечь вины в душе у меня осталась. И тогда я поняла, что месть — чувство изменчивое и неблагородное. А Райске я все-таки благодарна! Ее уроки мне очень пригодились в жизни. Все мы чему-то да учимся, а главное, учимся быть людьми!

2 апреля 2008

Омлет по-эстонски

Заметки из книги

Меланком посмотрев билеты, потом, отвернувшись куда-то в сторону, сказала скрипучим голосом: «Сумки спрячьте под себя, сопрут! Кипитка не будет. За чаем — в соседний вагон. Ясно?» Не дожидаясь нашего «резюме», она, как ртуть, перетекла к кучке таких же, как она сама, невзрачных проводниц. На этом наше общение закончилось. Мы не видели ее до самого Таллина. Еще недавно мы очень любили путешествовать по маршруту «Москва — Таллинн». Голубые вагоны «Эстонии» маняли сервисом! Мы ощущали себя чуток европейцами. Все было привычным и незабываемым... Холодный ветер октября 1991 года вселял в нас растерянность и дрожь. Беспредел уже во всю гулял по еще не поделенной стране без названия.

Неподъемные сумки отгибали руки. В них все то, что можно было получить по свидетельству о смерти в голодной и ту пору Москве. Несколько синих художничьих цыгант, ценник на которых пытался убедить нас, что это курица, хотя закрадывалось подозрение, что они умерли еще до того, как стали теми, чем были. «Останкинская» колбаса, соответствующая своему названию, и водка — наша национальная валюта на все времена! Вот «богатый» продуктовый запас для поминков.

Наша свекровь скорчалась в Москве, приехав погостить к младшему сыну. Мы выковыляли ее последнюю волю — похоронить ее дома, рядом с папой. Оба сына сопровождали тело мамы спецрейсом. А мы, невестки, поехали поездом, чтобы успеть пораньше. Надо сказать, что мы с Ольгой были очень дружны, что вообще редкость между родственниками.

Вагон встретил тревожной настороженностью. До нас доносили стали доходить слова проводницы. Ни одного пассажира в вагоне не было, как не было постельных принадлежностей и многого того, что было раньше привычным для припного путешествия. Сквозняк, гуляющий по вагону, мобилизовал сошедшие на вет силы, и мы взялись за дело! Для начала утеплили окно матрацем, обустроили лавки, два матраца пригодились вместо одеял, верзаную одежду снимать смысла просто не было. Единственно положительное — не надо выходить в тамбур на перекур. Несколько окон были разбиты, словно после бомбежки, и дым исчезал бесследно! Что ж, игра на выживание набирала обороты, и судьба-злодейка, похаживая над нами, будто приговаривала: «Посмотрим, на что вы еще стоите, женья военных!»

— Да плавать, — подумала я, засыпая, — мы всегда умели из г... конфетку сделать, и не такое видели!..

Мечта матери последних лет жизни — перетянуть старшего сына с семьей жить в Таллинн — и берегла квартиру. Наш дом стоял в самом центре, и мы часто видели его и гостиницу «Виру» в программе «Время», когда по телевизору шел прогноз погоды. Я любила этот город с того момента, как вдохнула в аэропорту запах Балтийского моря. Он для меня казался самым красивым на земле!

Обидно было отдавать квартиру за «просто так». Хотелось побороться и «надрать» эстонцев за их разглагольствования об оккупации. Ещё не было афер с продажей квартир, поэтому то, что мы задумали, было призрачно, но желание было сильнее нас, и все получилось. Теперь-то мы понимаем, что не мы одни были такие умные: те, кто помог нам, поняли на этом больше... Но и то время нам казалось, что мы такие молодцы, «сделали этих эстонцев» и отомстили за всех родных, живых и мертвых!

После похорон я улетела домой, мысленно попрощавшись с городом моей мечты... Но через месяц мы вновь оказались дружной семейкой в Таллинне — решил помянуть маму и круту семью.

Страсти независимости будоражили Эстонию и многие другие бывшие республики, а мы были озабочены приземленными проблемами — куда спрятать и как провести без потерь полученные за квартиру деньги, по тем временам большие, ведь убивали тогда и за копейки. Жизнь человека не стоила ничего! Как, впрочем, и сейчас.

Мозг вскипел от возможных вариантов и, отчаявшись, я туго предложила засунуть деньги в пакет с продуктами, маскируя все это дешевой колбасой и булкой черствого хлеба. Подобное «меню» не должно было бросаться в глаза. Решили — сделали! Накануне отъезда всей компанией поехали погулять по городу, прощвырнуться по магазинам, чтоб накупить всяких эстонских прелестей, без которых никогда домой не возвращались. Нас занесло в мебельный магазин, любимый нами — мы когда-то делали там мягкую мебель на заказ. Была там такая услуга.

Ольга решила осчастливить себя покупкой банкетки. Она уже мысленно видела ее в прихожей. Сашули был крайне недоволен, да это и понятно — кому, как не ему, придется тащить этот шедевр мебельного искусства в Москву. Но... банкетка была куплена! Ещё одна маленькая победа легла в копилку женской логики! Во мне всколыхнулось восхищение предприимчивостью боевой подруги: «Оль! А что мы и сей, воздух поведем? Давай купим хоть что-то в Москве с продуктами вот такая проблема, а так первое время горя знать не будем!» Ольга сразу загорелась идеей: «Купим сопито, упакуем в бумагу и довезем целенькими!»

Ну, если женщина решила — она пойдет до конца! Сашулю и наши планы решили не посвящать, а обрадовать уже в Москве. Перевязав капроновой веревкой банкетку с сюрпризом, мы остались довольны. Надо сказать, багажа

хвятило и без банкетки. Саша был в ужасе — как он будет все это тащить! Наконец-то пвадно вечером мы отправились на вокзал, но, как мы ни старались, все равно чуть не опоздали. Состав вот-вот должен был тронуться. Положив вещи в последний вагон, мы наскоро попрощались с Максимом, он еще оставался доделывать дела. Он стоял на перроне одинокий, чужой и не нужный на своей родине... Мы в тамбуре не стеснялись слез обиды и горечи. А мимо проплывали знакомые до боли места... Прощай, Таалини, которым мы гордились!.. Встретимся ли снова?..

Таскать коробки через весь состав было очень трудно. Надо отдать должное эстонцам, они быстро оправившись от беспредела и налаждая привычный сервис. Вагоны, как и прежде, стали теплыми и уютными. Радуюсь этому и предчувствуя отдых и комфорт до Москвы, мы стремились к своему купе, как к заветной цели!

В полувагоны нам досталась чужеродная седая эстонка, которую просто перекосило от русской речи. С ними, бедными, в последнее время произошел казус — их поголовно посетила амнезия, все эстонцы напрочь забыли русский и демонстративно поворачивались спиной. Поставив последнюю коробку, мы присели, тяжело дыша. Вопрос Саши прогремел для нас как гром, хоть задан был шепотом: «А где пакет с продуктами?» Моментальная бледность Ольги переползла на меня мгновенно. «А мы еще не все перетащили!» Последние слова были сказаны уже на ходу. Мы неслись по составу, как ужаленные, моля Бога о помощи! Мы увидели свой сиротливо стоящий пакет в тамбуре последнего вагона. Несмотря на то, что с нами была истерика — деньги были целы, затея с «мешо» сработала! На пятых ногах мы возвращались в купе, неся перед собой драгоценный пакет! Саша ждал нас с видом Наполеона, приготовившись штурмом брать рубежи.

— Подавайте коробки наверх, надо освободить проход, а то мне уже знаками дали понять, что хотят выйти умыться! — тихо сказал он.

— Да что мы, против — пожалуйста!

После такого стресса мы были готовы хоть вагоны разгрузить. Мы спорили, работали. Когда Саша поднял банкетку — случилось самое страшное, что можно еще придумать на наши головы! Шелковый шнур съехал в сторону, банкетка открылась — и... дождь из ста лиц обрушился на всех, кто был рядом, включая седую эстонку! Что тут было — пересказать невозможно! В суматохе я пыталась ловить яйца подолом своей юбки! Ольга с визгом схватила простыню! Эстонка под напором Саши резко вспомнила крепкий русский мат и вторила Саше дуэтом! Со шлепком последнего юбилейного яйца картина нарисовалась просто жуткая... С лиц стекала яичная клейкая масса! Во что превратилось купе — страшно вспомнить: это была сплошной омает!..

Всю ночь мы чистили купе, мыли головы, стирали одежду и держали ответ не только перед проводницей, но и бригадиром поезда, и не только словесный, но и в денежном эквиваленте! А уж перед нашей попутницей!

Уже в Москве, усталые и мокрые, передвигаясь с вещами мелкими перебежками, мы дошли до места, где на вокзале играл инструментальный квартет. У нас же в тайге подобного нет, и я с удовольствием, раскрыв рот, слушала своих собратьев-коллег.

Ребята играли здорово! Чувствовалась консерватория. Стало обидно за ребят. Дожили! Ну, правильно — искусство принадлежит народу!

Я подошла к ним, бросив в шляпу кушюру повкуснее, тихо попросила сыграть что-нибудь лично для меня. Посовещавшись и хитро подморгнув мне, ребята заиграли... «Прощание славянки»! Я обомлела, не ожидая подобного! Подоспел Саша.

— Саша! Но откуда?!

— Пойдем уже! У тебя на лбу яйцами написано, что ты жена военного!

Прошло много лет. Последний раз я видела нашу замолучную банкетку, когда приехала хоронить Сашку...

Мой верный друг...

Мой верный друг!

Ну, сколько нам отмеряно

Для слез, улыбок, радостей, стихов?

Мой верный друг, как холодно, как ветрено

Порой вокруг, и не хватает слов,

Чтоб доиграть, додумать, допечататься...

Доделать все, что в жизни намечтала,

Чтобы, в конце концов, переизначиться,

Как холодно, как ветрено, устала...

А утро кошкой ржавою таращится,

Удушье ночью, боль потери днем...

Мой верный друг, мы в этой жизни значимся,

Тогда зачем играем так с огнем?

Мой верный друг...

Корыстолюбие – кредо иноверцев!

Корыстолюбие — кредо иноверцев!
Не привечает мой открытый взгляд.
Валы волнений, громоздись на сердце,
Мне непременно жизнь укоротят.
Часы роинот прыткие секунды
Со стрелки, как кровиночки с нолка....
Мой Судный день, не допусти ласкудства,
Чтоб вдребезги разгрохали скрижаль!
Где жизнь моя раскрыта, непредвизита,
В невывчурных коротких письменах.
Я не скопила яхонтов и злата.

В моей жизни рубцовская грусть...

Перекручено все, переверчено,
Потому и кручина, как пресс,
Давит сердце моё перед вечером,
Подсылает непрошенный стресс.
Вот застгла врасплох, как сомнение,
В моей жизни рубцовская грусть,
И представился горьким знамением
У ступеньки разбивший куст...
Подростеряны дни, подрострачены
В беспределе мирской суеты...
Неужели судьбой предназначено
Не собрать луговые цветы...
Ступа явно уже на пороге,
Сиято поле заветных надежд,
И стыдливо глядит мой годы
Через ткань перешитых одежд...
Но в тревожную пору осеннюю
Я хочу всей душою, поверьте,
Воспринять золотой свет есенинский,
А не грех — умереть прежде смерти!

Это счастье...

Это счастье,
Когда человеку дано удивляться!
Удивляюсь никем не прочтенным
Автографам волн на песке,
Когда-то давно затанцвшим в себе
Ту загадку великого спора
Меж сушей и морем...
Удивляюсь чудесной палитре заката,
Где краски художников
Так же бессильны, как строчки мои,
Чтобы вам рассказать
О заре той медово-шафранной...
И я удивляюсь мимолетным радостям жизни!
И счастлива я бесконечно,
Хоть краешком глаза увидев,
Как полон наш мир первоизданной
Большой красоты!

Шестнадцать строк...

Шестнадцать строк об октябре —
О том, что иней на заре
Прошел по листьям сединой,
О том, что лето за спиной.
Шестнадцать строчек о тоске —
О том, что брошен на песке
Обломок старого весла,
О том, что молодость прошла.
И вдруг, наперекор судьбе,
Шестнадцать строчек о тебе,
О том, что с давних пор не зря
Ты любишь ветры октября!
Шестнадцать строчек... Я живу...
Кленовый лист упал в траву.
Песок остыл, ручей продох,
А я живу... Шестнадцать строк...

Благодарю...

Я, все еще не веря, не мигая,
На тот перрон пустеющий смотрю...
Еще есть время,
Крики: «Дорогая!»
Не говори: «За все благодарю!»
Неужто это называют силой,
Чтоб, как на свечку, дунуть на зарю.
Сломать крыло родному слову — МИЛЫЙ,
Живой любви сказать: БЛАГОДАРИЮ...
Прости. Не упрекаю. Не корю.
Я все еще на тот перрон смотрю.
Я все еще тебе не верю, милый...

Акрилоза

Сквозняк ли тронул
пламени свечей,
Взмахнула ночь ли
покрывалом сном?
Но только в чутых
струнах клавишна
Аккорд возник, до слез
невыносимый,
Наполнив грустью
взор его очей...
Предчувствие фатальности
растет,
Всю силу скорбных звуков —
не измерить...
Великий Моцарт, уходя в бессмертье,
Последней песне душу отдает!
Тот незнакомец в черном —
Он предстал, как вестник
Инквизиции, как рож,
И заказал он реквием, но срок

Назначенный истек...
Он умирает...
Обидно, что еще не все сказал
И больше ничего уж не сытает...
Посланец мрака!
Черный человек!
Возьмет в могилу гени без славы,
Но музыку не спрячешь в тесный саван,
Не замолчит тот «Реквием» вовек!
Не плачь, Констанца,
Полно слезы лить,
Зови друзей, чтоб песня разлетелась,
Они поймут, что отпевают тело,
А сердцу вечно на шопитрах жить!
Собрав всю скорбь расколотых надежд,
Он торжествует скорбно, но победно
Над миром всех завистников зловерных,
Над властью коронованных невежд...
Мы слушаем, дыхание затаив,
От ветра шевелится шторка...
Глядят с портретов Лермонтов и Лорка,
А в их очах, мечтательных и зорюх,
Стихи, как солнце в озере, стоят.
Звучал нам Моцарт несколько минут
И мысль разбередил, как будто рану,
Что гении уходят слишком рано,
Сальери же — под семьдесят живут!

СЕРГЕЙ ПУДОВ

Родился 7 октября 1936 года в деревне Межовая, неподалеку от города Серова. Работал корреспондентом и газетой, редактором регионального телевидения, много ездил по стране, накапливая бесценный журналистский материал. Член Союза журналистов. Югорские читатели любят и знают его как мастера художественных очерков, эссеист и слегка ироничный.

Заповеди деда

Я повернул кольцо запора, открыл массивную калитку и оказался в просторном крытом дворе. Под ногами — пол из толстых, пластоо сколоченных плах. Справа — высокое крыльцо. Робко постучал в дверь. Козанки моих пальцев вряд ли могли издать вопросительный звук — дверь была толстой и не вибрировала. Тут она отворилась, и старушка, не отпуская ручку двери, пригласила войти. Я перешагнула вслед за ней высокий порог в сени, потом в дом.

— Проходи, садись.

— Меня председатель направил к вам на ночлег.

— А он всех гостей заметных к нам направляет. Посиди, отдохни. Старик придет — ужинать станем.

Большая, просторная, без перегородок, изба. Посередине русская печь. Заборки, разделявшая когда-то избу на две части, была убрана, остался лишь светлый след на полу. Колено самоварной трубы висело у шестка на гвоздике, рядом два ухвата, совок и кочерга, да лопата деревянная — каравай на под печи сажать. Голые бревенчатые, плелеватые стены с черным мхом в пазах, некрашеный пол с поблескивающим на солнце сучьями-дуковыми, деревянная кровать за печью и толстые широкие лавки вдоль стен. На них, видимо, спали дети. Под потолком на матице висела под голубым сверху и белым снизу эмальированным абажуром синего волнистого стекла десятиламповая лампа с чистым стеклом. Рядом, без абажура, голая электролампочка. На подоконнике стояла еще одна керосиновая лампа — семиламповая, с пузатым стеклом. На стене тикали часы, приводимые в движение гирей в виде слоновой шишки. Рядом в простенке застекленные рамки с фотографиями.

Старушка маленькая, совсем усохшая, с заплаканными бесцветными подслеповатыми глазами. Лицо ее одрябло, как прошлогодний овощ. Сидит, облокотившись на худые руки, у окна, поджидает своего вечно занятого старика.

— Бабушка, — подал я голос, чтобы прервать гнетущую тишину, — сколько вам лет?

— Молода была, помнила, а ныне-то уже забыла. Старик подъедет, дак скажет. Он, поди, еще помнит. Худо вижу — весь свет в дыму.

Мария Тихоновна подвела сухонькую коричневую руку к глазам и, подслеповато щурясь, посмотрела в мою сторону.

— Молодец, однако? — ставя ударение на первый слог, в смысле молодой, юный. — Откуда?

— Корреспондент я, из газеты! — нарочно повысила голос, не надеясь на её слух.

— Чую, что дальний. У нас говорят потише, — с легкой иронией сказала старуха.

Я попытался ее разговорить. Пошел к рамкам с фотографиями.

— Расскажите, пожалуйста, кто на этих фотографиях.

Она подошла к рамке и, не видя образов детей своих, на память стала показывать пальцем и называть имена каждого.

— Ни одного не осталось, все там... А сколько было-то! Петя, Ваня, Павел, Егор, Степа. Пять мужиков. Старших — тех война съела. На одном году четыре похороны получила — вот как по мне война-то проехала. Егор тоже через войну нарушился — в плену у германцев был. Вот какой уж год пошел, а я все вспоминаю и плачу. Ложусь и встаю с тем... По ночам плачу — подушка утонула в слезах. Руки-то в колхозе от работы высохли.

Слеза выкатилась, запрыгала по морщинам, будто по ухабам, упала на пол. В чистеньком белом платочке цветочками, повязанном по-деревенски концами вперед, она промокнула глаза кончиком платка, села на прежнее место и продолжала вглядываться вдаль.

Вдруг встрепенулась, налила горячего борща в большую семейную чашку, положила три ложки, каравай хлеба, накинула на плечи стеганую кацавейку и вышла. Я с любопытством выглянул в окно, выходящее во двор. Моим глазам предстал ритуал казачьей традиции.

Старушка сняла с засова черныш от времени и отполированный до блеска за долгие годы бастрик-макагон, распахнула ворота, и старик въехал во двор, не слезая с телеги. Через минуту он был в доме. Вскользь взглянул на меня, как на очередного постояльца, безо всякого интереса, вымыл руки под рукомойником, вытер их полотенцем и протянул мне сухую жилистую ладонь. Крепким рукопожатием дал понять — еще силен, представлялся:

«...» — Иван Селиверстович.

Я назвала свое имя.

Пока старик умывался, и незаметно наблюдал за происходящим во дворе. Старуха распрягла коня, выпустила в конюшню и вернулась в избу. Умывалась и молча села за стол подле деда. Стол стоял в правом переднем углу и вокруг него — разном скамейки на толстых плах.

Когда мы сели за стол, солнце уже лежало на верхушках леса, и лучи его, короткие, ласковые, тихо догорали на подоконнике. Мы с дедом, оба голодные, ели молча, по-мужичьи.

— Как он жадно ест, — всхлинула старушка, — прямо как мой, бывало, «галчата».

Она опять вспомнила, глядя на меня, своих безвозвратно потерянных сыновей.

— Да будет, будет тебе, — досадую, приструнила жену Иван Селиверстович. — Ест же человек, кушает, а ты мокроносо брызжешь!

Мария Тихоновна торопливо утерлась передником, сидит, опершись на стол, тупая, послушная. В позе, в лице, в движениях ее такая необычная, для не имеющая тоска, что и сравнить ее не с чем. Ей все безразлично оттого, что в доме пусто, нет гаму, шуму, и хочется попасть обратно в ту жизнь.

А какое удовольствие было смотреть на стариков! Тут знали цену хлебу насущному: ели молча, неторопливо, по старинке — в правой руке ложка, а левая «ковшичком» сопровождала ложку от общей большой семейной чашки до подбородка.

Когда хозяйка унесла посуду на кухню, хозяин шивовато обратился ко мне:

— Ты уж прости старуху за некстати слово сказанное...

Морщины резче обозначились на его сухом узком лице да на жилистой, дочерна загоревшей шее.

— Говорит, один сын — не сын, два сына — полсына, а три сына — сын. А у меня пять было и ни одного не осталось. На войну забрали, и всех убило, на войне-то. На трех месяцах четыре похороны на меня пало. Дак как, думаешь, легко было нам? Дом без детишек-внучат — все равно что амбар пустой среди зимы. Да и я немножко повоевал. А что ты удивляешься? Когда война как метлой вымела молодых мужиков из деревни, военкоматы за стариков привалили. Определили меня в конный транспорт снаряды на передовую подвозить. И ведь что обидно, перед самой победой немецкая батарея положила несколько снарядов и наделала беды. Телега моя взлетела в воздух, мерзина осколками убило, а меня вот Бог миловал, дескать, хватит жертв и твоей семье. Контуженного, в нескольких метрах от воронки обнаружили после боя. Пока

нашлись в госпитале, война закончилась, и меня комиссовали. Время было трудное, послевоенное. Многие колхозы дышали на ладан. Мужиков-то после войны, почитай, раз-два и обчелся, да и те покалеченные. Лошадей — и тех на фронт забрала. Старики, бабы да мялзга пузатая — «недокормашки» — и кормили Рассею.

Старик надомно замолчал, мысленно прожилась по одному из трудных отрезков своей жизни. Легкая дрожь пробежала по его телу, он встряхнулся.

— Ну, да чё это я тоску на тебя навожу, ты, поди, не хуже меня все это знаешь.

— Иван Селиверстович, расскажи еще что-нибудь интересное.

— А у меня вся жизнь интересная, в какой закуток ни загляни. Так вот, пришел я с фронта, руки-ноги целы, за всю тяжелую работу первым хватался — стыдно же перед бабами отлынивать, вот и надорвался...

— На бабах ты и надорвался, — не выдержала жена. Она сидела в закутке за занавеской и прислушивалась к нашей беседе. Вызвали прошлые обиды! Она вышла из кухни и вступила в разговор.

— Гулеваничь-то как он любил! Да все с куражом, все с вывертом да с норовом. Вот вдовушки и липли к нему. Из сельсовета, бывало, с почтой часто поздно приезжал: «почтовый поезд, дескать, опоздал».

По худому бледному лицу старухи скользнула чуть приметная усмешка:

— Почтарка небось какая долго почту не отдавала...

Без злобы бабка ворчала, любила его, гордилась мужем своим, не променял он ее ни на какую молодуху: каждую ночь домой возвращался. И все приятно вспомнить годы молодые на закате жизни.

Дед сидел довольный, гордый, как петух выкатил грудь вперед: мол, слышишь, каким госолем я был, да и сейчас еще ого-го! Накручивал свои гусарские усы.

— Во-во, за усы твои, поди, бабы-то и любили, — не унималась старуха.

Наведи она какую другую критику на деда, тут бы и получила полный отлуп: «Сиди, мол, в своем углу и не мыркай! Неча в мужицкий разговор встревать!»

Воркотня-воспоминание перевела моего рассказчика на более лирический стиль повествования.

— Так на чем мы остановились? Это надо же, старуха почти слепая, а ухо остро держит. Всю беседу испортила, — добродушно поворчал дед, все еще довольно улыбаясь.

— На тяжелой работе надорвался, — подсказал и не смог сдержать улыбки. Дед взглянул на меня, сконфузился и продолжал:

— И тут меня во второй раз комиссовали. Перевели на легкий труд — почтальоном.

Решившие ретивыми старушки добавляли в отношения стариков еще больше трогательного очарования и скрытого от постороннего взгляда взаимовуважения и любви. Есть такие люди, которые умеют прятать свою грусть, переживают ее в одиночку и оттого кажутся на людях всегда веселыми и беззаботными. Он был из той, уходящей, породы русских мужиков, которые умели и жить с размахом, и работать велясь, и чудить, не теряя рассудка.

Я откровенно любовался своим собеседником. Подтянутый, подлизанный уном казацким ремешком, с металлическим оконечником-киричком, рубаха на нем длинная павыпуск, с воротником-стойкой, застегнута, прибрана, постирана, поглажена — бабка убажала его. Старик сухожилый, не поймешь, какого возраста. Тонкая кожа сухого, красивого, загорелого, точнее обветренного, лица подчёркивала его молодцеватость. Лишь морщинки от глаз разбегаются к вискам птичьими лапками, когда он лукаво улыбается, выдают его возраст. Чистый, высокий лоб с редким зачесом назад, посыпанным перлом прожитых беспокойных лет. Стройная фигура. Я представил его в череске и папахе — чистый есаул. Как сохранилась эта мужская красота, не стореда в лихолетье гражданской бойни, дурелома раскрестынивания, военного тотального призыва? Глубоко сидящие, когда-то голубые, выгоревшие от времени глаза постоянно поблескивали мудрой лукавшкой.

Старик говорил не спеша, обстоятельно, ему не надо было ни поддвигать, ни кивать головой. Можно было даже не слушать его, он все равно не обиделся бы. И я слушал, стараюсь не перебивать и радуясь, когда старик произносил значительные и жабанные слова либо выражения. Я не доставал блокнот, боясь спугнуть рассказчика. Вот некоторые из них, что сохранились в памяти: «Противу совести не устоять никакому попу», «Без совести жить — не жить», «Работай всю жизнь до смертного часу, а кто работает, тому скрывать нечего». Подобными афоризмами житнейской мудрости дед непрестанно пересыпал свой рассказ о длинной жизни своей.

Дед даваю не встречал среди своих постояльцев такого благодарного слушателя, с интересом ловящего каждое его слово. Мы сидели в потемках, не зажигая света. Беседа протекала спокойно, как ручеек по камушкам. Бабка, лежа на печи, то и дело засыпала, но сразу же просыпалась от звуков собственного хрюпа. Она вновь прислушивалась к нашей беседе, но не мешала и не отпирала нас в постель.

С первого дня дед взял за правило: ни дня без свежих газет. И в дождь ли, ветер, снег ли, сыкоть, устал — вет, хочется — не хочется... — поехал. Сел на телегу — «вперед за политикой!» Рывые, бывало, верхом. Слева к седлу притомачивала поттовую сумку с письмами, переводами и газетам, справа обично торчала какая-нибудь посылка. Газеты и переводы развозил очень тщательно.

Конь его уже сам знал, к какому дому нуною сплзачивать. Почталхон, не спускался с селла, совал газету в скобу ворот и ехал дальше. В последнее время он частенько боялся слезать, потому что залезть обратно в селло иногда просто не мог. В селле же он сидел молоддеанато, по-гусарски, чем вызывал невольные улыбки женщины и усмешки мужчин.

— Конь-то у тебя, Селливерстыч, справный, — подкинул комплимент старику, паметуя старую ковбойскую истину: «Обаяная лошадь, ты обаяеешь всадника!» Предлагая благодарную улыбку, и не думал, что задел самую тонкую струну его души. Он выдал целую хвалебную оду своему любимцу. Я понял: конь — предмет его любви последней и гордости. Старик оживился, потеплел его глаза.

— Я ведь его еще недоуздам во двор привел. А ведь как дело было до того, Позор, да и только. Определили меня, значит, в почталхоны. Вроде как из музандского сословия списали. Обиделся я, но невадало. Потом интерес пришел. Оторчал только, что на конном дворе мне старые клечи доставались, которые не только пахут — борхону таскать не в силах. А мне позор, насмешки от всех встречных-поперечных. Не буду повторять, что мне вслед выкрикивали, а потом фохотали. Возмоллся тогда перед председателем. На коленях, говорю, паду перед тобой, дай мне лошадку, припиши ее к почте как штатную единицу. Во двор к себе уведу, сам поить, кормить буду. Ну и про фураж не забудь, сено-то косить, говорю, я уж не в силах. Согласился он. А жеребчика-то этого я еще сосунком приметил. И клечку дал ему Игрени. Утресь я тебе покажу его во всей красе. По крове он мне прихелся.

Это выражение я слышал впервые, но запомнил его надолго. Он рассказывал о своем любимце с такой нежностью, что невольно занорачивались слезы умиления.

Улеглись мы далеко за полночь. На тиканье ходиков и циферблат мы не обращали никакого внимания. Дед, растрепожанный воспоминаниями, долго ворочался на скрипучей деревянной кровати — не мог заснуть. Я на лавке, переполненный впечатлениями, пытался уложить в памяти все услышанное для будущего очерка. Не заметил, как провалился в сон...

Утром проснулся от щелчков в репродукторе и не мог вспомнить, где я. Передавали последние известия. Я лежал с закрытыми глазами и слушал, как по улице гнали стадо.

Первой встала баба Маня. Она по старинке издула огонь, подкинула напод печки сухих полешек, и по стене запрыгали веселые белые отблески пламени жарко запылавших дров.

Дед как ни в чем не бывало встал, перекрестился на образа, покрытые вышитым политеизмом, с истовою горевшим тусклым пламенем лампы, пошентал молитву, умылся и вышел во двор.

Не близкий же я какой-нибудь там родственник-отпускник, чтобы валяться в постели, когда хозяева на ногах. Встал и вышел следом. Кричали курицы, исполнившие свое дело. Особо громко кудахтала одна несущка, словно снесла целую планету. Пытаюсь перекричать куриний галдеж, беспрерывно гогочащего петуха, будто тоже хотел снести, но звичко никак не пролазило. Конь громко переступал по дощатому полу конюшни. Коровы во дворе не было — не те силы у стариков. Но диву даешься: как им удалось сохранить двор — оплот истинно свободного земледельца?

Дом стоит на земле более столетия, и время его не сколбачило. Лес валял для дома и фенеру, на растущей луже, чтоб смолою была обшита и не гнила до времени. Дом был главой целого семейства построек. Стояло поблизости большое, с ошником, гумно, крепкий амбар, два односкатных сеновала, баня, картофельный погреб и рубленый на студеное клоче колодезь, тут же небольшой инвентарный сарай, где по сезону хранились сани или телега, в глубине двора, к огороду, баз — для выгула скота в зимний период. Жизнь в селе текла спокойно, по давню сложившемуся укладу.

Селиверстыч вывел свою гордость из стойла повонять. Игрень покосился на меня радужно-фиолетовым, словно фотообъектив, глазом. Я улыбнулся, положил руку на теплую лошадиную морду, поцекотал ладонью его бархатную нижнюю губу. Это был вороной, молодой и сильный конь, заметно отличавшийся своим видом от колхозных лошадей.

— Поди пока, погуляй по улице, к завтраку не опоздай, — отправил меня хозяин.

Село разбежалось верст до пяти вдоль широкой улицы. Она начиналась от старинного Сибирского тракта и уходила вдаль, в сторону районного центра, стоящего на железной дороге Транссибирской магистрали. Под бревенчатые пятистенки, срубленные словно по одному образцу, подведены высокие, в человеческий рост, подклети из природного дикого камня. Промежутки между домами забраны высоким заплотом из таких же кряжистых бревен. Улица напоминала деревянную неприступную крепость. У двух-трех, крайних от старого тракта, домов в бревнах заплота вырезаны окна-«кормушки» для варнаков и прочих бродяг. В былые времена на них хозяйки ставили кринку молока и ломоть хлеба: «Поешь, бедняга, и иди с Богом дальше, не тронь скотинушку мою».

В центре села на высоком холме храм. Белая колокольня развороченной церкви с покнутым мощным крестом выделялась на спокойном, по-осеннему блеклом небе.

...Игрень бежит легкой, неторопливой рысью. Старик в очередной раз едет на почту за «политикой» и везет меня до сельсовета, а там с тремя пересадками на перекладных я должен к завтрашнему утру быть в редакции.

Верхом на рысаке председателя я побывал на току, на отгонных пастбищах у доярок, поговорила со стариками, по привычке сидящими на ступеньках правления колхоза, собрал материалов на разворот газеты и сейчас, сидя в телеге, перелистывал блокнот, уточняя некоторые детали и фамилии, обращаясь к Селиверстычу за справкой.

— Я ведь, почитай, всю жизнь в обнимку с лошадыю прожил, — заговорил он как бы сам с собой, ни к кому не обращаясь, радуясь тому, что на этот раз он едет не один по дмешной утомительной дороге. — По тракту, по Сибирскому, с обозами ходил, как лошадыю править научился, как сизенок стало хватать, чтоб супонь на хомуте стяннуть. Сперва-то коленком не доставал, дак ногой, ступней упирался. Посмотрел отец: «Заприжешь самостоятельно, в обоз возьму». Шубейку, шапку справили, катанки новые — и в обоз. По двенадцати ден ехали. Случалось и по ночам, лошадей покормим — и опить и путь. Раньше-то так не ездили. — старик указал взглядом на дорожные лужи, — дорога на Сибирском тракте булыжником выложена была. На каждой версте, почитай, хутора стояли людей государственных, для содержания дорог поставленных. Да и сейчас столбы полосатые стоят, еще не сгнили, а хуторов уж нет — разоптали смотрителей.

— Иван Селиверстыч, сколько ты еще собираешься за «политикой» ездить?

— А вот как хомут поднять не смогу, тут мой путь трудовой и кончится.

Старик горестно вздохнул, представляя свою беспомощность. Мы подъезжали к большому селу. Приближалось время расставания.

— Да, ты вот что, — встрепенулся Селиверстыч. — Ты, я вижу, парень добрый, деревенский, не испорченный еще, послушай совет старика. Не спеши жениться, погуляй, повыбирай, пригляди. Бери девицу моложе себя лет на пять-десять. Не бери в жены дочь пловы. Прежде чем жениться, посмотри на будущую тещу — знай, жена твоя в старости на нее будет похожа. Люба ли она тебе будет тогда?

Он не успел расшифровать мне свои заповеди, осознал я их много позже.

— Ну, прощай. Будешь в наших краях, заходи. Рады будем, — легонько тронул вожжой. Игрень твердой поступью пошел знакомой дорогой к почте.

Я с грустью посмотрел им вслед и понял: с этим стариком уходит в безвозвратное прошлое целая эпоха крестьянской России.

Цветник

Минувшим летом мой друг пригласил меня с ответным визитом в свой сад. Гордостью его, и по праву, он считает цветник. Отобрал у картошки изрядную долю земли и всю прилегающую к дачному домику площадь засел цветками, чтобы в вечернее время посидеть на высоком крыльчике, полюбоваться детищем рук своих и понаслаждаться букетом неповторимых ароматов.

Дорожки ведут вокруг клумб и альпийских гор. Он, как заправский экскурсовод, знающий цену своим сокровищам, обращается к цветам чуть ли не по имени-отчеству.

— Я, — говорят, — после посева семян пакетики выбрасываю, а то, что зацветает, получает мое название, в зависимости от внешнего вида. Здесь, например, сидят «Революционеры» и «Коммунары».

— Это же красные гвоздики! — вырвалось у меня.

— А я что говорю? — ничуть не смутившись, соглашается экскурсовод. — Разве не напоминают они старушек в красных косынках на шестнях поздней осенью с портретом вождя-учителя?

И продолжает путь по узким дорожкам благоуханного рая. Осторожно, с нежностью касается бутонов, поправляет заломленные ветром листочки.

— Ах вы мои «революции» бесшабашные! Если бы вы дальше моего сада не выходили! «Бархатная»... Вот обрати внимание: все из одного пакетика, на одной земле растут, а поди ж ты! Развалились на две половинки: одна сторона горит ярким пламенем, благоденствует, а вторая — хилая, чуть-чуть над землей поднялась. А вот «Оранжевая»... Приглядишься: у этого бархатца так и закручивается косичка вокруг темечка, а этот какой-то рябой... И тоже из одного пакетика и на одной земле живут. «Революция Роз»! Эти стоят в ряд, как хор известных стариков. И чуть ветер дует из-за ограда, так они в пляс, лезгинку танцевать. А здесь у меня «Реформаторы». Первые выскочили, чуть ли не из-под снега. Зацвели, но быстро увяли. Проклевывается вторая волна «Реформ», правда, только четыре набрали бутоны. А вот смотри: «Неувядающие реформы России» и «Рыдания гибнущих надежд».

— А этих красавцев-пионов каким именем нареж?

— «Олигархи», конечно! Ишь, стоят, разлапушились. И все за границу клумбы пытаются сбежать. Семена свои они там уже посеяли, сейчас корни отростки пустишь. Осенью верну всех на место. У бортика клумбы скромно растет «Иютека». Капризный цветок: то глаз и душу радуешь, то вдруг завянет, то опять бутон обнадёживает, а до цвета не доходит. Видно, пирей ползучий все соки высасывает.

Ярко выраженный островок соцветий на альпийской горке хозяин назвал «Медвежьи ушко». Вокруг растет разноцветная и мелкоцветчатая «Опхонция».

— Нет, ты только посмотри, — возмущается садовник, — три дня назад как подрезал верхушки и боковые отростки, а они опять, обгоняя всех, прут вверх без стыда и совести.

— О чём это ты?

— Да всё о них же — «Ценах» и «Тарифах», будь они не ладны! Цвести не цветут, а затрат требуют всё больше и больше.

Это он экономическими терминами обозвал малышу и валерьяну.

— А это что за «фрукт»? — показываю на высокий стебель осота.

— А-а! Это же «Батька», — улыбается мой друг. — Он остался здесь после «бульбы». Крепко, видно, укоренился. На третий срок пошел. Пусть растёт. Он же за границей цветника.

— Да, дружище, надо отдать должное трудам твоим и буйной фантазии. Называя своим любимцам ты даешь не в бровь, а в глаз, соответствующие социально-политической обстановке. Не цветник у тебя, а сплошная цветополитэкономия.

— Чем тебе не нравятся мои названия? — лукаво прищурил глаз, спрашивает и, не ожидая ответа, с напускной обидой зашплет: — Ты в своем саду можешь хоть на каждый и отдельный цветочек этикетки привязывать с ботаническими названиями сортов и все равно не запомнишь...

— Ну, хорошо, хорошо, не сердись. А где же все-таки лирика, поэзия сада?

— Лирики захотел? Пойдем, пройдем к моей любимой клумбе. Полюбуйся: «Веселые ребята», «Губошлемники», «Носопырочки одухотворенные», «Носопырочки расквашенные», «Синекудрые слюнзичики», «Синеглазки похотливые»...

Здесь же я увидел розы и хризантемы. «Интересно, что же он для них придумал?» А он продолжает: «Заделую до смерти» и «Уйди без слез и навсегда»...

Насмотрится вечерних новостей о жизни нашей несуразной, сядет на крылечко, обхватит голову руками, покачается из стороны в сторону, словно просеивая негативную информацию, потом взглянет на цветник, и лицо старика расплывается блаженной улыбкой: его приветствуют легким поклоном бутончиков «Веселые ребята», «Синекудрые губошлемники» и прочая скромная мелочь, далекая от социальных проблем.

Дорогие мои старушки

Лирическая зарисовка

Утро. Автобусная остановка. В ожидании дачного маршрута человек двадцать. Подходит красивый и длинный, как сарай, битком набитый вагон на резиновых колесах. Распахнул все три двери, но в них трудно протолкнуться. И тут раздаётся жалобный стон:

— Граждане, кто сколько может... — публичка напряглась, — пройдите вперед! — Общий смех над шутником поднял настроение. А на переднем сидении древняя старуха все вскакивает, вытягивает шею и оглядывается назад.

— Ты чё, бабка, стоганшь? — это молодой человек, нависший над ней всем телом, держится за верхний поручень.

— Да вот, старик в заднем проходе застрял... Пассажиры опять нетерпимо хохотнули.

Вокруг знакомые добрые лица земляков. Живём в небольшом городке, а видимся, после ухода на пенсию, редко. Взгляд спотынулся... «Сколько лет, сколько зим!» На меня смотрела с доброй улыбкой радости от встречи коллега по прежней работе. С трудом протискиваюсь к ней через лёгкий аромат приятных духов. Пренная смущенная улыбка и лишь птичьи лапки мелких морщинок у глаз выдают возраст. Толпа так плотно прижалась нас друг к другу, а перепрыгивая через «лежачих полицейских», автобус создавал горизонтальные толчки, она шепнула мне на ухо:

— Я, наверное, от тебя рожу.

— Поздно. Надо было думать об этом раньше. Лет этак ...на двадцать. И мы оба рассмеялись, чем, несомненно, привлекли внимание окружающих.

После влиятельных дежурных вопросов «за жизнь» я спросил:

— Скажи, пожалуйста, твои подружки, нынешние старушки, всегда так нарядно собираются на дачи?

— Мы не хотим отдавать на съедение моли свою прежнюю роскошь. Моль не дожидется от нас аплодисментов. Одним словом, донашиваем.

Я смотрю на пассажиров, и создается впечатление — этот автобус везёт группу туристов-пенсионеров на отдых. Все весёлые, возбуждённые, в элегантных брючках с блёстками, откровенных кофточках, модных шляпках, живая память о курортных денёчках во время прежних отпусков, современных кеши-бейсболах, с легким макияжем...

— А мы и есть туристы, — объясняет с улыбкой моя спутница. — Каждое утро спешим на автобус. А вечером, уставшие от «отдыха», едва плетёмся, опять на остановку.

— Труд на даче украшает человека, — подкинул реплику в наш разговор, стоявший впереди мужчины, — до неузнаваемости.

И я вспомнила слова какого-то философа «от земли»: «Если человек владеет землей, земля владеет человеком».

Наше внимание привлекла сидящая в кресле с лукавой улыбкой, явно молодящаяся, дамочка. Работая на пубliku, она громко рассказывала своим соседям:

— Я в субботу оставила внуков детям, сама решила отдохнуть от них — осталась почитать на даче. И что вы думаете? — заинтриговала она невольных слушателей вопросом. — Не могла уснуть... Всю ночь не давала покоя девичий истерический смех. Вышла во двор. Белая ночь. Красота. Тишина. И опять чьи-то смешки со стороны цветущей калины. Обошла тихонько вокруг куста — никого... Приподнимаю ветку, а там!.. Не поверите... тля заливается хохотом до ночки — это ей муравьи своими усиками брюшки щекочут, а тля, не в силах воздержаться, непроизвольно выпускает капельку. Муравьишки-шалуньишки подхватывают капельку — она, видимо, для них деликатес, и несут её в норку, кормить свою мамку, а просторечием её почему-то называют маткой. Показывали её по телевизору. Сама видела — глаза у неё большие, красивые, а потом оказалось, что это была... пчела.

Притихшие, было, с улыбкой слушавшие страшный детективный рассказ пассажирки разразились таким громовым раскатом хохота, что заглушили шум двигателя, а водитель, взглянув в зеркало заднего вида, невольно нажал на педаль тормоза. Публика повалилась то ли от смеха, то ли от толчка автобуса.

— Нет, правда! — не унималась юмористка. — Я слышала, что садовые муравьи уносят своих дойных коровок — тлю на зиму к себе в норки, а весной выносят их на свет божий и сажают на нежные верхушечные листочки кустарников. — Но её лекцию слушали уже в пол-уха. Так и выходили старушки на своих останковках с улыбкой на устах.

— А я перестала сажать картошку, только цветы. Дети говорят: на даче мешка мы заработаем. Оставили грядки под овощи да тепличку. Засеяла я травой небольшой плачok земли — газончик получился. Всю жизнь в работе да в заботах — хлопотах, а теперь в тёплую погоду как хорошо полежать на посевной травке. Сколько в ней красивых побегов и стебельков. Надо только лечь на живот и посмотреть. Вот где отдых душе и телу, — разоткровенничалась старушка.

Подкупает атмосфера общения дачивцев. Из года в год складывалось сообщество огородников-садоводов — наших горожан из различных товариществ, объединённых совместными поездками на общественном транспорте. Многие за эти годы перезнакомились и встречаются, как старые

друзья, уже не по работе, а по увлекательному занятию — возделывание земли. Обмениваются опытом, семенами, саженцами и просто бытовыми радостями, а подчас и горестями. Разговаривают громко, открыто, не таясь, зная, их поймут и не осудят за лишнее, порой и резковато сказанное слово.

Смотрю я на женщин, своих попутчиц, с лаской, любовью и уважением. Все они романтичны, молоды душой и находятся в том великодушном возрасте, когда дети уже выросли, болезни ещё не наступили и есть возможность пожить для себя.

— Что-то я не вижу двендальменов у дачи, — приставил к своей спутнице, — В столичном автобусе мужиков раз, два и обчелся.

— А где вы видели двендальменов с лопатой? — парировала она. — Вымерли мужики, как мамонты. Все пассажиры — вдовы. А кто сохранил мужей — ездят на дачи на своих машинах.

Тут и моя остановка подоспела. Кивком попрощались. По пути к даче я была ещё под впечатлением. Улыбался. Гневался. Рассуждал.

Вот они — мои давние подруги, злые старушки-хохотушки, пенсионёрочки. Жили, работали, рожали и воспитывали детей в северном холодном краю. Дожили до прекрасного возраста, когда можно отдохнуть, заняться любимым делом и не надо спешить на работу. Им ничего не нужно от государства, кроме одного: чтобы цены на продукты не опережали добавки к пенсии. Они прекрасно помнят жизнь матерей, поднявших на своих плечах разрушенную войной страну, и, в сравнении с той эпохой, какой-то там далёкий кризис, о котором кричат московские крикуны, им до лампочки.

Во все времена Россию поднимала с колен русская баба. Не даст она и сейчас в обиду ни детей своих, ни внуков-правнуков. Пока жить можно — будет выращивать на своих грядках цветочки, доведут до ручки — посадит картошку. «Голод пережили — изобилие переживем», — шутят старушки.

Я сочувствую твоей увядающей красоте, самая добрая, трудолюбивая и красивая русская женщина.

НИНА РУКОВА

Родилась 31 июля 1947 года в селе Никсимовле. Более тридцати лет работала журналистом. Бережно сохраняла и изучала традиции и обычаи своего народа. Старается передать уникальные напевы работы с бисером, и технику «ткания по ткачам», шитье с мехом, с рыбьей кожей своим внуком. Увлекается поэзией — много старинных преданий и сказаний переложено ею на стихи. Автор сборники стихов «Коротко и красиво».

Легенда-птица

Раньше ворон белым был,
Крылья сильные носил.
Гордо в небо он взмывал
И простор обозревал.

Но Легенда-птица вдруг
Ворона спросила:
«Ты ответь мне, Вещий друг,
Есть ли в крыльях сила?»

Ворон сразу держком стал:
«Спор наш начинаю,
Полетим вперёдочки,
Крыла не отпуская».

Взвились дружно в облака,
Гром не замечали.
Над просторами тайги
Плавню пролетали.

Ворон молча вдалёк летит,
Воздух рассекает,

А Легенда-птица мстит,
Песни распевает.

Ведрий ворон заспешил —
Почернел от злости.
Свои крылья опустил
И пощады просит.

А Легенда-птица так,
Крыла не опуская,
Нам ту песню принесла...
Умница какая.

Ворон больше не витал,
Но с тех пор от чёрным стал —
Так гласит легенда.

Я хочу быть

Я хочу быть маленькой белынкой,
Чтобы с птицами встречать рассвет.
А ещё хочу быть солнечной тропинкой,
У которой ни конца, ни края нет.
Обернуться маленьким листочком,
Обозрев пространство с высоты.
Всё хотелось на Земле найти такую точку,
Где душа б запласть от красоты.
Отдохнуть, набраться у природы
Мудрости, умения для жизни,
Чтобы видеть и закаты, и восходы,
О которых очень мало знаю я.
Всё спешу вперёд, не замечая
Этой несказанной красоты.
Приглядеться следует, встречая
Птицу, муравья или цветы.

23 мая 2005

Живу, дышу...

Живу, дышу, творю, как все,
И думаю о разном.
Значенье придаю красе,
В разброде с безобразным.

Хотелось, чтоб на всей земле
Не слышно было взрывов.
Рожали б женщины детей
Здоровых и красивых.

Ведь всё зависит лишь от нас,
Природа нам подвластна.
Коль сбережём её сейчас —
Увидят дети «затра».

29 августа 2001

Послесловие к празднику

Отзвучали поздравленья...
Праздничный окончен бег.
И ожить в большом смятении
Старый плачет человек.

Что, печали одолели?
Дети надолго ушли?
Не прикован ты к постели,
Так спешь, дыши, живи!

Не сиди в своей скорлупке,
Сам другим ты помоги.
Радость слышать песен звуки,
Вспоминать былые дни.

Можешь выйти на свободу,
Пообщайся, не злись.
Ведь дана тебе от роду
Замечательная жизнь!

Пусть отступят все печали,
Мчат болезни стороной.
Примечательно, что сами
Гробим мы себя порой.

Брось! Какие наши годы!
Пусть и молодость ушла.
Драгоценная свобода
Человеку так мила!

Октябрь 2001

МАРИНА РУССКАЯ

Родилась 8 января 1959 года. Училась, любила, провела с парашютизм, жила с ощущением счастья. Позже любила всегда, долгие искала себя в творчестве, стихи — разные: о любви, о женском счастье, о Родине, о природе, о Боге.

О тебе

Не перекинуть мне память о тебе
И с облегчением не вздохнуть: «Забывла».
И не сказать наперекор судьбе,
Что это было, было, было!

Ты навсегда останешься со мной,
Как солнышко в ненастную погоду,
Как ветерок в пальмидный зной.
Обретший, неожиданно, свободу.

Пусть ты и я отчаянно молчим,
И то отчаянье зовется болью,
Ты была и есть, и нет таких причин,
Чтоб о тебе не думалось с любовью.

Солнце — первая скрипка

За порогом — зима,
Мир приветственно чуден.
Стаи выют снегири,
Сон капелью разбужен.

От проталин, где был
Снег сугробами собран,
Не ручьи — ручейки
Разбавляют птиц током.
И в свершение земном,
В межсезонии забком
Знаю только одно:
Солнце — первый скрипка.

Вы не смотрите на меня, что нрав мой весел,
Что не пою день ото дня печальных песен,
Что не иду дорогой и, склонивши плечи,
Так просто легче мне, так просто легче.

Вы не смотрите на меня, что я упряма,
Что не люблю я, как огни, цветоч дурмана,
Не выбираю никогда людей по росту,
Нужней так просто мне, нужнее просто.

Моя душа, как океан,
Ей нет границ и нет предела.
Неведом мне души изъян,
Она бы только страстно пела.

Она бы плакала, страдала
За все обиды, что несусь.
Одна она лишь только знала,
Что стих до неба вознесусь.

Я мудрости не нахожу в произведении измены
И ставлю крепкий крест на тех, кто предает,
Кто уготовил загоды смешную роль вербены.

Уйдя за «ведьмин круг». Хоть знаю наперед,
Что буду умирать, заминая рану.
Не проклянуть, а верить в святость чувств
И не давать брать верх подлейшему обману.

Не будет сил, но с побелевших уст
Не вскинутся и не слетит в порыве
Слова обидные, которых горше нет.
И, как бы ни хотелось при разрыве
Сказать: «Постой! Не уходи...» — послед.

Россия-мать, запутавшее слово
Ты подари тому, кто волею привычки
Тебя покинул, не найдя иного
Пути среди отеческих руин.

Дай силы тем, кто предан оказался,
Но край родной без памяти любя,
Все ж верен Родине остался,
Одной дорогой с ней идя.

И вразуми. Своей святой любовью
Ты горестные души обогрей
И помоги бороться с тяжелой болью.
По ветру силы темные развей!

Полет твоей души был искренним и нежным,
Едва коснулся он души моей,
Судьба наполнила дыханьем вешним...
И нет желания перечить ей.

По каким бы дорогам ни шла,
Из подаренной жизнью в наследство

Всех дорожке дорога добра,
А начало ее — мое сердце.

Моей любви не установлен срок,
И в унисон дыханию
Она с рождения по мне живет,
Являясь жизненным призывом.

Росы проснулись на травах,
Запах медвяной окрест,
Боль улеглась в моих ранах
На тысячу будущих лет.

Что со мной? Что же случилось?
Я как блаженная стала,
Сердце с полненьем забилося,
Лет моих прожито мало.

И невдомек мне, что счастье
В двери ко мне постучало,
Прочь отодвинув венастье.
Жизнь началась все сначала.

ВЯЧЕСЛАВ СМОЛЕНСКИЙ

Родился в 1952 году, в городе Северо-Енисейске Красноярского края, вырос в детском доме на Смоленщине. Автор книг «Шантажист», «Путевка в Сибирь», «Осенний одуванчик», «Сиреневый дуэт», «Дороги к себе». Краткие и динамичные сюжеты рассказов заставляют читателей сопереживать, смеяться, размышлять.

Лом

Миша Фрейнк имел одну-единственную слабость — очень любил рассказывать анекдоты, особенно про евреев, хотя сам, по собственному же утверждению, являлся «натуральной чистокровкой».

Он был добропорядочным гражданином: отличался усердием в труде, вел положительный образ жизни и исправно платил налоги.

К двадцати четырём годам кое-чего добился: с отличием окончил сельскохозяйственный техникум по специальности «Экономика и бухгалтерский учёт».

Он уже четыре года успешно трудился бухгалтером в городской конторе под благозвучным названием «Водоканал», о чём свидетельствовала огромных размеров непрезентабельная надпись, выполненная от руки масляной краской синего цвета на глухом высоченном заборе из бетонных плит. Работал он на участке спецводоочистки, говоря проще — на очистных сооружениях. Появлялся на службу к восьми, уходил ровно в семнадцать часов. И так изо дня в день.

Со своими профессиональными обязанностями Миша справлялся играючи. Зарплата хоть и маленькая, его, человека холостого, вполне устраивала: во всяком случае пока... Денег ему хватало настолько, что он умудрился купить двухкомнатную квартиру в новом кирпичном доме, что по Речному переулку.

До работы он всегда добирался пешком, считая прогулки на свежем воздухе полезной, необходимой для организма процедурой, причем, до «Водоканала» общественный транспорт всё равно не ходил.

На уже годами испытанный маршрут у него уходило ровно пятнадцать минут спокойной, размеренной ходьбы.

Случилось непредвиденное. Сегодня, впервые за четыре года, без всякой на то причины, он проспал. Часы на стене вместо запрограммированных шести ночь-ночь показывали ровно семь.

Миша серьёзно огорчился. Время, отведённое на принятие душа, чистку зубов и утренний кофе, придётся сокращать наполовину.

Миша не умел и не любил торопиться. Не желал отказывать себе даже в мелочах, а уж в удовольствии и подавно. А тут — форс-мажор — время встать идти не заставишь. Отменяются успешные сборы и прогулочный шаг.

Взглянув ещё раз на часы, вздохнул, почесал растрёпанную после сна макушку и побрёл в ванную.

На доме уже повсюду кипела работа.

Невыспавшийся хозяин торопил строителей:

— Ребятки, шевелитесь, прошу вас. К обеду надо успеть: синоптики обещают осадки.

Собственно, дождь и не прекращался, но назвать его дождём трудно — что-то вроде мелкой, досадной мороси монотонно орошало землю с раннего утра.

Половину крыши успели перекрыть ещё вчера. Сегодня предстояло завершить начатое. Хозяин прав: если не дай бог хлынет настоящий дождь, то никаким целлофаном дом не спасёшь — вода, как сквозь решето, просочится внутрь, погубит потолочное перекрытие и внутреннюю отделку.

Выйдя на улицу, Миша посетовал, что не прихватил зонт, однако возвращаться не стал — плохая примета. Подняв воротник куртки, он, вжав голову в плечи, стал подниматься в гору по улице Фомина. Он её терпеть не мог: узкая, с плохо устроенными, ленившимися вплотную к завалинкам тротуарам, с собаками, обливавшими прохожего из-под каждой подворотни, а крыши старых, ещё довоенных домиков нависают так низко: того и гляди, зацепишь головой иную — не улица, а чёрт-те что!

Обычно он выходил из подъезда минут за двадцать до начала работы, в крайнем случае, без четверти восемь. Этого времени с лихвой хватало на то, чтобы, пройдя триста метров по Речному переулку, свернуть на 3-ю Курскую, подняться вверх, до светофора, перейти на зелёный свет улице имени 5-го Августа. А там — уже по Магазиной — благополучно дойти до тупика, где базировался «Водожанал». Сегодня обстоятельства вынудили идти по улице Фомина.

Он не слыл занятым педантом, но позволить себе опоздание на службу не мог.

Досадовал и злился на себя, потому как знал на примерах из классической литературы, что стоит один раз изменить своим привычкам, как это попустительство может войти в норму и привести к необратимым последствиям. Он верил в предрассудки и опасался их.

Бригадир с помощью лома аккуратно оторвал шиферный лист от обрешётки. Оставалось снять последний ряд. Пристроив лом на верхний от козырка асбестоцементный лист, обвязал верёвкой бёушный и стал осторожно опускать его вниз, на руки стоящих на земле помощников.

То ли от ветра, то ли от неловкого движения бригадира лом слегка качнулся.

Миша дошёл до дома, стоящего на пресечении улиц Фомина и 5-го Августа. Попытался с ходу перейти дорогу, да не тут-то было. Час-пик: магистраль загружена до предела. Водители пронеслись мимо с бешеной скоростью, игнорируя знак «Пешеходный переход». Оставалось одно: ждать, когда в интенсивном движении появится просвет с десятков метров и, рискуя жизнью, перебежать на противоположную сторону.

Лом качнулся, медленно свалился в ложбинку шиферного листа и, издавая неприятный скрежет, набирая скорость, заскользил вниз по желобу.

Миша предпринял несколько попыток перебежать проезжую часть, но его постигла неудача. В последний раз здоровенный грузовик окатила его грязной водой с головы до ног. Чертыхнувшись, Миша отскочил назад, к углу дома.

И в этот миг лом, оторвавшись от крыши, пролетев по воздуху метр неотвязного пути, острым концом своим ударил Мишу в висок.

*7 апреля 2009
г. Югорск*

Друзья

Стас был человеком чистоплотным — любил себя любимого.

Нынешней зимой в номерах, вестибюлях и коридорах санатория «Белокуриха» стояла небывалая теплынь, и Стас, как мужчина не то чтобы полный, но склонный к полноте, чувствовал себя белым медведем на Южном полюсе.

Именно по этой тривиальной причине, спустя два дня после своего пребывания на курорте, решил устроить лёгкую постирушку. Две хлопчатобумажные футболки плюс некоторые, скажем так, личные предметы мужского туалета отправлялись на балкон, на сушилку-гармошку.

С чувством исполненного долга Станислав закурил и, наслаждаясь сказочной красотой аатайского утра, залюбовался полупрозрачными облаками, которые, сбившись в весёлую стайку, кружились над призрачно-сонным хребтом. Почти невесомые, они едва касались крутых полузаснеженных склонов. Их прикосновения к каменным легендам казались Стасу нежными поделунами женских губ, томных и кокетливых. Но вот из-за горы Круглой выплыло солнце — испустило ослепительным пожаром и мгновенно растопило зыбкий мираж.

Станислав приставил ладони ко лбу и переключил своё внимание на красавца голубя, парящего у подножья горы.

— Лети ко мне! — позвал его Стас. — Лети, не бойся...

Птица словно услышала его зов: резко взмыла вверх и, грациозно спланировав, опустилась на поручень балкона; сложила изгибные крылышки и уставилась на Станислава маленькими смущёнными глазками.

— Ах, ты моя ушница, ах, ты моя славная! Сейчас я тебя накормлю...сейчас, сейчас...

Зайдя в комнату, Стас вынул из пакета утреннюю булочку и, возвратившись на балкон, осторожно, стараясь не спугнуть голубку (он почему-то был убеждён, что прилетела к нему именно голубка), стал крошить хлеб прямо на кафельный пол.

Гостья, как ни странно, не проявила к вкусно пахнущей сдобе должного интереса, наоборот, казалось, проигнорировала угощение — камнем ушла к земле и скрылась из глаз.

— Чудачка, — покачал плечами Станислав.

Он явно поторопился с выводом: спустя минуту-другую голубка вернулась, но уже в компании трёх сизокрылых собратьев.

— Однако... — теперь уже Стас удивился благородному поступку смущённой птицы.

— Ладно, ещё. Не стану вам мешать. Мне и самому пора подкрепиться, — сказал и пошёл в столовую.

После обеда, следуя многолетнему ритуалу, он вышел на балкон покурить и столкнулся с незадачей: всё бельё, подобно искрищемуся на солнце бисеру, было усеяно капелюшками птичьего помёта.

Станислав вздохнул, покачал головой, снисходительно улыбнулся. Он ни капельки не обиделся на пернатых друзей. Снял испачканное бельё и с помощью спирального порошка повторил несложную в общем-то процедуру.

Вешая на сушилку выхлопсканные вещи, подумал: «Хорошо, что голуби не люди: от модской грязи отмыться нуда как труднее».

9 декабря 2008

А. Белоглизова

Урок анатомии

Однофамильцев в нашем классе было всего двое: Иванов Виктор Тимофеевич и Иванов Виктор Павлович. Кроме одинаковых фамилий и имен, оба имели неважное зрение и, как подобает в таких случаях, с первого класса сидели на первой парте, вблизи доски. В остальном же — являли собой полную противоположность. Виктор, он же Тимофеевич — худощавый, тёмноволосый и вертячий. Виктор Павлович — напротив: плотный, белобрысый, медлительный. Если первый всё схватывал на лету и мгновенно реагировал на ситуацию, то другому требовалось определённое время для переваривания информации.

Для удобства, с подачи Тамары Степановны — а именно ей принадлежало авторство обращения к однофамильцам, — педагоги стали величать их по инициалам: В.Т. и В.П. Выглядело это примерно так: «Отвечать пойдёт... — здесь учитель делал паузу, и Ивановы напрягались невероятно: один начинал нервничать, дёргаться и слезить на стуле, а другой втигивал голову в плечи и застывал, закрыв глаза, молил мысленно: «Лишь бы не меня, лишь бы не меня...», — отвечать пойдёт... В.Т.».

Тамара Степановна — интеллигентнейшая женщина! Наблюдать за ней — одно удовольствие. Стройная фигура, высокая грудь, чистое лицо, не лишённое привлекательности, и умные серые глаза, и довершение ко всему она обладала необычайно мелодичным голосом. Кстати, в отличие от большинства коллег, не зачесывала себя в традиционную пару-футляр из дешёвой, незачёвной ткани — предпочитала облегающие юбки всевозможных цветов и белые блузки, кои, похоже, в её гардеробе имелось множество. Под обиходом очередной сахарно-белой кофты всегда находился миниатюрный носовой платочек. В минуты надобности Тамара Степановна изящным движением тонких пальчиков вынимала его, подносила к губам, носу или ко лбу и аккуратно, едва прикасаясь, промакивала им участок кожи, вызвавший дискомфорт.

Восхитительно! Премесь, а не женщина! И ещё: как все нормальные люди, она время от времени утомлялась, случалось, недосыпала, или же простуживалась, но никогда не чихала, не терла глаза, не зевала. «Так не

бывает!» — усомнитесь вы. И будете правы. Не бывает со всеми прочими. Тамара Степановна же боролась с внешними раздражителями своим, изобретённым ею способом. Как? Да очень просто. Скажем, подступала зевота и открытие рта было неизбежно, но вместо того, чтобы тривиально прикрыть рот ладонью или воспользоваться платком, она напирала носик, прикусывала зубками нижнюю губу и подавала приступ. Со стороны это выглядело забавно, но не более того. Изумительная женщина!

Собранный и строгая, она никогда не повышала голос на учеников, не была запямятливой и оценки ученикам ставила только по заслугам.

Преподавала она зоологию и анатомию, однако, в случае необходимости, легко подменяла заболевшего химика или ушедшего в отпуск физика.

В тот памятный день и был дежурным, а следовательно, отвечал за санитарное состояние в классе, за наличие мела и влажной тряпки на доске.

Тамара Степановна, как всегда, стремительно вошла в аудиторию. Мгновенно погасила тишина.

— Добрый день! Садитесь, пожалуйста!

Все сел.

— Итак, сегодня нам предстоит закрепить пройденный материал, — сказала Тамара Степановна. — Проверим, хорошо ли вы усвоили тему. Кто дежурный?

Я встал.

— Будьте любезны, Славин, принесите наглядное пособие.

Я прошёл в дальний угол класса, где за пыльным шкафом, дожидаясь своего часа, в одиночестве пылился пластмассовый макет скелета. Взяв его за шейные позвонки, я осторожно поставил его справа от доски. И только тут заметил, что несчастный сжимает челюстями окурок «Беломорканала».

Класс дружно приснул.

Тамара Степановна с выражением жеманного спокойствия на лице дождалась, пока ребята успокоятся, попросила:

— Славин, освободите пособие от никотиновой зависимости и садитесь на своё место.

Я выкинул окурок в корзину для мусора, сел.

— Итак, отвечать пойдёт... — Тамара Степановна привычно выдержала sacramентальную паузу... — В.П.

— Кто, я? — глуховато переспросил Иван.

— Я же ясно выразилась — В.П.

Виктор Павлович выразительно посмотрел на Виктора Тимофеевича. Встретившись с его ехидной улыбкой, погрозил кулаком и обречённой походкой пошёл к доске.

— Смелее, В.П., смелее, — подбодрила его Тамара Степановна. — А вы, В.Т., прекратите скарлиться, иначе будете следуюющим! Вольните указку, Виктор Павлович, и доложите нам, что вы знаете о строении человека.

В.П. растерянно почесал затылок.

— Ну же, Иванов, — поторошила учительница, — рассказывайте...

Вооружившись указкой, Виктор постучал ею по отполированному черепу скелета:

— Это — голова...

— Вы хотели сказать, что это череп, — сдерживая улыбку, мягко поправила ученика Тамара Степановна.

— Ну да, в смысле, череп, — согласился Иванов. — А это — руки, — указка медленно заскользила вниз, — а это ноги. — Иванов с облегчением вздохнул, словно сбросил с плеч тяжёлый воз познаний.

— Дальше, дальше, — напирала учительница.

— Всё.

— Как всё?! — окешила Тамара Степановна, однако тут же справилась с удивлением. — Значит, по-вашему, получается, что у человека имеются только голова, руки и ноги? А куда же подевалось всё остальное? Скажем, тот же позвоночник?

Учащиеся ждали развязки. Самые невыдержанные уже хватались за животы, другие же, на всякий случай, зажимали рты руками. Но подавить произвольные смешки удавалось не всем.

— Прекратить! — призывала класс к порядку Тамара Степановна. — В.П., продолжайте...

— Ну, рёбра ещё есть...

— Рёбра?

— Угу.

— А вместе рёбра образуют...

До Иванова не доходило.

— Образуют...

Виктор Павлович пожал плечами, чем вызвал шквал хохота.

— Покажите, — всё ещё сдерживалась Тамара Степановна, — где у человека находится грудная клетка, где — тазобедренная кость.

— Не знаю, — промолвила незадачливый ученик, явно сбитый с толку смехом одноклассников.

Своим ответом он словно подлил масла в огонь: безудержный гогот эхом прокатился по помещению.

Тамара Степановна встала, резко повернула голову в сторону класса. Её жёсткий, негодующий взгляд возымел должную реакцию: наступила гробовая тишина.

Впервые я видел свою любимую учительницу в таком раздражительном состоянии — доконал-таки её Иванов, вышел из себя окончательно.

— Значит, не знаешь? — она подошла к парню вплотную. — Тогда смотри и запомни!

Тамара Степановна поднесла руки к своей груди и, ладонями, резко приподняла их вверх:

— Вот это — грудная клетка, а это, — она хлопнула себя изящными ручками по красивому задку, — тазобедренная кость! Понял?

В.П. онемел от изумления.

— Понял, я спрашиваю?

— П-п-п-понял.

— Ну, слава богу! Садись — три.

6 ноября 2008

Л. Юторск

Спиркодел

Служебная «Волга» легко шуршала по сухому, играющему солнечными бликами асфальту. Одна за другой проплывали мимо деревеньки. Крохотные, неказистые домики, утопая в белой кипении садов, выглядели нарядно. Наступал тот самый перелом в природе — редкая по своей красоте пора на Смоленщине, когда каждый кустик дышит, каждая былинка к свету тянется. Яркая, с шумными и частыми дождями весна, вволю искупавшись в черёмуховых омутах и сиреневых кустах, расплескав свой жизнеутверждающий нектар на лепестки яблонь и вишен, уходила весело и звонко, уступая дорогу молодому ласковому лету.

Збруев опустил ветровое стекло, и в салон ворвался горячий поток воздуха, дурманящий, пахнущий свежей зеленью.

— Разрешите закурить, товарищ подполковник, — обратился к нему молоденький сержант-водитель.

— Кури, — снисходительно махнул рукой Михаил Сергеевич. Он неохотно оторвал взгляд от окна и стал с нескрываемым интересом наблюдать, как мучился сержант, тщетно пытаясь прикурить. Спички противно шипели, запаливая салон едким запахом серы, но загораться ничем не желали.

— Отсырели, что ль? — посочувствовал подполковник и протянул парню зажигалку.

— Да шут их знает! — ответил сержант, наконец прикурив. — Нытые кругом хахтуру гонят! И спички не исключение, даром что семьдесят рублей стоят!

- Позволь поодобостветствовать...
- Держите, — сервант протянул подполковнику коробок.
- «Росдрев», — прочитал Збруев на этикетке и усмехнулся чему-то. —

Насчёт халтуры ты, парень, правильно подметил. Только не сегодня она родилась. Халтура, смею утверждать, — это наше российское «изобретение», можно сказать, национальное достояние, передающееся по наследству от поколения к поколению. Вот тебе пример. Как-то после тяжёлого ранения отсаживался я в санатории, в Гаграх. Сосед по комнате достался мне важный — персональный пенсионер: седой как мушкетёр, на груди — иконостас, подобный маршальскому: орденов... хоть на спину вешай! В прошлом — директор известной спичечной фабрики. Стрыкин, помнится, его фамилия. Как-то, под водочку, повятное дело, он разоткровенничался: рассказал, как однажды мог головы лишиться, в буквальном смысле, чуть не погорел на спирках своих. Слышишь?

— Слышу, слышу, товарищ подполковник! Я байки люблю.

— Это не байка, сынок, а самая настоящая быль, и скоро ты поймёшь почему. Так вот, случилась эта история перед самой Великой Отечественной войной. Работал Стрыкин не покладая рук: себя не жалел и коллективу воздуха не давал. Предприятие передовое. План гнали без сбоя. Работники стабильно получали премии. Словом, слава, почёт, переходящее Красное знамя и прочая, и прочая... И вдруг, ни с того ни с сего, вызывают товарища Стрыкина в Москву, в Кремль. Струхнул тогда «спичкодел» порядком. Слыханное ли дело: к самому приглашают! Ничего хорошего от подобных приглашений в ту пору не ждали. Вот и Стрыкин штаны намочил, да делать нечего — явился пред светлые очи.

Промурывал его Покрёбышев в приёмной часов пять кряду. То ли метода такая практиковалась для «созревания» приглашённого, то ли случайно попалось — неизвестно. Однако Стрыкин к тому часу напоминал оттаявший холодец. Когда же двери кабинета перед ним распахнулись — ноги ватными сделались. Застыл на пороге, слова вымолвить не может.

Иосиф Виссарионович сидит себе за письменным столом и никакого внимания на товарища Стрыкина не обращает, будто и нет того вовсе.

— Здравствуйте, товарищ Сталин! — собрав остатки мужества, поздоровался с вождем Стрыкин.

Ноль эмоций: молчит Сталин.

Совсем растерялся спичкодел: как поступить — не знает.

Постоял, попереминался с ноги на ногу и решимся сделал несколько робких шажков в направлении письменного стола.

Сталин на его манёвр никак не отреагировал, только от бумаг оторвался. Раскрывает коробку с «Герцеговиной Флор», ломает папироски и табаком

от них не спеша набивает трубку. Потом берёт спичечный коробок, пытается прикурить: чирк, а спичка не загорается. Берёт следующую — чирк: результат тот же. Как ни старается вондь, как ни приспосабливается — не загорается окунаемые: целая поленица из испорченных спичек и хрустальной пчельнице выросла!

У Стрыкина душа в пятки ушла. Понял директор причину впадения.

А Иосиф Виссарионович зная чиркает спичками и присутствие в кабинете товарища Стрыкина игнорирует.

— Разрешите идти, товарищ Сталин?

Тут только поднял вондь на спичкодела свои грозные очи.

— Иди, дарагой. Иди пока...

Взгляд этот запомнил Стрыкин на всю оставшуюся жизнь. Даже после смерти Сталина лично проверял на выходе качество продукции: убеждался, горят его спички или не горят. Случалось, целыми партиями отбраковывал.

А ты товарищ, байки...

7 мая 1997
г. Дзержинск

Сковорода

Феса Фёдоровна Пшеничная работала заводотделом в нашем горкоме партии. Волевым была женщиной, если не сказать — крутая. Но справедливая.

Особой красотой бог её не отметил, однако надела массой других, не менее ценных, достоинств.

С лица воду не пить, гласит народная мудрость, да речь, собственно, пойдёт не о красоте. Рассказ наш о непреклонности Фесы Фёдоровны, о недоступности, ставшей притчей во языцех; о чересчур высокой требовательности к мужчинам, точнее, к претендентам на её девическую невинность.

Понятно, что ответственная партийная работа, связанная с постоянными разъездами по району, оказывала негативное влияние на личную жизнь, являлась, пожалуй, единственной причиной неслыханной её категоричности и разборчивости.

Без всякого преувеличения, лучшие, цветущие годы свои принесла она в жертву служению обществу и социалистическому строю. Сначала комсомолу отдалась безоглядно, потом по партийной линии пошла — выделяла с ещё большей энергией и стопроцентной самоотдачей.

Пишу об этом без какой бы то ни было иронии: были такие партийцы, были! Это о них говорят: «На дураках воду возят». Только данная поговорка не имела

к Фесе Фёдоровне никакого отношения. Идеалы полностью соответствовали её духу и воспитанию. У неё просто не оставалось времени на всякого рода пивакигуляки. Корпоративные же сборища она отвергала принципиально. Своями она с себя хотя бы малую часть партийной амуниции, глядишь, и повезло бы: встретила бы если не принца, то, по крайней мере, нормального, адекватного мужика.

У Фесы Фёдоровны была одна-единственная подруга Варвара Ветошкина — абсолютная ей противоположность. Варька удачно соединяла полезное с приятным и наоборот: днём добросовестно исполняла роль секретари директора леспромпхоза, а ночью, ещё более ревностно, — роль любовницы. Молна утверждала, что баловала она «вниманием» не только своего руководителя.

Трудно сказать, что объединяло две столь разные натуры, но подругами они были на редкость хорошими. И ещё: обе разменяли тридцатник, однако замуж не спешили. Одну устраивало все, другую не устраивал никто.

И вдруг Ветошкина всерьёз озаботилась судьбой подруги.

— Федь, — обратилась она с просьбой к очередному обожателю, шофёру из автотранспортного предприятия, — ты бы привёл кого-нибудь из знакомых для Фесы. Посидит часок-другой за бутылочкой, глядишь, и сладится у подруги, а то всё одна да одна.

— А что, — с пониманием откликнулся на просьбу Фёдор, — можно попробовать. К нам недавно отличный мужик устроился механиком по выпуску. Холостой, с высшим образованием...

— Это хорошо, что образованный! — обрадовалась Варька. — Феска жутко начитанная, и твой механик, если не прещь, может ей пригильнуться. Не размазай?

— Обижаеть! На Кольку бабы, как мухи на говно, ливнут!

— Действуй!

Феса Фёдоровна от подругиной затеи в восторге не пришла, но отказываться от смотрини не стала. Подумала: «Чем и рискую? Не понравится — коленкой под зад, и вся любовь!»

И вот в один из субботних вечеров на квартиру к Пшеничной заявила весёлая компания.

— Где будет пир? — от порога заинтересовался механик, вручая не ожидавшей подобного напора хозяйке сумку со спиртным. — Думаю, лучше устроиться на кухне, — предложил он. — Кухня располагает к душевному разговору, раскрепощает и всякое такое. Не возражаете?

И, не дождавшись согласия хозяйки, отрекомендовался:

— Меня Николаем зовут, а вас?

— Феса, — ответила Пшеничная, зардевшись под смелым взглядом коммуникабельного механика.

— Редкое имя. Значит, на кухне? Хорошо! Где у нас кухни? Ага... Фёдор, пошли осваивать территорию!

Мужчины проследовали на кухню, а Варвара озорно толкнула подругу в бок, подмигнула.

— Как он тебе?

— Не знаю, — пожала плечами Феса.

Посидели замечательно: вынули бутылку водки и литр молдавского вина.

Механик оказался забавным малым. С первой минуты завладел инициативой: успевал следить за содержимым рюмок, проносить тосты, ухаживать за дамами и без конца травил фирменные, но не переходящие рамки приличия анекдоты, шутил к месту.

Довольно скоро всем — и Варваре с Фёдором, и Фесе — показалось, будто Николай давно ихок и этот дом, и как это их компания без него обходилась прежде, непонятно.

Механик произвёл хорошее впечатление и, похоже, понравился Фесе Фёдоровне. Ледок реки под названием «Неприступность» стал потрескивать и подтаивать.

Без пяти двенадцать Варвара сообразила, что самое время оставить подругу наедине с Николаем, и подмигнула Фёдору. Тот быстро смекнул, что к чему, и выдал по простоте душевной:

— Прошу меня извинить, пора, — сказал он, поднимаясь, — обещаю матери дровец наколоть...

— Федь, ты никак с ума спятил! Кто ж червяк дрова колет?! — Варька озорно шлепнула приятеля по вихристой макушке. — Лучше уж меня до дома проводи, дровосек!

Механик тоже засобирался.

— Нет-нет, Кошенька, а ты оставайся, — Варя положила руки на его широкие плечи, усадила обратно. — Должен же кто-то помочь хозяйке со стола прибрать, посуду помыть.

Возникла некоторая неловкость, но сообразительный механик тут же её сгладил:

— Берёте меня в помощники, Феса Фёдоровна? — весело так, непринуждённо спросил.

— Беру! — подыграла ему хозяйка. Феса не умела кокетничать, но лёгкой румянцем на щеках говорил — она не прочь продолжать знакомство. То ли вино благотворно действовало, то ли и впрямь решила, что этот разбитной, пышущий здоровьем балагур, похоже, её шанс.

С посудой управились в два счёта.

Помощник отправился на балкон покурить, Феса же дождалась спороду,

Задумавшись, всё тёрла и тёрла давно уже отмиравшую серебряным блеском сковороду, украдкой поглядывая на Николая, который, как заведённый, ходил туда-сюда по балкону, сосредоточенно дымя папиросой.

«Надо же, — подумала Феса, — волнуется».

Ошибалась Пшеничная: не волновался механик вовсе, а строил тактический план штурма неприступной цитадели целомудрия. Решившись, затушила папиросу и, тщательно приотворив балконную дверь, приблизился.

Его глаза, словно пылающие факелы, обладали её огнём желаний. Феса инстинктивно ощутила рядом мужскую силу — затрепетала, но отвернулась, дабы не выдать своего состояния. Прежняя Феса всё ещё сопротивлялась, а новая — уже шла навстречу, готовая быть слабой, облаканной, желанной.

Опирюбила её сзади за плечи, притянул к себе и, обдавая горячим дыханием, зашептал в самое ушко, страстно, неподражаемо:

— Фесочка, вы такая красивая, такая обворожительная! Не придуманы ещё слова, чтобы выразить восхищение вами! Вы — подснежник! Вы — ангел! Вы...

Пшеничной отродясь не доводилось слышать в свой адрес подобные комплименты. Она расслабилась, закрыла глаза. Мелкая судорожная дрожь, подобно репной реакции, волной истомы обладала отвыкшее от близости тело.

Механик же решил, что плод созрел и самое время насладиться его спелостью. Ласковыми, неспешными движениями, едва касаясь подушками пылающей чистой, пахнущей ромашковым полем кожи, ласкал её плечи, шею, трогал горячими губами мочку уха. И вдруг резко бросил руки вниз, на её груди — по формам действительно напоминавшие перезрелые персики, — и стал их тискать. Не трогать нельзя, не гладить любовно, а именно тискать — грубо, по-хамски, «по-рабочекрестьянски», как любила говаривать Варвара.

— Прекратите! — пришла в себя Феса Федоровна.

— Да брось ломаться, Феса, ты же не девочка!

— Именно потому, что не девочка, не позволю себя лопать!

Не успел механик моргнуть глазом, как чугунная сковорода опустилась ему на голову. Он рухнул на пол и впал в беспамятство. Несколько минут лежал неподвижно, весьма близко напоминая поверженного сказочного богатыря в ожидании «живой» воды. Не дождался. Кое-как оклемавшись, молча ретировался к выходу, держа за уши блезнистую голову.

— Вам плохо, Николай? — голосом заботливой сиделки заинтересовалась Феса Федоровна.

— Хорошо мне, хорошо! — морщась от боли, огрызнулся механик и открыл входную дверь.

— Куда же вы, Коленка? — искренне спросила «гостеприимная» хозяйка. — Вы же говорили, что я красивая, что я ангел...

Механик, морщась от боли, пожевал раненой головой.
— Дура ты, Феска, хоть и партийная!

10 октября 2001
г. Югорск

Канкан для фортуны

*Жизнь интеллигентной души
всегда мучительна.*

Ю.М.Асман

Фортуна капризна и непостоянна куда больше, чем женщина. Если воспринимать её как счастливую случайность, не питая надежд на постоянное везение, то, пожалуй, можно принять её за данность и поверить в судьбу. Однако следует помнить, что сидит-то она на шаре да, в придачу ко всему, — с повязкой на глазах.

Никогда не спорьте с везунчиками — бессмысленно.

Если человек уверен, что ему повезло, значит, так и есть.

Убеждённость приходит вследствие анализа или расчётов, с опытом или с шипками, набитыми от совершенных ошибок. Из убеждённости вырастает вера. Да! Да! Да!

Мы с вами сто раз правы!

Но нам-то уже «...дурать» или даже с приличным хвостиком.

А Сергею в феврале исполнилось всего двадцать четыре года. В таком возрасте принято мететь по ветру, говорит, даже разочаровываться полезно. Лично я склонен согласиться с мнением людей и не из-за правоты их суждений, а оттого, что, на мой взгляд, с разного рода разочарованными всё-таки лучше встречаться в самом начале жизненного пути — иначе никогда не стать оптимистом.

Они встретились в обкоме комсомола: столкнулись нос к носу в дверях кабинета второго секретаря.

— Извините, — сказал он и застыл на месте, словно его пригвоздили к полу.

— Ничего страшного. Бывает, — улыбнулась она. — Вы позвольте мне пройти?

— Да, да, пожалуйста... — он сделал шаг назад и долго ещё завороченно смотрел ей вслед, а она гордо несла себя по бордовому обкомовскому ковру: не играла на публику, а именно несла, поскольку была стройна, красива и одета с иголочки.

Дела было всего на пару минут, но проторчал у секретаря больше часа, выслушивая его бесконечные и скучные разговоры по телефону. Разозлился. А когда он занялся — ему всегда хотелось есть. Пришлось спуститься в подвал. Именно там размещалась обкомовская столовая: единственное место в городе, где можно поесть и дёшево, и сердито.

Рассчитавшись, стал искать глазами свободный столик — любил есть в одиночестве: за неспешным обедом хорошо думается, можно совместить полезное с приятным.

«Ага, кажется, в углу стол не занят».

Пройди половину пути, он увидел её. И застыл, как давеча в приёмной у «второго».

— Садитесь! — приказала она вполголоса.

— Это вы мне? — задал он глухой вопрос и покраснел от счастья.

— Вам, кому же ещё, — проворчала девушка, но уже миролюбиво, — если и вам нравлюсь, это ещё не повод изображать из себя статую: мы не в музее, я — не экспонат.

— Извините, — смутился Сергей, ставя поднос на стол.

— Давайте без церемоний! Вас как зовут?

— Сергей.

— Меня — Аля, Алевтина Юрьевна.

— Хорошо, — сказал он как-то ни к месту и невпопад.

— Что хорошо? — не поняла Алевтина, упрекнув в него вопросительный взгляд.

— Хорошо, что вас зовут Алевтина, — выпалил он на одном дыхании.

— Да? А если бы меня звали иначе, скажем, Ирина, было бы плохо? — связывала девушка.

— Не знаю, — растерялся он.

— Странный ты какой-то, — она вытерла салфеткой губы, отодвинула тарелку с супом, улыбнулась. — Да ты ешь, ешь...

— Спасибо, я ем, — Сергей с явной неохотой отправил в рот ложку горохового супа: аппетита как ни бывало, но пришли спокойствие и уверенность. — Я бы хотел увидеть тебя снова...

— Оригиналы! — она откинулась на спинку стула, рассмеялась. — Мы же ещё не расстались...

— Ну и что с того, — сказал он упрямо.

— А если я не соглашусь?

— На что?

— На встречу.

— Я буду извиняться.

— Ладно. Где, когда?

— Сегодня, в 20.00 у кинотеатра «Современник».

— Сегодня не получится! — сказала она весело, явно заинтригованная его нестандартным поведением.

— Почему?

— Я уезжаю.

— Куда?

— Домой, в деревню.

— В деревню? — удивился он.

— Что, разочаровала?

— Да нет... — замкнулся Сергей, — просто придётся отложить встречу на завтра...

— Я так и знала: на завтра означает навсегда! — сказала она с досадой. — Вот так всегда: показался человек оригиналом, а на деле — очередной слабак. Чуть что — в кусты.

— Я не очередной! И не слабак! — Сергей слегка обиделся. — Сегодня у меня дела в городе, а завтра... завтра — пятница, и я смогу спокойно приехать в... — где ты живёшь?

— В Вяземском районе, в деревне Петровки.

— Петровки так Петровки! — Сергей слегка пристукинул ребром ладони по столу. Его жест походил на проявление решительности, и Алентина поверила: этот действительно приедет. — А чем ты занимаешься в своих Петровках?

— Работаю учителем: преподаю в начальных классах, а ты?

— На строительстве работаю — начальником штаба. Стройка наша Всесоюзная ударная комсомольская!

— Наслышана. Значит, комсомой заправляешь. А профессия у тебя есть, комсомолец?

— А как же! — не без гордости ответил Сергей, пропустив мимо ушей её иронию. — Инженерно-строительный институт окончил!

— Вот и познакомимся, — Алентина поднялась. — Ты извини, мне пора. Если серьёзно то, о чём ты говорил... — словом, доберёшься на электричке до Визьмы, а там тебя встретят. Как твоя фамилия?

— Шацкий я, Сергей Константинович...

Гостиничная койка под Сергеем веда себя вызывающе: стонала, плакала, издавала противные скрипучие звуки.

Надоело!

Встал. Включил настольную лампу. Закурил. Уселся в потёртое кресло. Задумался: «А ведь повезло! Обласкала, можно сказать, фортуна! Нежданно-негаданно — как в сказке всё произошло! Могла и отплыть. Но ведь не отплыла. Значит, и у неё что-то внутри шевельнулось. Решено — еду!»

Затушила сигарету. Лёт. И уснул мгновенно.

Визьма встретила его сухим двадцатиградусным морозцем.

На пустынной площади перед вокзалом одиноко маячила чёрная «Волга».

Не успел Сергей сделать несколько шагов вниз, по ступенькам крыльца, как из машины выскочил водитель, рыжий высокий парень, и поспешил навстречу, радушно улыбаясь.

— Вы Шацкий?

— Да.

— Прощу в машину!

Шофёр распахнул перед ним переднюю дверцу.

Садись, Сергей поздоровался с сидевшей слади красивой простоволосой женщиной. На вид ей можно было дать лет сорок; одета в светлое драповое пальто с чёрным каракулевым воротником. В машине душно, поэтому лисьёю шапку женщина держала на коленях. Она улыбнулась ему, отвечая на приветствие, поправила волосы — женщина всегда женщина! Пола распахнутого пальто слетка приподнялась от движения руки, и Сергей заметил на ладконе её пиджака Звезду Героя Социалистического Труда.

«Ничего себе, — подумал, — в какой серьёзной компании еду!»

До деревни добирались около часа, а может, и больше. Ни водитель, ни женщина за всю дорогу не проорчали ни слова.

Шацкому поведение попутчиков обидным не показалось: попросили встретить — встретили. Везут. Что ещё? Веселить его никто не обязан. И на том спасибо.

Он принялся осматривать окрестности. На бело-пустынных полях кое-где мелькали заиндевелившие берёзовые колки да стога сена, нахохлившись под тяжестью высоких снежных шапок. Промелькнуло несколько богом забытых деревушек со скотными дворами на окраинах. Вот и весь пейзаж: печальный в своей патриархальности, но родной, исконно русский, удивительно подходящий к известному определению — знакомый до боли.

Время перепало за полдень, но солнце едва пробивалось сквозь дымчатую хмарь. Казалось, будто серебристый иней накинул лёгкое изморозное

покрывало на стылые сугробы, и оттого сумеречное солдество жие напоминало скорее вечер.

«Волга» изорхнула на кагорок, и взору Сергея открылась деревушка, с серыми убогими домишками, крытыми щепой и толем. Лишь пять-шесть крепких питистенков, срубленных, видимо, не так давно, промелькнули за окном автомобиля, словно напокаа, красуясь шиферными крышами. Но издали вся эта шипета, щедро принакрытая предновогодним снежком, напоминала лубочную открытку. Весёлые дымь, живо уходящие в морозное небо, узкие тропинки, петляющие среди иссиня-хрустальных сугробов, замершие длинношеие журавли с отливавшими серебром ведрями над обледеневшими срубами колодцев создавали илауэвно сказку.

«Профукали мы деревню! — подумал Шацкий, стартовая обидный ком горечи, подступивший к горлу. — Семидесятые годы заканчиваются, БАМ строим, атомные станции, и космос летаем, а деревня, кормилица наша, гибнет на корню, эх!.. Вот бы куда силы бросить, вместо целины!»

— Всё, молодой человек, приехали! — сказала женщина низким трудным голосом. — Ааи сейчас в школе: там её и найдёте.

Он вышел на воздух, благодарно махнул рукой вслед уходящей «Волге».

П-образное кирпичное здание выгодно отличалось от деревенских построек своей добротностью. «Слава Богу, хоть о детях подумали!» Сергей открыл входную дверь. Длинный коридор встретил его необычной, не свойственной школе тишиной. Несколько дверей без таймчик были распахнуты настежь, но в классах никого. Он прошёл в конец коридора и только тут услышал голос. Несомненно, он принадлежал Алевтине. Она что-то сосредоточенно писала на доске. Ученики, а их было всего четверо, старательно скрипели перьями, записывая, должно быть, задание на дом.

— Записали? — строго спросила Алевтина. — Тогда всё, урок окончен.

Красн глаза Алевтина заметила Шацкого, но виду не подала, продолжала:

— Надеюсь, в понедельник вы сумеете подготовиться как следует. До свидания!

Ребятишки — двое мальчишек, лет девяти и две девочки чуть постарше — стали чинно покидать класс, бросая любопытные взгляды на незнакомого человека. Тихие, дисциплинированные дети: ни шума, ни гама. Да откуда ему вьзаться!

— Приехал! — вместо приветствия не то спросила, не то обрадовалась Алевтина. — Признаться, я и не надеялась... — она обвила его, поцеловала в щеку.

— Обещал, вот и приехал. Что здесь особенного?

— Устал? Хочешь отдохнуть с дороги? А давай в баню пойдём? — неожиданно предложила Алевтина. — Братья сегодня истомяли. Баня у нас уютная!

— Классная идея! Я в бане лет сто не мылся!

Деревенская баня оказалась настоящим чудом: просторная парилка, обшита липовым тёсом, печь-каменка — с виду малюсенькая, а дышала неистово. Предбанник не холодный, с большим окном и широкой лавкой; на противоположной стене — полка-вешалка и приличных размеров зеркало, обрамлённое в массивную дубовую раму. Но Шацкий тут же забыл обо всём, когда в парилку вошла обнажённая Алевтина.

— Разогрелся? — спросила она весело и вместе с тем деловито, беря в руки ковш.

Она вела себя так естественно, словно знала его много лет: нисколько не стеснялась своей, надо сказать, красивой наготы, что Сергей не успел даже испытать чувства неловкости, но, поражённый увиденным, онемел от восторга. Ещё бы! Ведь всё это теперь его; и распущенные, ниже плеч, каштановые волосы, и высокая густая грудь в форме правильных полусфер, и плоский живот с аккуратной впадиной пупка, и тонкая талия, и изящно вычерченные линии бёдер, и...

Его рот самопроизвольно раскрылся:

— Аля?.. — выдал он, поперхнувшись собственным дыханием, и не узнал свой голос: сдавленный и хриплый, будто не из гортани вырвавшийся, а из далёкого далёка, глубинного и неизвестного.

— Не узнал? — девушка улыбнулась, зачерпнула из металлической бочки ковш холодной воды. — Сначала будем париться! — сказала как отрезала, выплескивая на каменку содержимое ковша. — А потом... — намекнула она многообещающе... — если силы останутся, займёмся делом.

Пространство вокруг заволочило густым ягучим жаром, и Сергей, разомлев, поплыл в сызых клубах благоуханного пара. Алевтина не давала ему забыться надолго: выплывала из облаков с запаренными в крутом кишке венчиками и, подобно заправскому банщику, методично, со знанием дела, обрабатывала его чресла. Изгоняла из него злой дух. Освобождала душу от накопившихся усталости и нервозности беспокойной комсомольской жизни.

Спина его содрогалась под хлесткими, обжигающими ударами берёзового веника, раскалённый воздух затруднял дыхание, пот заливал глаза, но он терпеливо сносил эти прелести во имя чудесного рождения заново.

И когда наступил момент абсолютной расслабленности, когда Сергей

почувствовал томление и сладкую истому во всем теле. Алевтина подала ему ковш с искрящимся напитком жёлто-золотистого цвета с оттенком востаря.

— Что это? — заинтересовался Шацкий, потянув носом.

— Живая вода, — хохотнула Алевтина.

— Нет, серьёзно?..

— Медовуха. Между прочим, собственноручно приготовила, — похвасталась.

Терпкий, натурально газированный напиток приятно зашевелил в ноздрях, и Сергей ощутил, что жизнь входит в его плоть, пробуждая страстное, неодолимое желание. Он отхлебнул несколько глотков, зажмурился от удовольствия.

— Спасибо! У меня нет слов!

Алевтина отставила ковш в сторону, села рядом, и он, спровоцированный прикосновением её разгорячённого бедра, не раздумывая, привлёк её к себе.

Щитовой финский дом, или «3 Щ», говоря казённым языком, обставлен добротной мебелью. На окнах занавески из дорогого ажурного тюля, громоздкая, до потолка, стенка уставлена посудой из хрусталя и чешского стекла.

В просторной зале накрыт стол. В центре блюд, приготовленных преимущественно из деревянных продуктов, подобно Спасской башне, возвышалась резного стекла литровая бутылка с содержимым собственного приготовления: не мутная, не блеклая, не слабая — чистая слеза!

— Перекуси сметка, — предложила Алевтина. — С минуты на минуту братья подойдут, отметим твой приезд.

— У тебя есть братья? — Сергей подцепил вишней дольку холодца.

— Да. Тебя это удивляет?

— Нисколько, — ответила Шацкий, апетитно работая челюстями: организм требовал восстановления сил после «бавки».

— А вот, кажется, и они... — сказала Алевтина, заслышав тяжёлые шаги из коридора.

Братья лишь глазами похожи на сестру, в остальном же — прямая ей противоположность. Сдержанно кивнули — этикие розовощёкие близнецы-крепыши: рыжеволосые, рыжеусые и тихими, на первый взгляд. На глазок им было лет под тридцать. Оба одеты в свитера грубой вязки и чёрные брюки, заправленные, несмотря на мороз, в кирзовые сапоги.

Алевтина ласково обняла братьев за плечи и, подведя к столу, представила:

— Слева от меня — Андрей, справа — Фёдор. Ждали мы вас, правда, Сергей?

— Не то чтобы... но, в общем, да — ждём.

— Мы уже и в баньке потянулись, — сообщила Алевтина радостную весть.

— Баня наша... — многозначительно и вместе с тем не без гордости вымолвил Андрей, садясь по правую руку от Шацкого.

— ...хорошая, — договорил за брата Фёдор, усаживаясь на стул с другой стороны.

Сергей как-то сразу почувствовал себя уютно и даже несколько оробел, зажатый с двух сторон мускулистыми тисками. Бросил беспокойный взгляд на Алевтину, но та беззаботно улыбалась ему: мол, не волнуйся, всё в порядке, чувствуй себя как дома.

— Раз ждали, то и тигуть нечего, — сказал Андрей. — Со знакомством, гость дорогой!

Все дружно вышли и так же дружно навалились на закуску. Холодец, домашняя свиная колбаса, атлантическая сельдь с луком, тушёный картофель, квашеная капуста, солёное сало и огурцы — мечта!

Самогон оказался первоклассным — запаха ни-ни, прижмётся как тут и был. Сергей забыл о братьях и ел в своё удовольствие: закусывал неспешно, но основательно.

— Хорошо ест! — похвалил гостя Фёдор, обращая внимание брата на то, как Шацкий то и дело подкладывал на тарелку очередной кусок жареной колбасы.

— Наконец-то послали бог работника, — без особого воодушевления, но как о чём-то решённом и ясном сказал Андрей, соглашаясь с братом. Сергей замер с полным ртом, осмысливая сдержанный диалог близнецов.

— Мужики, я не совсем понял: вам что, помощник нужен?

— Ну да, — ответил ему Фёдор. — Сам посуди: дом хоть и притовой, но кирпичом обложен — крепкий, тёплый, просторный. Опять же — тридцать пять соток земли под картошку, огород...

— Но...

— Алевтина наша — хоть куда. Так?

— Да, но... — снова попытался вставить слово Шацкий, однако с его мнением, похоже, не очень-то считались.

— Тебя тоже бог лицом и статью не обидел. Сестрёнка говорила, что ты комсомолом руководишь на стройке, это хорошо. Можно прорабом в колхоз пристроить...

— Меня? В колхоз?

— Не хочешь в колхоз — не проблема: мать пристроит в райком.

— Не надо меня никуда приставать!

— Как это не надо? — искренне удивился Андрей и переглянулся с братом. — Не становишь же ты на Алюшкиной шее сидеть, в самом деле!

До Сергея дошло, куда клонит братя, и всё же он сделал попытку привлечь на свою сторону Алевтину, с невинной улыбкой наблюдавшую за происходящим.

— Алевтина? О чём они?..

— А что я могу сказать? Они старше: им виднее...

— Да, но... если и правильно поняла, нас хотят поженишь?

Алевтина не успела ответить: в соседней комнате заплакал ребёнок.

— Разбудили! — поморщился Фёдор.

— Обомочился, наверно... — высказал предположение Андрей.

Алевтина ушла к ребёнку, плотно затворила за собой дверь.

— Чей это ребёнок? — требовательно спросил Шацкий.

— Наш племян, — не без гордости ответила Фёдор.

— Понятно, — сказал Сергей и спросил — без всякого интереса, так, для формы: — Сколько ему?

— Полтора и поворе стукнуло. Ты не переживай: иной раз чужое дитя лучше родного к душе прикипает.

— Стало быть, мы решили, что и жениться приехал? — не желая сдавать позиции, напрямую осведомился Сергей.

— А как иначе? — лучше прежнего удивился Андрей. — Разве вы не пара? Оба образованные, привлекательной наружности, любите друг дружку...

— Знаете, что я вам скажу, братцы-кролики: с сестрой нашей и знаком всего два дня! Вы это понимаете?!

— И что с того? — невозмутимо спросил Фёдор.

— А ты!.. — начал терять самообладание Шацкий. — Если ближайшние планы женитьбы не входит! — Он сделал попытку встать, но две ручки одновременно и твёрдело легли ему на оба плеча и без видимого усилия усадили на место, будто привозили к стулу. — Для такого серьёзного шага, — как мог заорывался Сергей, — должна быть мотивация — причина, проще говоря.

— Привиду всегда можно найти, — ухмыльнулся Фёдор.

— Очень интересно, — подавляя раздражение и досаду на собственное бессилие, сказал Шацкий.

— Интересно? Тогда слушай. Привидя первая, — Фёдор загнул толстый указательный палец на левой руке, — ты приехал?

— Ну, приехал, — вынужден был согласиться Сергей.

— Зачем?

— Не наше дело!

— Не хами! — Андрей свёл мохнатые брови над переносицей, а Фёдор продолжал загибать пальцы:

— В бане мылся?

— Мылся, — вяло сдавал позицию Шацкий.

— Только мысля? И больше ничего?

— Ну, вы даёте! — Сергей не находил слов. — Вам любопытно узнать подробности?

— Не хами! — снова насутился Андрей. — Мы народ простой и не всегда понимаем ваши городские штучки-дрючки, зато враз можем из твоей глянцевої фотографии сделать матовую.

— Хоть стреляйте — не женюсь я на нашей сестре! — в сердцах воскликнул Шацкий. — И потом, — добавив он, взяв себя в руки, — люди женятся по любви, по обоюдному согласию. А вы принуждаете, нагло и бесцеремонно.

Алевтина вернулась в комнату, подошла, обняла Сергея за плечи, чмокнула в щёку.

— Кто это здесь тебя принуждает и к чему?

— Грамотный больно, — проворчал Андрей. — Нос от тебя воротит: не по праву ты ему.

— Я этого не говорил!

— Значит, нравится тебе Алевтина?

На этот, по сути, idiotский и тупиковый вопрос была только один ответ — «да», однако в данном положении так и подмывало сказать «нет», но парень унаследовал от родителей интеллигентную душу; она не умела раздваиваться и уж тем более притворяться.

Шацкий беспомощно замотал головой.

Несплохой оратор, поднаторевший на митингах и собраниях, сейчас он просто не находил слов. Он потерял всякую концентрацию. Мысли, под давлением гневного возмущения, разбивались вдребезги о трагикомическую ситуацию, невольником которой он оказался. В напряжённой атмосфере разговора витал пусть и не высказанный вслух, но убийственный довод: нашкодил — будь любезен... Братья лишили его инициативы, по-крестьянски просто и нахально направили по одной-единственной тропе, ведущей в западню. Его брали силой, а посему любая, самая убедительная аргументация не имела смысла. Он принял, как ему казалось, единственно правильное решение: если нет возможности увернуться, то идти нужно навстречу.

— А давайте выпьем! — он махнул рукой, делая вид, что побеждён.

— Вот это правильно! — поддержала его Алевтина. — Ты уж извини, Серёженька, братьев моих за прямоту суждений. Они нам счастья хотят.

«И она туда же! А что я хотел: заодно действует семейка! Ишь как хитро капкан поставили, а я, простопила, с ходу сунул в него голову, — мысленно досадовал Шацкий, разливая самогон по стаканам. — Судя по всему, не первый я попался: мальчишку прижила, не от святого духа же!»

Что делается! Что делается! Ещё час назад, там, в бане, он купался в упорительном наслаждении и подвоха с её стороны никак не ждал.

«Она хороша, отрицать трудно, но жениться — ни за что! Как она могла? Образованная, современная женщина, педагог, а приветствует средневековые методы своих братьев. Ай-яй-яй, Алевтина Юрьевна, уж не вдохновитель ли вы, не родитель ли заарканивания потенциальных мужей? Братцы-кромики умом-то не блещут — топорно работают. Значит, всё-таки ты. Замуж корнешь. А ведь родственники твои правы: недурна; плюс дом, огород и доверок и придачу — отличная партия для придурка. Ну уж нет, без боя я не сдамся!»

— Ты пойми, — Алевтина села ему на колени, обняла за шею, — разве есть что-то, что могло бы нам помешать? Сыновика мой тебя смуждает? Ошиблась по молодости, с кем не бывает. Не волнуйся, его в основном бабушка воспитывает. Что ещё? В бане ты убеждал меня в моей неотразимости. И я тебе поверила. Ласки мои ты принимал с удовольствием и, как мне показалось, был искренен в ответных прожиганиях. Что же нам мешает быть вместе? Что смуждает?

Сергей промолчал.

Он уже не дамся, а снова дал слабину — пошёл на поводу у своей интеллигентности: принял решение напиться, а там... каким-нибудь образом...

Каждый понял его поведение по-своему: Алевтина решила, что дело выгорело и симпатиза-комсомолец никуда не денется; братья, вероятно, придерживались той же точки зрения, но прониклись некоторым уважением, по-мужски соболезнивали ему, понимая, что даже конь взбрыкивает и вертит головой, когда на него хомут одевают. И всё же подстраховались: в тесном чулане, по соседству с консервациями, поставили раскладушку и уложили на неё в стельку пьяного «женхика»; дверь заперли, и счастливая невеста, сунув под подушку ключ от каморки, уснула безмятежным сном.

Ранним утром Шацкого разбудила вспышка яркого света от зажжённой лампочки. Над ним стояла вчерашняя знакомая.

— Здравствуйте, молодой человек!

— Где я? — вместо приветствия спросил Сергей, недоумённо оглядывая место своего заточения.

— В чулане. Голова болит?

— Если честно, да.

— Вставайте и идите умываться. Я иду вас на кухню.

«Серьёзная дама, — подумал Шацкий, — неужто и она с ними заодно?»

Кухонный стол уставлен остатками вчерашнего пиришества.

— Ешьте, — предложила женщина.

— Спасибо! Если можно... чашечку кофе, пожалуйста.

— Увы, с кофе проблемы. Могу предложить чай или молоко.

— Тогда — чай.

— Вас как зовут? — спросила женщина, садясь рядом.

— Сергей.

— Вот что, Сергей, я прошу прощение за вчерашнее сватовство. Не знаю, что на Алевтину нашло, но она никак не оставит затею выйти замуж за первого встречного.

— Я не первый встречный! — возмутился Шацкий.

— Точно — не первый. Не приближайся. Вы давно знакомы с моей дочерью?

— Три дня.

— Всё ясно. Давайте говорить трезво: вы, поскольку вас заперли, не польстились на богатую невесту. Я правильно понимаю?

— Не польстился. Архаизм какой-то!

— Моя вина, — женщина поправила ладонью зачёсанные назад густые чёрные волосы. Вадохнула. — Сыновья с неба звёзд не хватают, но выросли мушкетёрами хозяйственными: твёрдо на земле стоят, а дочь я упустила. Муж мой, царствие ему небесное, умер — оставил меня с тремя детьми на руках. Приглаждать за Алевтиной у меня времени не было. Двадцатый год в председателях колхоза хожу. Работа собачья. По малолетству братия с ней нянчилась. Выросла без материнского глаза. Окончила школу, поступила в педагогический, там и загуляла пацана. Внука я признала, а вот отца его и глаза не видела. В деревне парней не осталось: как прослышали про вашу стройку, так и рванули за длинным рублём.

Слаба на передок — то не про Альку сказано, но идея выйти замуж любой ценой помутила ей разум: маньчешка настоящая. Ловит залётных. Вот ты, к примеру, шестой на моей памяти. Клюют парни на смазливую мордашку, а как прознают про довесок, испаряются. Мне, как матери, больно и обидно, но случайного счастья дочке не желаю. Решай: если остаёшься, как на бога молиться на тебя стану, надумаешь уехать — осуждать и препятствий чинить не буду и другим не позволяю. Решай.

Кашкан разомкнулся.

Шацкий ответил не раздумывая:

— Еду!

— Собирайся, машина у калитки стоит.

Сергей вышел на улицу.

Утро стояло солнечное.

От калитки Шацкий оглянулся. Ему показалось, занавеска за окном слегка качнулась.

«Прощай, Алевтина! И не горюй: я — не первый и не последний. Шансы у тебя остаются. Желаю удачи!»

15 февраля 2006

г. Югорск

С Новым годом!

После Дня Победы Новый год, пожалуй, самый ожидаемый праздник в России. Его с нетерпением ждут не только дети, но и взрослые. Обязательные атрибуты встречи Нового года — ёлки, тирланды, свечи, фейерверки и, разумеется, шампанское — являют собой незабываемый праздник! Кроме всего прочего, это ещё своего рода каникулы для взрослых, именно поэтому ширнство растягивается на неделю. А там, глядишь, и старый Новый год на подходе. И его отмечают с не меньшей активностью.

Традиции традиционны, однако времена изменились: капитализм внёс в новую жизнь свои коррективы, у людей появились деньги, открылись недоступные ранее возможности, стало быть, и новогодний праздник россияне могут встречать не только дома в кругу семьи, но и отправиться в путешествие по России-матушке либо за границу.

Признаемся честно, не каждому по карману предпринять такого рода, но если немножечко покрутить головой, посчитать, поэкономить в течение года, то на трёхдневный тур средства изыскать всё-таки можно.

Береговые — люди среднего достатка. Ныгче они решили встречать Новый год в Суздале. Вернее, Марина всё решила. Нашла в Интернете рекламу, созвонилась, договорилась, забронировала двухместный номер, поставила мужа в известность. Влад не возражал. Они каждый год путешествовали на машине по стране. И в Суздале бывали неоднократно. Зачастую, проезжая мимо Владимира, специально сворачивали с дороги: сначала посещали своё любимое место — Храм Покрова на Нерли, затем возвращались назад и ночевали в Суздале.

Этот милый городок-музей поражал воображение своей целомудренной патриархальностью. Здесь не увидишь строительных кранов, не услышишь рычания многотонных грузовиков. Здесь всё располагает к отдыху: в извешним прогулкам по тесным старинным улочкам, к молчаливому удивлению в храмах и монастырях, конх в Суздале великое множество.

Хочешь на воздушном шаре обозреть окрестности — пожалуйста! Хочешь с ветерком на русской тройке прокатиться — садись! Хочешь отведать всемирно

известной медовухи — пробуй! Хочешь и настоящую русскую баньку — милости просим! Хочешь ядрёного огурчика откусить — подходи!

Береговые так и сделали: пошам вдоль рядов импровизированного базарчика, где краснощёкие бойкие горожанки предлагали не менее знаменитые солёные огурцы.

— Рискнём? — спросил Влад жену.

— Давай! — согласилась Галина, поднимая воротник шубы: морозец стоял злостный и не слабый, но ветерок проказничал.

— Подходи, народ, подходи! — пронесла от стола курносая улыбочная бабёнка.

— Почему? — поинтересовался Влад.

— Не-не-не, так не пойдёт, — отозвалась суздалячка, — сначала попробовать надо. — Она плеснула из четверти самогона в маленькие пластмассовые стаканчики, граммов по пятьдесят, ловко подцепила вилкой огурец из трёхлитровой банки, разрежала его ножом на две половинки. Одну протянула Владу, другую Галине. — Теперь можно. Пробуйте, мои дорогие!

Влад наблюдал, как Галина, поморщившись, с трудом одолела мутноватую жидкость и, шумно выдохнув, послешню надкусила огурец, как закурчилась от удовольствия.

— Как?

— Класс!

Влад поверил и последовал примеру жены. Самогон прижился. Огурчик приятно хрустнул под зубами. Для конца декабря был он необычайно свеж и пах букетом ароматных приностей.

— Да! Отменные у вас огурчики! — похвалила женщину Владислав.

— Может, пройдем, у других попробуем, а? — предложила Галина.

— Пойдите, милые, пойдите, — несколько не обиделась торговка. — Всё равно ко мне вернётесь.

Пройдя по рядам, супруги не без удовольствия откусывали суздаляские соленья, правда, от самогона уже отказывались.

Минут через пять-семь вновь оказались у знакомого прилавка.

— А что я вам говорила! — радостно встретила их курносая торговка. — У меня рука лёгкая, и огурчики я солю по особому, дедовскому рецепту!

— Две баночки берём! — в тон ей весело сказала Галина.

— Вот и молодцы! Вот и правильно! Приведете домой, сядете с родными за стол, откроете мою баночку и добрым словом помяните Суздаль! Две по восемьдесят плюс сто пятьдесят... С вас двести целковых!

— Спасибо! Огурчики у вас действительно восхитительные!

— Это что, — махнула рукой курносая, — остатки роскоши. Вы к нам

в середине лета приезжайте, на Праздник огурца. Вот когда настоящее удовольствие получите!

Расплатившись, Береговые пошли в гостиничный номер.

Влад сел в кресло, посмотрел на часы.

— Двенадцать часов всего...

— Вот и я думаю... — позив его намёк, отозвалась Галина. — Торжество начнётся в двадцать три — времени у нас уйма! Пошли в город: погуляем да и побеждаем через часок-другой.

Спустившись вниз от туристического комплекса, они пропали по весёлым улочкам предместья и задворками вышли к реке Каменке. Она делила Суздаль на две половины, вернее, отделяла город-музей от частного сектора. На противоположном крутом берегу возвышались стены Спасо-Преображенского Ефимиева монастыря, вдоль которого вела пешеходная дорожка.

Они уже шли по пешеходному мостику через Каменку.

— К стыду сказать, — обернулась к мужу Галина, — я уже не помню, сколько раз мы с тобой здесь бывали, а монастырь посетить не удосужились. А там, между прочим, покоятся нетленные мощи его основателя, преподобного Ефимия Суздальского, современника и сомолитвенника Сергия Радонежского.

— Что нам мешает сделать это сегодня? Заодно постоим у могилы Дмитрия Пожарского...

— Смотри! — перебила вдруг Владислава жена. — Смотри, смотри!

Она указывала рукой на лёд.

— Что ты там увидела? Где?

— Ниче гляди! Да вон же, в метре от мостика!

— Ничего себе!

На льду красовалась купюра достоинством в пятьсот евро.

— Как она туда попала?

— Обыкновенно: обронил кто-то нечаянно.

— Пятьсот евро? — не поверил Владислав.

— А ты сам никогда деньги не терял?

— Терял, но так, по мелочи, а...

— Ладно, пошли.

— погоди, погоди, — Влад пошевелил губами, что-то прикидывая в уме.

— Перестань! Пошлим уже!

— Галь, в двух метрах от нас лежат неплохие деньги. Умеешь пятьсот на сорок пять, получим... Я попробую её достать.

— Не гауди: лёд тонкий, провалишься ещё, — с сомнением сказала Галина и покачала головой. — Богаче всё равно не станем. Подумаешь, пятьсот евро!

Но Влад уже не слушал жену, вернулся на берег, аккуратно спустился под мосток и, держась за деревянные столбы-подпорки, ступил на лёд.

— Осторожно!

Лёд под ногами потрескивал, но держал покуда.

— Выдержит, куда он денется, — сказал Владислав. — Сейчас я её достану.

Он практически подобрался к купюре. Обхватив стойку левой рукой, правой попытался дотянуться до заветной бумажки. Не тут-то было. Как ни старался Влад, до цели оставалось ещё сантиметров пятнадцать-двадцать. Не отступать же. Сделал ещё шагок.

Нагнулся, потянулся к купюре. Получилось! Вот она, миленькая, в руке, вместе с куском льда, к которому прилипла!

— Есть! — сообщил Влад радостную весть жене. — А ты говоришь, не выдержит...

Именно в этот момент лёд под опорной ногой предательски треснул, и нога провалилась в ледяную воду, но он тут же рывком вернул её обратно. Осторожно ступая, выбрался из-под мостка.

— Сильно намоочил ногу? — забеспокоилась Галина.

— Ерунда! — отмахнулся Влад. Сейчас мы её освободим. Подцепив ногтем мизинца за уголок ассигнации, попытался оторвать её ото льда. Тщетно.

— Морозом прихватило, — резюмировала жена.

— Сейчас, сейчас, — Владислав поднёс льдинку к губам и стал отогревать купюру дыханием. Данная операция заняла всего минуту, и пятисотка под действием тепла оттаяла и легко отклеилась.

— Порядок!

Влад разглядывал купюру на ладони, перевернул обратной стороной и разинул рот в изумлении. На абсолютно чистой поверхности красовалась чёткая надпись, сделанная шариковой авторучкой: «С Новым годом!»

12 мая 2010

г. Ютск

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

«Родилась давно. Своими детскими годами и юностью обязана Среднему Уралу. Окончила исторический факультет Пермского государственного университета. Почетный работник общего образования. Главной же наградой для себя считаю добрую память и успехи моих учеников. Стихи пишу с юных лет. И только по напросам. В 2005 году издала первый сборник стихов и прозы «Когда любовь — живу». Пометалась в Германии, в газете «Neue Zeiten». О себе уже всё знаю. А во всем остальном до сих пор даю для себя большие и маленькие открытия. Словом, жить интересно!»

Метаморфоза

Я такая маленькая, что боюсь отпустить мамину руку. Старюсь успевать за ней, но ничего не получается.

Мама предупреждает: «Смотри под ноги».

Не понимаю зачем, но послушно смотрю. По теплым от солнышка доскам шуршат какие-то жуки. Только бы не наступить на них! Не потому, что жалко. Странно. Еще успеваю заметить обувь встречающих пешеходов: вот устало прошаркали огромные тапки, прошлепали пыльные тапочки, важно пропыхали высокие болотные сапоги. Мамины туфли молочного цвета на высоком каблучке. Шагают уверенно и несколько кокетливо. С сожалением перевожу взгляд на свои. Ничего примечательного, если не считать, что они новые и чуть-чуть великоваты. Мечтаю: «Буду большой — надену мамины туфли».

С восхищением думаю, что моя мама — самая красивая!

Чувство обожания и гордости переполняет мое сердечко.

Моей маме восемьдесят лет.

Мы идем с ней рядом. С удовольствием отмечаю, что походка у нее легкая, как у девочки. На еще стройных ногах аккуратные туфельки...на невысоком каблучке.

Предупреждаю: «Смотри под ноги».

Кажется, что иду неспешно, но мама не успевает и просит идти медленнее. С удивлением замечаю, что она боится встречающих машин. Я беру ее бережно под руку.

И чувство безмерной жалости переполняет мое сердце.

Летом 2005

Отцу

Светлой памяти папы —
Шныгина Михаила Александровича

Тринадцать лет, как нет тебя уже.
И прыгнулась боль. Возможно ли такое?
Я помню, смерть таузилась в кураже:
«Мечтал всегда не он ли о покое?»

Мы знали, что она уже в пути.
Диагноз-приговор и инстанции последней.
Как все хотели уберечь тебя, спасти,
Хотели верить, что диагноз — бредни.

Когда твоих детей печальный повод
Собрал под свод родительского дома,
Дохнул в лицо им замолчаливый холод.
Ты не встречал... как это незнакомо!

Для нас ты был всегда и Честь и Совесть,
И вечный труженик, какого — поискать!
Вся жизнь твоя — служенье долгу, то есть
Семье и Родные, хотела я сказать.

И неизбежность мужественно встретил:
Ни слова лишнего, ни слова о себе.
А все печалился о внуках и о детях,
И вдовьей будущей нерадостной судьбе.

Казалось раньше: в доме «голова» —
Так редко унывающая мама.
Ты не оспаривал ничуть её права,
И не было надежней в жизни «зама».

Унёс с собой уверенность и смех
Красивой женщины — жены любимой...
Папулечка родной, прости нас всех!
И рядом будь всегда душой незримой.

2005

Всегда со мной

Сестре — Оленке Шмеканой

Бываи мы с тобой детьми когда-то
С душами открытыми и милыми.
Яйвы беспокойной перекаты
Нам казались непреодолимыми.

Но однажды, заманив рассказами,
Будто за рекой вкуснее ягоды,
Ты, известная уже проказами,
Поведа меня вброд. Не ждала беды.

Чтоб не замочить — повыше платища.
Неуклюжие, смеемся весело.
— Ой, смотри, как камень катится!
— Я поймаю... и — тирью равновесие.

Что кричала мне — исповню едва ли.
Как игрушку стремнина несла...
Все же крепко меня держала
Твои руки! И вот ведь — спасла!

А впереди сложнее перекаты
Предстояло нам преодолеть:
Пережить рассветы и закаты,
Много потерять и пожалять.

И всегда, как старшая меж нами,
Неизменно в трудностях со мной
Женщина со слабыми руками,
Щедрым сердцем, ангельской душой.

13 октября 2004

Другу

Юрию Степанову

Снегами белыми мела всю ночь метель,
Ослеп фонарь. Устал бороться с ветром.
А мне приснилась вдруг весенняя капель,
И я сама среди берёз в платочке светлом.

Так много солнца было и тепла,
И глухих слов от счастья вазных,
И соловьиных трелей до утра...
Все это было у меня однажды.

Я этот сон смотреть могла бы вечно,
Но пробуждения час уже настал.
А с крыш свисают медяные свечки,
И злиться ветер снежный не устал.

Не покидай меня, прекрасное виденье,
Я чувство давнее в себе вдруг обрела.
И словно это — только продолжение
Весеннего и сказочного сна.

Я никому сказать о том не смею,
Ведь это сон, но от него пьянею!
Пусть даже он про глупые сердца,
Я досмотреть его хотела б до конца.

1975

Неудачный опыт

Слаб человек!
Смотрит безмолвные звёзды,
Как опыт суфийский избрав,
Он льёт из сосуда души
Для многих желанный ёмей...

Сыну

Шутка

Сергею Евг. Степанову

Какой наивный ты
и молодой.
Воздушный шар
в твоей руке —
Как шар земной!
Иль нет? Ах, да...
Твоя душа, как этот шар.
Тебе заিদую
безумно!
Не мне соперничать
с тобой:
Моя душа — как эта
урна.

2002

Есть ли один...

Так жизнь стремительна
В своем течение буйном!
Моя звезда — она еще горит.
Сравнительно же с вечною Вселенной
Секунда — жизнь моя!
И пусть мне говорит
Мудрец лукавый, что жизнь прожить —
Не поле перейти,
Войти в тот промежуток малый
Сможет лишь миг:
С начала до конца пути.

Я не приемлю!

Мир полон голосов:
Начальственных и робких,
Глухих, как сто веков,
Тяжеловесных, легких,
Дрожащих от обид,
Чуть слышных — от тревоги,
Знакомых, и родных,
И ласковых, и строгих.
Течет, течет ручей
Различных голосов:
От лепета детей
К молитвам стариков...
Пусть будут голоса,
Вдыхающие жизнь,
Пусть будут голоса,
Вгоняющие в землю!

.....
Но вот «слезных» голосов
Я не приемлю!

2002

Просить любви — занятие пустое...

В глазах любимой
Молния сверкает,
А горькие слова
Рождают ревность...

Мужчины многие
Грешат, бывает,
Ценнее тем для них
Супруги верность.

Пусть не всегда
Упреки справедливы,
Не торопитесь же
Парировать в ответ.

И в гневе видите? —
Её глаза красивы,
В них мечется
Любви тревожной свет.

Когда же злобные слова —
Привычке дань,
Взор не скрывает
Равнодушие тупое,

Достойно уходи
И сильным стань!
Просить любви —
Занятие пустое...

19 апреля 2011

Всё повторится?

Ты в прошлой жизни —
Уличный бродяга
В одном из европейских городов.
Не вор, не пьяница,
Не мелочный сутяга.
Пускай без денег, но и без врагов...

Когда-то в юности
Беспечной, сытой,
Родительской заботой окруженный,
Ты девушку с душой открытой
Предал, поверив правде искаженной.

Свою любовь поздней
Менял на питани,
Расчетом этим измеряя разум.
Другие женятся,
И мы — не дураки...
Себя несчастным сделал разум.

И жизнь помчалась
По тому же круту,
Но мало нежности в ней было и огня.
Быть может, и жамел,
Но не любил супруту,
Когда случайно повстречал меня.

Любовь приходит
К тем, кто жаждет.
Но слабых духом может испутать.
И от неё ты потому
Отрёкся дважды,
Что не привык бороться и страдать.

Что станет дальше
С нами — неизвестно;
Увидеть будущее смертным не дано.
И только наши сны
Переплетают тесно
Что будет, есть и было так давно.

А тот бродяга
Мне во сне приснился:
Я по ночному городу начала века
Куда-то шла. Туман
Седой стелился...
Вдруг в переулке вижу человека.

Высок. В пальто,
Хорошего сукна и крой,

От востки долгой потерявшем шик.
В карманах руки.
И глаза... не скрою,
Тебя узнала, милый, в тот же миг.

Ты подошёл ко мне.
Лицо — белее снега.
Две складки скорбные у губ навек:
«Признайся, думала:
Я без тебя бы не была?
Что без тебя не проживу?» Так нет!

Как видишь, жинь,
Но я болею очень.
И что болят, не в силах сам понять.
А ты не изменилась,
Между прочим...
Я долго ждал. Позволь тебя обнять?»

Отпрянув в ужасе,
Я к каменной стене
Спиной прижалась: «Прокажённый!
О, как опасно быть
С тобой наедине!»
А ты стоял, как громом поражённый...

.....
Зачем же ты сбегать позволяла мне?

2005

Ты меня потерял

Ты меня потерял, любимый...
От тоски, а быть может, от скуки
Не зови мой образ в надежде.
Белый снег — мои губы и руки
Не согреют тебя, как прежде.

Ты меня потерял, любимый...
Так скажи, не твоя ли печаль

Светом душным в окно струится?
Мне ведь тоже немного жаль,
Что прошедшее не повторяется.

Ты меня потерял, любимый...
Я, увы, не смогла уберечь
Свое сердце от слов обманных.
Потому и не будет встреч
Ни случайных, ни долгожданных.

Ты меня потерял, любимый...
Бродит память у тех берегов,
Что казались полоской синей.
Но в предчувствии близких снегов
Край озерный оделся в лед.

2004

Вытри мне слёзы, мама...

Вытри мне слёзы, мама,
И обними рукою!
О сокровенном самом
Я поделюсь с тобою.

Мама, я так устала
Биться в окно глухое
Да на «постой» проситься
В сердце пустое!

Где взять, родная, воли,
Чтобы забыть навеки?
Это от страшной боли
Лед ломают реки...

Да как же забыть и голос,
И губы, что целовала?!
Мама, я теряла гордость,
Зато я любовь узнала.

Городских снеговиков,
Придет весна, и
Под лучами солнца
Ты превратишься
В лужицу воды.
И два стекла —
Два маленьких оконца
Не смогут пережить
Такой беды.
А я жалеть тебя
Ни капельки не буду!
Растаешь ты,
И я тебя забуду!

Романс

Слова и музыка Т.Степановой

Душа мертва,
А я ещё пытаюсь
Угаснувшие чувства воскресить.
Зачем? Зачем
За прошлое цепляюсь?
Да кто ж ответит, некого спросить.

А в том саду
Уже цветы другие.
Твой взор они пленяют новизной.
Не ошибись!
Наряды дорогие
Не смогут заменить души родной.

Я помню всё,
И эта память ранит.
А что-то изменить мне не дано, увы!
Прощай, любовь!
Пусть легче и не станет,
В глазах печальных больше синевы.

Жизни — кружение

Слова и музыка Т.Степановой

Встретил любимой —
Софье Степановой

Если кому-то песни мои
Станут на миг утешением,
Жизни моей промелькнувшие дни
В этом найдут продолжение.

Жизни — кружение,
Судеб — сплетение,
Странный, но вечный закон,
Нам в назидаение,
В утешение
Кем-то придуман был он.

Вырастет югучка, душою чиста,
Неба в глазах отражение,
В омуте синем, в светлых мечтах
Будет мое продолжение.

Жизни — кружение,
Судеб — сплетение,
Странный, но вечный закон,
Нам в назидаение,
В утешение
Кем-то придуман был он.

Встречи с увлеченными надо ли ждать?
Жизни земной — кружение...
Мак зацветет, где я буду лежать —
Чьей-то любви продолжение.

А жизни — кружение,
Судеб — сплетение,
Странный, но вечный закон,

Нам в наизидание,
В успокоение
Кем-то придуман был он.

2010

Поэма «О любви»

Хранительница девичьих секретов, маме —
Шмидтиной Марии Константиновне — посвящаю

Была девчонка влюблена
По-детски робко и наивно
В мальчишку с одного двора,
Но чувство было не взаимно.

Давно дружили семьи их.
И это было ей во благо:
Чтоб пообщаться забежать,
Причины выдумывать не надо.

А отношение его к «малышке»
Было чуть ипривым:
«Учи уроки — и узнаешь,
Что, значит, быть счастливым».

Да кто бы мог стерпеть такое!
Надменный, проучу тебя:
Твоим родителям открою,
Что куришь ты три дня!

(Каким вдруг «шелковым» ты стал...)

Ну, ладно, так и быть, прощаю.
Умею тайны я хранить!
Быть может, я теперь узнаю,
Кого бы мог ты полюбить?

И в доверительной беседе
Он ей признался: «Я люблю,
Кого? А кто в учебе лучший?
Вот то-то. Только — никому!»

Как жжет признание глаза!
Такого ты ждала ответа?
Бежит непрощенной слеза.
Как хорошо, что мало света...

Три года минуло беспечных.
Из детства, выпорхнув одна,
Она на первое свидание
Мальчишкой тем приглашена.

Да разве можно радость скрыть,
Когда душа, как птица, рвется!
И мама вслед тебе смеется:
Вернуться, просит, не забыть.

Как романтично это все!
Вдыхайте, старшие подружки,
Что, мол, пятнадцать ей еще,
А с нею парень — самый лучший!

И вот идут. О чем щебечет
Соседка юная с тобой?
О Грине. И о том, как славно,
Что принца встретила Ассоль...

— Малышка, по романам жить —
Довольно скучное занятие.
Озябла ты. Иди скорей
В мои горячие объятия.

Но поцелуй невинный твой
Ей слишком дерзким показался:
Ведь ты в любви ей не признался,
Навязывая опыт свой.

А у девочек свой запрет,
И что ты там ни говори,
Уж коли нет любви взаимной,
Нет! — поцелую без любви.

И дома, волю дав ссезам,
Шептала и мокрую подушку:
«Ты для таких свиданий мог
Найти доступнее подружку».

Да разве плохо было мне
Наедине с мечтой хрустальной?
Так пусть останется она
Навеки лишь моею тайной!»

В слезах уснула. Спи, дитя,
Ты я тайне только прикоснулась
И испугалась. Жаль тебя.
(Любовь печально улыбнулась.)

Но в той стране, куда стремишься,
Сжигают в пламени себя,
И возрождаются из пепла,
И утасуют не любя.

И не виновен пред тобой
Сосед, что так тебя тревожит.
Подумай, здесь ответ простой:
Любить по-детски он не может.

Не только разница в годах,
В том ваше главное отличие,
Что ты витаешь в облаках,
А он любовь земную ищет.

И я ему сейчас нужней,
Он должен сам в себя поверить...
При свете звезд мне путь видней.
Прощай, дитя, расти скорее.

Девчонка спит. И снятся ей
Приливы дивные морей.
Где волны, берега лаская,
Процалась с ними, в пене тая.

Порой о скалы разбивались
Те волны, превращаясь в пыль.
Из пыли радуги рождались
И светом море озаряли на много миль.

По ним в закаты и рассветы
Побывать не стоило труда.
Они так близко, словно это
У рек — родные берега.

А в лучезарном поднебесье
Бродит облако плавец.
Жизнь коротка его, как песня:
Привет последний свой найдет

В долине лунной, где река
Вздыхает горестно от жажды...
Вы видели, хотя б однажды,
Как умирают облака?

В приливах сплыв и отливах
Вам никогда б не побывать...
Но голос слышится: «Дочурка,
Тебе уже пора вставать!»

И в сон — святое откровенье
Она поверила всерьез.
И было светлым пробужденье
После вчерашних горьких слез.

Так из гнезда птенцов паникий
На мир испуганно глядит,
Но час придет — и птицей сильной
Он к самым небесам взлетит...

Бегут года исторопашно,
Девчонки милой не узнать:
Несет головку горделиво,
Мечтает педагогом стать.

Сливает в округе недотрогой,
Насмешливой и озорной,
Любимицей подруг — и все же,
Совсем немножечко, чудной.

Что ей ровесников признанья,
Когда вгушала всем давно,
Что стать невестой капитана
Самой судьбой предрежено...

Осталось где-то позади
Осенних красок полыхание.
Звенят последние звонки,
Пьянит черемухи дыхание.

И вновь сосед ее смущает.
В их доме частым гостем стал,
Хотя с последнего свиданья
Ее почти не замечал.

Красавец, молодой мужчина.
Что тянет к ней его опять
И заставляет, как мальчишку,
Ее капризы исполнять?

Он робок с ней — она смеется,
Глаза лукавые блестят,
Но лишь руки ее коснется —
Серьезным сразу станет взгляд.

Ей хочется самой увидеть
Туман над озером седой,
Что лизнул нежные головки
Скрывает бережно собой.

Ночных видений бесконечность
(Пока не царствует заря),
Купанок сонную беспечность,
Звезду, упавшую в поля...

И с ней, когда все люди спали,
Ушел в далекие луга,
Где прошлогодние стога
Полевым теплым домом стали.

Он очарован и влюблен,
Глядит на все ее глазами.
Конечно, верит, что рассвет
Ночь провожает со слезами.

Он видел сам: слезинки те
На лепестках цветов упали.
А люди в вечной суете
Их просто росами называли.

И в светлый миг очарования,
Очнувшись от недавних грех,
Слова заветные признания
Он ей, волнуясь, произнес.

В его глазах — любовь и страсть,
И сердце бьется учащенно,
Но велика любимой власть,
И ждет ответа он смущенно.

— Твоих я чувств не обману
(Она чуть слышно прошептала),
Но снять с себя хочу иную:
Я ждать любовь твою устала.

Из заколдованного круга,
Я знаю, выйти не дано.
В тебе я вижу только друга,
Нам вместе быть не суждено.

Из пепла не разжечь огня,
Где был ручей — там не напиться.
Не скоро замуж выйду я.
Ну, а тебе — пора жениться.

За приюту не осуждай:
Ты не достоин заблуждения,
Мой светлый сон — далекий рай,
Развевал прошлые сомнения.

Мне сердце жалость разрывает.
Твой бледный вид, потухший взор...
Но он прервал ее: «Закончим
Неужным ставший разговор.

Прости, я вижу — ты дрожишь,
Накинь скорей пиджак на плечи.
Что ты, родная, не тужи:
Любое горе время лечит».

От сигареты едкий дым
С туманом утренним свивался.
И лес, светлеющий, чужим
Им вдруг обоим показался.

И ставшей узкою тропой,
Скрывая горькое отчаянье,
Он проводил ее домой,
Сказав: «До встречи!» — на прощанье...

Обмелела речка. Подросли
В роще нашей стройные березы.
Там, где навсегда расстались мы,
Льет любовь, отвергнутая, слезы.

ДМИТРИЙ ТОККЕА

Родился в 1947 году в городе Харьков. Русская классика — счастливые открытые его школьные лет. Желание писать самому, родилось в студенческие годы, вместе с ним пришло и осознание невозможности жить без процесса творчества, без этого недоуманного, фантастического мира, описывающего реальную жизнь. Дмитрий Токкеа — автор книг «Новый мир», «Сеть веры».

Следы на карнизе

Hard blues

Лет десять тому назад я однажды проснулся на шиферной крыше старой пятиэтажки — «хрущёвки», как принято называть подобные дома. К счастью, утро было по-настоящему июльским, отчего я, если и ошиб, то совсем чуть-чуть, хотя на хромированной пружке моего ремня и на металлических пуговицах рубашки осели микроскопические капельки сгустившейся из рассветного воздуха росы. На разные голоса чирикали, свистели и ворковали обеспокоенные моим близким присутствием птицы, не давая мне вспомнить, как же я попал сюда, и мешая даже просто охватить разумом создавшееся неловкое положение.

А задуматься было о чём: крыша была довольно-таки покатой, и я неминуемо свалился бы с пятнадцатиметровой высоты, если бы не предохранительное ограждение из стальной арматуры, протянувшееся по всему периметру крыши того здания. Ну а за этим ограждением начинался плоский оцинкованный карниз, на котором явственно вырисовывались вжатые в кровельное железо следы чьих-то изящных дамских туфелек на шпильках. Удивительно и необъяснимо — даже если бы тут стекался размягчённый жаром асфальт, то и в этом случае масса отпрессовавшей их женщины должна была бы оказаться весьма немалой. Но на узком жестком карнизе, удерживаемом лишь продолжением деревянных стропил и тонкой дощатой консолью... Какое-то несоответствие прямо-таки мило на поверхность. Да и ножка, оставившая след, судя по отпечатку, являлась очень маленькой, словно там стояла миниатюрная китаянка, а не бабница в пару центнеров весом, способная штамповать такие вмятины.

Однако думать о двух загадках одновременно — о секрете моего появления здесь и о том, кто же оставил эти странные следы — моей раскалывающейся

от боли голове было утомительно до невозможности. И я сосредоточился на первом вопросе — вернее, на его предыстории.

Пил ли я вчера? Да, и немало. Но не настолько же, чтобы забыть обо всём — в том числе и о том, как и ранним июльским утром угодил на крышу пятиэтажного дома из белесого силикатного кирпича. А может, настолько? Ох, и этого я тоже не помню. Зато догадываюсь, что последние порции оказалась для меня явно лишней — она, что называется, переломила мне спину, как «ещё одна соломинка», добавленная к и без того уже немалому выюку, нагруженному на верблюда из давней притчи. И, что само собой разумеется, всё дальнейшее осталось вне зоны моего рассудка.

Но кое-что всё же запечателось в моём мозгу. Например, непривычно близкое звёздное небо и на диво полная луна — круглая, как серебряная сковородка. Но когда я видел всё это — ещё на земле, или уже пребывая на крыше — для меня оставалось неприступной тайной. То ли я сам кое-как добрался до ближайшего чердачного окна, повинувшись непредсказуемой пьяной логике, и уже из него выпал на шифер, то ли меня сюда кто-то и зачем-то притащил... При этой мысли мне стало слегка не по себе: вдруг меня попросту хотели злонамеренно лишить жизни, скинув наземь с жестяного козырька, и только счастливая случайность спасла меня? Однако чьи же это следы тогда — моего несостоявшегося убийцы или, что более вероятно, моего спасителя? Точнее, спасительницы — следы ведь выглядели безусловно женскими, ну а с обратного бока решётчатого ограждения меня можно было бы только удерживать от падения. Зато выталкивать меня наружу гораздо удобнее с покато́й части кровли, где подобные углубления от подошв и каблуков начисто отсутствовали. Но вот кто стоял за арматурной решёткой, по-прежнему не поддавалось разгадке. Лишь одно казалось бесспорным: то была женщина. Или молоденькая девушка, что сдавалось более предпочтительным: несмотря на то, что я и к тому времени уже вышел из романтического возраста, свежая девичья красота до сих пор не оставляет меня равнодушным. И мне лестно было представить, что ко мне прикасались нежные руки прекрасной тургеневской барышни.

Нежные ли? Судя по размеру ножки (где-то тридцать второй — по старой нумерации), там действительно витало едва ли не иллюзорное создание, но вот глубина отпечатков не очень-то вязалась с лёгким образом воздушной русалки. Ну и вообще странно: с одной стороны, чушь несусветная — с какой бы это стати простым городским девчатам по крышам бегать? Но с другой — не гипнопотам ведь наследил и даже не корова. Вполне можно сказать, обычные следы женских ножек — во всяком случае, на первый взгляд. Ну, на карнизе — а почему бы и нет? Хотя... Были бы то просто отпечатки на ошейной

пыли, а то ведь глубокие вмятины в сморщившемся железном листе, будто оставленные кузнечным молотом... Поразительно.

Но пора бы мне подумать и о том, как слезать отсюда. По влажноватому от утренней росы шиферу, к тому же обшитому по граням стыком такой же гладкой оцинковкой, как и отмеченный следами караваса, идти было трудно — как бы не поскользнуться и не брякнуться о бетонную отмостку дома или тротуар вдоль него. Мало не покажется... Однако и оставаться здесь до тех пор, пока поднявшееся солнце окончательно не осушит серую волнистую поверхность, казалось опасным: мало ли что могут подумать люди, узревшие над своими квартирами непрошеного гостя.

Сам не знаю как, но мне наконец удалось дотянуться до ближайшего слухового окна, похожего на домик прощедероспинного Кармсона. И вдруг и с ужасом обнаружила, что оно заперто на замок. Более того, многие признаки указывали на то, что оно не открывалось как минимум год, а то и все два.

«Значит, не отсюда я попал на крышу», — как-то не очень кстати проблала меня очередная догадка. В самом деле, какая сейчас разница, через это или не это окно занесла меня сюда неслёткая. Да пусть бы меня хоть с аэростата сбросили — пока я благополучно не спущусь вниз, всё это останется сугубо второстепенным вопросом.

Другое слуховое окно размещалось на скошенной торцевой вальме — вернее, два окна, поскольку торцов у дома тоже два. И, как назло, оба они находились далеко от меня, ибо я завис как раз посередине крытого шифером ската. Правда, существовала вероятность того, что по ту сторону конька есть ещё одно такое же окно, но не было никакой гарантии, что оно — равно как и оба торцевых — отомкнуто. Так что лезть туда по сырому асбоцементу было и не безопасно, и, не исключено, бесполезно. Нужно было искать другой выход из создавшегося дурацкого положения, и в моём расстроенном интеллектуальном аппарате лихорадочно запыряли различные варианты.

В частности, прокручивался и такой: тривиально сигануть к чёртовой матери в разверстую пропасть за карнизом, а там будь что будет. И он почему-то возникал чаще всех остальных, о которых — в силу их неосуществимости или же откровенной несуразности — и не упоминать не стану. Но, разумеется, и не решился использовать этот способ круто ускоренного спуска, о чём вы и сами, скорее всего, уже догадались — иначе просто некому было бы сегодня рассказывать вам о том случае.

Отчаяние понемногу пришлося овладевать мною. И вдруг... В перекрестье прямых и отражённых от окон лучей восходящего солнца я увидел чью-то парящую над домом полупрозрачную фигуру. Поначалу мне показалось даже, что это векий призрак, прилипшийся мне то ли от безысходности, то ли от

печального переоя. Но, приглядевшись внимательнее, я поняла, что нельзя данное действо объяснять столь примитивными причинами — нет, это не зрительная иллюзия и не белогоричное наваждение, а нечто гораздо более возвышенное. И даже, возможно, явленное вистину Божественным промыслом, в силу чего относиться к нему следует с подлинным благоговением.

Это был ангел. Или... Я не знаю, как сказать об ангеле в женском роде — «ангелина», что ли, однако пред моими глазами действительно предстал чудесный абрис молодой женщины, за плечами которой трепетало что-то размытое, похожее на жужжащие пчелиные крылышки. Зато во всём остальном моя ангелоподобная ниженю почти ничем не отличалась от большинства современных девушек. И даже одета она была так, что я, встретив её на улице, бесспорно, отметил бы и незаурядный вкус и великолепную фигуру пригожей незнакомки, подчеркнутую изысканным нарядом, но вряд ли принял бы её за гостью из параллельного, перпендикулярного или потустороннего мира. А вот сейчас у меня не оставалось ни малейших сомнений в том, что она прислана сюда една ли не волей самого Всевышнего. Но зачем — покарать меня за какие-то прегрешения или возвестить мне добрую весть — было неизвестно. И оттого анюбящий колодок ищерицей пробежал у меня по спине — не исключено ведь, что я провожу на земле свои последние секунды. Прячём провожу бездарно.

Но девушка-ангел, заметив моё смтение, приветливо улыбулась и промолвила мягким ласковым голосом:

- Не бойся меня, Дима, я не собираюсь причинить тебе ни малейшего вреда.
- Вы знаете, как меня зовут? — спросил я, пытаюсь унть предательскую дрожь.
- Ничего удивительного — ведь это я сопровождала тебя с того самого мига, когда ты вознамерился посетить свою старинную подругу.

И тут я вспомнил. Не всё, конечно, однако достаточно для того, чтобы хоть как-то заполнить пустоту, царящую в моем полубоморочном сознании. Сама собою нарисовалась картинка, на которой я чокаюсь полипропиленовым стаканом со лбом случайного собутельника и говорю ему:

- А ты знаешь — у меня здесь неподалёку жила когда-то одна хорошая знакомая. Можно даже сказать, моя несостоявшаяся невеста...

Так, значит, это её дом? После того рокового стакана в моей памяти наступил абсолютный провал, и я безнадежно забыл, что же я делал потом, но смею предположить, что я избрал сюда, надеясь на возобновление дружеских или каких-то иных отношений: «А вдруг она до сих пор живёт там?» Но почему я не вошёл и подъезд? Может, там установлен групповой замок с домофоном? И вот вам ещё одна версия — то ли я не раскинул по этому домофону познать

и называть себя, то ли он сам по какой-то причине вышел из строя, но я полез на крышу по угловому водостоку, рассчитывая оттуда проникнуть на балкон четвёртого этажа... В том состоянии, в каком пребывал и вчера вечером, возможно, пожалуй, всё — даже невозможное по определению. А моя эфирная собеседница меж тем продолжала:

— Да, ты действительно взобрался на крышу и попытался перелезть через защитный барьер. И если бы я тебя не удержала, ты неминуемо свалился бы с карниза.

— А вы кто — мой ангел-хранитель? — спросила я, набравшись смелости.

— Нет, такого ангела ещё заслужить надо, — ответствовала прекрасная сивьфида. — А я — просто святая Луиза.

Я не только искушённый специалист в толковании священных текстов — как канонических, так и апокрифов, и потому до сих пор не знаю, чем прославилась эта самая Луиза и за что она была причислена к лику святых. Однако я сразу испытал к ней чувство искренней признательности. Да и как иначе — она спасла мне жизнь или, по крайней мере, избавила от познательной индальности. И я ещё раз, но уже более внимательно рассмотрел парящую в утреннем воздухе непорочную Луизу.

А она и впрямь была потрясающе хороша собой. При этом красота её отличалась какой-то особой — «не нашенской» — статью. В любом случае она разительно отличалась от подавляющего большинства тех персон женского пола, которые ныне считаются у нас эталоном шарма и гламура — фотомоделей, манекенщиц, «рублёвских жён», эстрадных певицек и прочей беспородной нечисти с повадками дорогих потаскух. Я уже говорил, что одежда её была подобрана с непревзойдённым вкусом — собственно, вся она состояла только из винтажной блузки с коротким рукавом, живописного платочка на шее и аккуратно обтягивающей юбки, но как это всё было преподнесено! Минимум ювелирных украшений и косметики приятно удивляла, ну а дивная причёска невероятно гармонизировала с нависающим над ней жемчужным обручем нимба.

И, наконец, я обратил взор на обувь деви-небожителя — чарующе стройные ножки обрамляли инкрустированные блестящими стразами босоножки на фантастически высоких каблучках, похожих на тонкие и острые стилеты.

Но всё равно оставался вопрос: как же эта практически невесомая Луиза сумела вдавить такие глубокие следы, не сломав при этом сам карниз? И не на тонкой фольге, а на миллиметровом листовом железе... А она, как бы уловив мои сомнения, ответила почти беззвучно:

— Ты, Дима, ко всему привык подходить с материалистических и мирских позиций. Вот и сейчас ты применишь правила сопротивления материалов, не понимая того, что для меня каждый металл, природный минерал или

искусственный камень может стать таким же податливым, как для тебя пластилин. И я свободно леплю из этих веществ любые формы, которые мне уютны или симпатичны — включая даже и скульптурное изваяние тебя самого. Ваши принципы теоретической и прикладной механики не властвуют в нашем мире, но если тебе необходимо рациональное объяснение случившегося, то пожалуйста: представь себе, что я, прикасаясь к железу, делаю его мягким и пластичным, будто у меня всегда при себе портативный кузнечный горн с невидимым и неогдушаемым пламенем. Доступна ли тебе подобная аналогия?

— В общем, да — я кое-что слышал и о холодной плавке металлов. А замёрзший огонь даже видел сам — во сне...

— Примерно так. А если учесть, каких усилий мне стоило, чтобы удержать тебя от падения, то не мудрено, что я буквально увязла в этом карнизе, как в болотной трясине.

— Безмерно благодарен Вам за это, дорогая Луиза — иначе меня уже соскребали бы с тротуарного бордюра, как собачью какашку! Но я буду ещё более признателен, если вы поможете мне без потерь очутиться на земле.

— Нет уж — ты сам сюда забрался, изволь сам и спуститься.

— Так что же, я должен снова лезть по водосточной трубе?

— А у тебя есть выбор?

Тут я вспомнил о своём нереализованном желании прыгнуть с крыши и сказал:

— Да, есть.

— Об этом и не думай — я не собираюсь в очередной раз выручать тебя. Достаточно и того, что ради твоего первого спасения мне пришлось нарушать фундаментальные законы физики — да и природы в целом. А ведь их учреждал сам Господь Бог — хотя бы для того, чтобы в этом несовершенном мире оставалось хоть что-то устойчивое и стабильное.

— Понимаю, я и сам предпочитаю стабильность. И я также очень законопослушен...

— И потому ты ночами лезешь по крышам?

На это мне ответить было нечего. И я смущённо промолчал, не сообразив вовремя, что, если пресловутая Луиза всё же была сверхъестественным существом, ей ничего не стоило прочитать и мои сокровенные мысли.

И тут же под мою черепную коробку просочился чей-то эфемерный до противности голосок:

— Не ты по крышам лезешь — это у тебя крыша поехала...

— Кто это?! — завертел я головой, отчего тучка надоедливых насекомых, окружавшая меня доселе, заколыхалась, будто оживший дым, и растворилась в сквозистой тишине. — Луиза, скажи ему, что это не так!

А солнце поднималось выше и выше, и в его разгорающемся сиянии ангельское изображение очаровательной девы становилось всё более размытым. И я, испугавшись, что она исчезнет окончательно, закричал изо всех сил:

— Не уходи. Луиза, пожалуйста, не уходи!

— А я нигде и не собираюсь уходить, — внезапно откуда-то снизу раздался в ответ чей-то женский голос, разительно отличающийся от небесного контральто моей полупрозрачной собеседницы.

Я растерянно оглянулся по сторонам, а затем снова посмотрел туда, где должен был находиться ангельский образ. Но святая Луиза тоже словно испарилась, взяв пример с комариного рож — на её месте контурно очертилось лишь едва заметное облачко из разноцветных геометрических фигур, подобных осколкам ёлочных игрушек, распыляющееся к тому же буквально на глазах и медленно исчезающее из виду. А из-под карниза раздался ещё один удивлённый вопрос:

— Да и вообще — кто тут меня зовёт?

Я поднялся к барьеру и заглянул за жестяную кромку. Из окна четвёртого этажа высовывалась голова женщины средних лет, с изумлением глядящая вверх — прямо на меня. И я не нашёл ничего лучшего, кроме как сказать:

— Здравствуйте, это я.

— Кто это «я» и как вы там оказались? — интонации неведомой женщины становились раздражёнными и даже угрожающими.

И тут я обратил внимание на то, что окно, из которого торчала голова в папиальотках, принадлежит именно той квартире, где жила некогда моя хорошая знакомая — ну, почти невеста. Так неужели это она и есть? Не похоже — та была потрясающе красивой, а эта... Даже время вряд ли способно так исказить облик человека. Но на всякий случай я представился:

— Я — Дима. А вы меня случайно не узнаете?

Женщина внимательно посмотрела на меня, а затем ответила уже более миролюбиво:

— Да, припоминаю — ваш карандашный портрет был нарисован на обоях спальни, когда мы сменили прежних владельцев квартиры. Но при первом же ремонте мы его заклеили.

Тут пришла пора изумляться уже мне. Я неоднократно бывал в той спальне, но никакого портрета на обоях не замечал. С другой стороны... Прошло столько лет, и многое с того времени могло измениться. И даже не раз. Так что там вполне мог сначала появиться мой портрет, а потом исчезнуть... навсегда.

— А вас действительно зовут Луизой? — поинтересовался я как бы между прочим.

— Действительно.

— Редкое имя — для наших широт, естественно.

— У меня отец из местных, а мать — с Кавказа. А в таких смешанных семьях принято называть детей Эльзами, Эдуардами, Альбертами и тому подобное. Так что Луиза — это ещё и не самое худшее из возможных.

— Наверное, так оно и есть. А кто до вас жил здесь? — от волнения я даже забыла имя своей бывшей возлюбленной.

— Вы думаете, я их знаю? Через агентство по недвижимости я купила эту квартиру, которую приватизировали её бывшие владельцы. Но их я видела всего один раз. Помню только, что это была довольно ещё молодая дама с сыном лет этак пятнадцати. И, судя по тому портрету и даже по вашему нынешнему облику, это была и ваша мать.

— Не может такого быть!

— Это уж вам виднее, может или не может...

— А где они сейчас живут? — чуть ли ни вскричал я.

— Помнить не имею. Но что это мы с вами так странно разговариваем? Спускайтесь сюда, а то на нас уже прохожие смотрят.

Раньше мне бы ничего не стоило добраться с крыльца до её балкона. Не хочу сказать, что я отличался особыми акробатическими способностями, однако в детстве и отрочестве, при моём тогдашнем воробьином весе, я довольно ловко лазал и по деревьям, и по ажурным конструкциям различных вышек. Сейчас, правда, я несколько отжеледел, но мне всё равно далеко до многих моих сверстников, выглядящих не в меру солидно и даже грузно. И потому я решил рискнуть, подосмысленно надеясь, наверное, что святая Луиза вновь поможет мне.

Мне повезло — по крайней мере, в том, что балкон пятого этажа оказался неостеклённым. Ещё одно везение заключалось в том, что меня там никто не застукал. Я представляю, что сделали бы хозяева, застав на своей территории чужака. Или даже просто увидев в окне чьи-то свесившиеся с карниза ноги.

Перелезть оттуда на этаж ниже оказалось куда более трудным делом, но я справился и с ним — бывшая споривка пока ещё не покинула меня бесповоротно, а увеличение массы компенсировалось какой-то волшебной удачливостью. И вот уже я стою у цели — у балконного проёма, ведущего в давно знакомую квартиру.

Луиза щёлкнула засовом, распахнула дверь, и я с какой-то несомненной тревогой перешагнул через узкий деревянный порожек. В комнате уже не оставалось ничего такого, что напоминало бы мне о прошлом. Стандартная мебель, музыкальный центр на тумбе-подставке, хрустальная люстра под потолком... Но никакого намёка на художественный кавардак, господствовавший здесь во время оно, не обрисовывалось даже в штрихах.

А Луиза произнесла уже совсем дружелюбно:

— Вы не продрогли там — на крыше? Может, выпьете чего-нибудь?

Интересно, что намеревается она предложить мне? Если горький кофе или чай, то я, пожалуй, откажусь — не того жаждала в тот миг моя страдавшаяся душа. Но прозорливая «Луиза Вторая», усмехнувшись, предложила мне нечто совсем иное:

— У меня в холодильнике осталось немного бренди. Вам сейчас это как раз бы и не помешало...

На мигновение мне показалось, что передо мной снова всё та же небесная Луиза-спасительница, только немного постаревшая — моё состояние тогда было настолько плачевным, что глоток спиртного казался мне чуть ли не избавлением от неминуемой смерти. И я покорно последовал за хозяйкой на кухню.

После первой же рюмки я заметно оживился, а закусив её бутербродом с ветчиной, вообще воспрянул духом. И даже Луиза, невзирая на домашний хаос и шлёпанцы, стала казаться мне куда моложе и привлекательнее.

Кроме того... Я начал сомневаться в том, что она и в самом деле не та избалованная ветреница, которая когда-то так нравилась мне, и поневоле думать, что женщина сама попросту дурачит меня. Конечно, та была значительно подвижнее и раскованнее, да и её творческой натуре был бы чужд идеальный порядок, брошенный, безпреувеличения, в глаза теперь. Но ведь люди меняются с годами — и не только внешне. Правда, мою прелестьницу из прошлых лет звали отнюдь не так, как нынешнюю хозяйку — и по-прежнему не мог вспомнить её имени, однако твёрдо знал, что это не Луиза. И всё же... Если можно смеяться фамильярно, то чем же в таком случае сакральнее или неприкосновеннее само имя? Я уже приблизился к возрасту, когда приходит убеждение в том, что в мире нет ничего постоянного, и ничуть не удивился бы, если бы достоверно узнал, что именно эту Луизу при крещении нарекли как-либо иначе.

Но я не стал допытываться, так как это, во-первых, было нескромно, а во-вторых, если бы исчезла тайна, то пропала бы и интрига, ну а известно этого в квартиру бы вошла бледная скука. Если Луиза и впрямь не та, за кого теперь себя выдаёт, это её дело, и не мне беспардонно вторгаться в чужие — тем более женские — секреты...

Часа через три я ушёл отсюда прочь. Уже не через балкон и крышу, а как все нормальные люди — сквозь входную дверь — и вышел на лестницу, а оттуда потопал к подъездному portalу, на котором действительно был установлен неисправный кодовый замок. В голове чуть-чуть позванивало, в глазах слезка двоилось, но я почти твёрдым шагом двигался к троллейбусной остановке — меня, очевидно, снова вела одна из Луиз. Но вот какая именно из недавно

встреченных, я не знал — возможно, как я уже говорил выше, это была одна и та же особа, только по-разному воспринимаемая мною в разные минуты.

Однако мне уже пора было ехать домой — вернее, в дом к моей маме, где я тогда временно останавливался. И я сел в наполовину протрапавший троллейбус, складные двери которого с шипением захлопнулись за моей спиной.

А на следующий же день я уехал — я забыл упомянуть ранее, что давно живу и работаю очень далеко от места моего рождения и последующего взросления, ну а сюда приезжаю весьма нечасто, предпочитая проводить отпуск горадо южнее. Но в тот раз я всё же на недельку вернулся на родину, где с некоторым разочарованием обнаружил, что растерял практически всех друзей своей прошедшей юности. Видимо, боязнь одиночества и потянула меня к давней подруге, но и там, что несомненно, на меня обрушилась неудача. А может, и нет — моё иррациональное приключение, скорее всего, надолго отложится в моей памяти. Так что всё, что посылает нам Бог, является благом — даже если нам самим на данный момент это вовсе не очевидно.

Ни разу с тех пор мне больше не являлась святая Луиза — то ли обиделась за что-то на меня, то ли ещё по какой причине... И вот буквально вчера я опять очутился в родном городе. А уже сегодня я приехал к той самой пятиэтажке — сейчас сюда прямо от центра ходит маршрутное такси. Я подошёл к дому и посмотрел на знакомый и дорогой мне когда-то балкон. А он оброс каркасом из пластиковых рам со стеклопакетами и противомоскитной сеткой, так что забраться туда снаружи было бы сейчас невероятно — ну, разве что сокрушив наповал все рамы. Но у меня о подобном уже не возникло бы и мысли — я стал и старше, и неповоротливее, и осторожнее. Я ещё раз взглянул на тот балкон и на окна рядом, надеясь увидеть там силуэт таинственной Луизы, но ни малейшего движения за стёклами не наблюдалось.

И вдруг мой взгляд упал на карниз, нависающий как раз над тем рядом балконов. И я увидел, что в крошечном железном по-прежнему известном просматриваются филигранно очерченные следы ангельских ножек в туфельках на тонких шпильках — даже с такого расстояния они отчётливо выделены на мышастом фоне. Так, значит, всё это не было похмельным бредом? А может, он продолжается и доныне и меня пора уже выбрасывать на спалку?

Я развернулся на сто восемьдесят градусов и пошёл обратно к остановке маршрутки. Что нового я смог бы поведать Луизе, даже если бы набрался смелости и вошёл бы в ту квартиру? Пожалуй, ничего.

Pohjoinen seutu

Край озёр необозримых,
Край поэзии певучей,
Край лесной, неповторимый...
Есть ли в мире место лучше?
Песнь кукушки златогрустной,
Словно маятник, шагает
По векам, как по секундам...
Вот истории живая!
Воскресает в сказках древность,
Ручейки поют нам руны.
Сохраните песням верность —
Песням древним, вечно юным.
Кантеле струится звуки
В воздухе прохладно-чистом,
И могучий старей Укко
Плачет снетом серебряным.
Камнями сынов отважных,
Вяжёмся к ним песни
Видю я в кареле каждом,
Слышу в речи их напевной.
Будет мной не раз воснето
Карьялы прекрасной имя...
Mistä tämä runo kertoo?
Se on tarkka hyväsiel

Рыцарь в белых доспехах

На синих финских берегах
Родился предок мой далёкий,
И там же в праведных трудах
Провёл он жизнь по воле рока.
А может, что скорей всего,
Он мыслям Бога подчинился,
Свой видел долг и оттого

На хмурой родине остался.
Мой пращур славу заслужил
Добросердечьем и отвагой,
Мечом дорогу проложил
Кресту и рыцарскому флагу,
Но меч его не сёк голов...
Он — крестоносец винпурский,
А не чухонский рыболов,
Иль трубочист Санкт-Петербургский,
Железный шлем, фамильный щит,
На коем был девиз начертан —
Преданье вряд ли умолит
О славе герра Адальберта.
Хоть от природы был суров
Тот рыцарь в снежно-белых матах —
Певец начал, творец основ,
Любимец ангелов крылатых,
Однако он лишь Бога свет,
А не жестокости и злобы,
Нёс людям — будь то финн иль швед —
Их озарила Вера чтобы.
Пусть трудно славный герб нести
Нам — слабым витязя потомкам,
Пусть благородство не в чести
Под панцирем достоинства тонким.
Но мы поднимем этот герб,
Как воин поднимает знамя,
Поднимем, чтобы дух окреп,
И крест святой остался с нами!

Усреднённый харькованин

Национальность — украинец,
Автокефал и униат.
Немногожко грек, чуть-чуть маринец,
Слетка поляк и чеху брат.
Зырянский глаз, а нос армянский,
Язык великорусский, но

Андез картато-слобожанский,
Где слов смешных полным-полно.
По матери он — серб татарский,
Но русский немец по отцу,
И палочками — по-китайски —
Он ест еврейскую мацу.

Мёртвый вальс

Слово красиво, и слог упруг,
Сложен и образен стих,
Краски волшебны, мой милый друг,
Стиль совершенства достиг
В этот миг!
Этот изысканный тонкий стиль,
Привных слов аромат;
Воздух прозрачен на сотни миль
Вокруг небесных врат
В этот сад.
Пусть от недоброй молвы
Отражены будете Вы.
Люди толпы не правы,
Мысли мертвы,
Словно стерли травы.
В небе вечернем звезда...
К ней не дойти никогда.
Смяты и дни, и года.
Скажите: «Да!»
Навсегда.

Кузница змеиного царя

Покухли поля испепелил,
Горячая почва в трещинах,
Гора из базальта дымится,
Как арка ворот в ад обещаний.

В горе той пролом пещерный —
То вход в подземелье узится.
Гудит тяжело пламень черный —
Монархов эвенных там кузнца.
Здесь малое зло куётся,
Но там и большое отковано.
И сделан тут меч полководца,
От подвигов чьих так хреново нам.
Толпе — не считите за бредни —
Куётся другое оружие...
Отточен и мне намедни
Клинок, что и даром не нужен мне.
Там даже дороги пока что
Видны меж зубов промежутками...
...Никто не поверит, как тяжело
Брести теми тропами жуткими.
Сквозь скалы пройти невозможно,
Каких бы то сил ни стоило —
Граница видна, и таможня,
И страшных драконов стойло.
На страже кузнечного горна
Стоит те драконы безродные.
А главный Горыныч из горла
Льёт струи огня голодного.
Скользят по земле вражья сила,
К которой во мне нет доверия.
И тьмою злоедей укрыла
Страну тех рептилий империя.
Здесь много людей томилось...
Так много, что часто хочется
Принять — как подарок, как милость —
Хоть капельку одиночества.

Тром-колдун

Был ли город-городок?
Был он близок или далёк?
То нам точно неизвестно,

Потому и интересно.
В городке том — там и тут —
Жил обыкновенный люд:
О погоде говорили,
Кашу манную варили,
Ели мясо, пили мёд...
В общем, сплошь простой народ.
А на праздник с водкой бочку
Царь выкатывал на кочку
Ту, что в центре городка:
«Пей, народ, по три глотка!»
После водки пили вино,
Словом, жили там счастливо:
На работу все ходили,
Сыновей своих женили,
Ну, и замуж дочерей
Выдавали поскорей.
Те детьми обзаводились,
С ними бабушки возились.
На колясках, на скамейках —
Вот примерные семейки.
Жизнь текла там, как река.
Всем казалось — на века.

Прегрубствие

Не бойся смерти, жизнь страшнее...
Ведь там — всего лишь пустота
Иль мир загробный, что милее
Надеждам нашим.
Мера та
Поступков жизни пошлой, грешной
И станет явною ценой,
Что платим мы за путь успешный,
Пусть не всегда во всём прямой.
Не верю, что Творец всеславный
Небытием всех наградит —

Ответ держать придется главный,
Лишь срок небесный протрубит!
Хоть кто-то даже пламень ада
Предпочитает небытию...
Открыта в вечность анфилада;
Чем душу оправдать свою
Пред Бога зоркими очами,
Где нет секретов, тёмных тайн?..
Кто думал в молодости?
Нам
Разыгран только первый тайм.
Да и не только перед Богом
Придется нам держать ответ —
Ведь людям зла успели многим
Мы сотворить за столько лет!
Всех встретим там, пробьёт лишь время,
Не скрыть своей вины от тех,
Кто нес обиденны с нами бремя.
И станет явным тайный грех.

ИВАН ЦУПРИКОВ

Родился 27 августа 1962 года в г. Саки Крымской области. Главный редактор объединенных газет службы по связям с общественностью ООО «Газпром трансгаз Югорск». Награжден орденом Красной Звезды — за участие в боевых действиях в Афганистане. Член Союза писателей России. Автор более 100 рассказов и статей и двух книг. Неоднократный победитель конкурсов, и номинации «Золотое перо «Газпрома», ежегодно организуемых журналом «Литературный факт».

И такое бывает

Светало. Тропка в болоте-нахоженная, но идти по ней нелегко, особенно там, где из рыхлой и проваливающейся в нем по колено, и поэтому, чтобы не зачерпнуть в сапоги воды, на полшага ступаешь, где влево, где вправо, на кочки, поросшие голубикой, багульников. Но это тоже не облегчает путь: то под сапоги попадают корявостица — спотыкаешься о них, то ноги глубоко проваливаются на подушках кочек, и, чтобы не упасть, ловишь равновесие. Да, так еще даже тяжелее идти. Ладно, шел бы пустым, а ведь на тебе рюкзак со снастями и едой плюс двухместная резиновая лодка, килограмм под двадцать, если не больше, в руках удочки, весла. Все-таки легче идти по нахоженной тропке, и возвращаясь на нее.

Вот жизнь, а... И что людей тинет на это озеро? Оно расположено посередине болота, в полутора-двух километрах от леса, который тоже нужно от дороги пройти, местами через мелкие заросли кустарника малины и шиповника. Это не менее сорока — пятидесяти минут, а может, и больше. Когда как.

Болото, правда, здесь не опасное, оживает только весной и осенью, во время таяния снегов и дождей, а к середине лета подсыхает, но не совсем. Но летом мало смельчаков здесь порыбачить, из-за хозяев болота — мошки да комаров. Их здесь целые туманы, и не то что дышать не дают — давишься ими, а просто невозможно выдерживать их атаки.

Нет, об этом лучше не вспоминать, вся антикомариная мазь, намазанная по твоему лицу, шее, рукам, быстро смывается потом, водою, и начинаются испытания. Рой насекомых, окружающий тебя, набрасывается на открытые части тела: комары начинают прокусывать кожу и сосать кровь, а мошка,

пропалзан под одежду, срезая своими резаками, как фрезами, защитный верх кожи, поедает всего тебя, по-другому и не скажешь. И все в целом, начинается такая жуть — не описать, и трудно найти человека, который сможет долго выдержать себя в роли снежного шашлыка. Кто час, кто два-три, по крайней мере — четыре может выдержать, но во что он после этого превращается?

А вот сейчас уже самое время порыбачить здесь — середина сентября. Похолодало, мошка исчезла, комара стало намного меньше, и твоя кровь его уже не интересует, а только — травинный сок. Единственный, кто может сейчас попутить рыбака, так медведь, кормившийся ягодой, — клюквой, усыпанной болото, голубикой, а на маленьких островках и брусничкой. Но с человеком, который любит собирать здесь ягоду или рыбачить, он встречаться не любит, старается уступить ему свое место, переходит подальше. Правда, не всегда. Если лето засушливое и ягоды мало, медведь опасен, может не только попутить...

А вот группы людей он все равно побаивается, поэтому люди поодиночке стараются сюда не приходить.

А в этом году нигде и порыбачить, виной тому — долгий летний сухостой. Реки обмелели, рыбу в небольших лесных ручьях теперь можно ожидать только в ноябре — декабре, в снежное время. Из-за этого из Безземельного глубоководного озера рыба уходит и не собирается. Говорят, некоторым удавалось брать здесь язя кружного — килограмма на три, двухкилограммового окуня, щуку с пуд. Только начинаешь думать об этом, слюнки текут. Была бы только удача.

Хорошо, мало кто знает, как сюда можно пробраться, а кто знает, не всегда готов так потрудиться, пройти пять-шесть километров до озера, через лес и болото. Это тоже хорошо: чем меньше народу, тем больше кислорода.

Все, я устал, пот рекой течет по спине, животу, особенно по лицу, глаза до невозможности щиплет от него. Надо остановиться и подождать ребят. Блин, а они где? Как будто им, кроме чаю, больше ничего не надо. Блин, ну кто так делает, а? Ведь все знают, что нужно, сейчас только и будет самый цымес — утренний клев, когда рыба еще только просыпается, голодная, холодная вода ей особый аппетит придает, и она быстрее старается набирать, как и тот медведь, жирка, чтобы зиму было легче прожить.

Все, хватит, нужно постоять. А может, скинуть с себя теплую куртку и остаться в демисезонной? Это точно, погоду синклитики обещают сегодня теплую, около пятнадцати градусов, без дождя, с небольшим бризом. Где же остановиться? Ага, вот у того куста. И почему они здесь так редко растут? Стащив с себя миджу, кладу ее на большую кошку у кустарника, на нее скидываю рюкзак и вот наконец снимаю ватник. Развешиваю его на толстых ветках кустарника, а сверху надеваю шапку. Все, назад буду возвращаться — заберу.

Фу-у! Теперь можно и постоять минутку-другую, остыть. Так, хватит, уже становится светло, жалею терять время, надеваю рюкзаки, лодку, беру удочки с веслами, и все! Вперед, только бы побыстрее добраться до озера. Вперед, вперед и только вперед! Мужики придут, а у меня изей уже с десяток будет в лодке биться...

Сколько шел, наверное, с полчаса, не меньше, и вот он, долгожданный берег. За тем кустарником есть небольшая полянка, прямо на буторке, самое место, чтобы лодку собрать и накачать. Какая красота, озеро чистое, без волны, и рыбаков еще нет.

Лодку спускаю на воду, легкие волны пошлал от нее вкрутовую, делаю несколько гребков веслами и, отодвинувшись от берега, начинаю уплывать в его северную часть, где впадает в него ручей. Это нужно сделать побыстрее, пока ребята не опередят, и выбрать то самое место, где будет лучший клев. Останавливаюсь, бросаю подальше от лодки спиннинг с легким твистером — золотой рыbkой и плыву недалеко от берега, здесь глубина небольшая, и у травы поутру часто стоит окунь, щука. Точно! Сильный удар по воде, и какая-то рыбина начинает всяко сопротивляться, аж лодку заводитела. Здорово!

Начинаю работать катушкой и подтаскиваю рыбку поближе к лодке, вон как леска разрезает воду, идет как нож по маслу, хорошо — вовремя собрал подсак. Кто же там мне попался? И изумлению не было предела, когда в подсак попался огромный, неподдельный изнежд, килограмма на полтора-два, а может, и больше. Достав его и рассмотреть не могу, редкий улов, на наших речках самого большого брал килограмма под полтора. А вот такого!.. Опускаю рыбку в сумку, набираю в нее воды и закрываю молнией, чтобы рыба не выпрыгнула, и продолжаю свой путь.

Метров через пятьсот — ручей, спокойный, входит в озеро, веси на себе редкую опавшую листву, веточки. Становлюсь метрах в пяти от его русла, бросаю два якоря, все — можно начинать.

Жирный огородный червяк окутал весь крючок, опускаю его на глубину на три метра. И глубину угадал, перьевой поплавочкой спокойно поднялся и не тонет — значит, будет удача.

Тишина. Разбираю второе удилище, навешиваю леску, креплю катушку, посаженного червя и закидываю удочку с другого края лодки. Все, можно и подождать. Сумку с изем застываю под доску, на которой сижу, и дальше, ближе к носу лодки, чтобы не мешала.

Легкий ветерок начинает обдувать взмокшее лицо, шею, и от чаю не стоит отказываться, настоящего на листьях смородины. Наполню крышку термоса этой жизнеутверждающей влагой и делаю первый глоток. Одно наслаждение. Еще глоток, и вдруг долгожданная поклевка. Да... непростая.

Вовремя успел схватить удочку под катушку и потянуть на себя, одной рукой с рыбиной не справиться, и не смотря куда, куда-то под ноги, ставлю крышку термоса с чаем и начинаю бороться с озерной хозяйкой. Только бы не пошла под лодку, это все, обрыв. Но пока везет, уходит левее, начинаю работать катушкой, поднимая из водной глубины рыбу. Вот она, нет — вот он, это настоящий горбач, окунь не меньше килограмма. Главное, не торопиться, главное, не торопиться, а потихонечку, потихонечку, где же ты мой подсачок? Ага, вот он, надувал его и потихонечку опускаю сачок в воду и завожу в него сопротивляющегося окуня. Фу-у, есть еще одна рыбина.

А какой он красавец, вот это матрос, матросище, темный, еле различаются на его чешуе черные и темно-зеленые полосы. А какие у него огромные плавнички-перья, на солнце ярко-красные. Крепко держу его за наджаберные крышки, чтобы не уронить этого горбача на дно лодки, в божани, чтобы не проколол его.

Ну, все, теперь и он в сумке. И только успел надеть нового черня на крючок и забросить удочку, как почувствовал мощный удар дретка другого удильщика по колену. Начинается новая борьба с неведомой рыбиной. Удильщик согнулось, что путает меня не меньше: выдержит ли, не сломалось бы. Но спасибо рыбинке, что не пошла под лодку, а в сторону ручья, теперь пора подтягивать ее. Так, вот так, но эта рыбина и не думает поддаваться, а вовсе продолжает бороться, таща за собою меня вместе с лодкой, и если бы не якоря, то трудно сказать, к чему это могло привести.

К чему? Никогда думать, нужно бороться. Что же это за рыба? Неужели язь? Этот парень готов часами бороться за свою жизнь. Пусть и не часами, но нервы попортит надомго. Ага, вот-вот удалось на пятнадцать-двадцать сантиметров подтащить его поближе к себе. Ага, вот и полегче стало, можно еще сделать пару оборотов катушки, так. Ага, а вот и он, этот исполин, вот его огромная пасть вышла наружу из воды. Рывок, но уже не такой сильный, устала рыбина. Еще рывок, главное бы — удержать его. Та-ак, а теперь аккуратненько его заведем в подсак. Та-ак, вот ты и поймана, моя прекрасная рыбка.

О-о! Да это язь! Его темно-серебристая чешуя заиграла на солнечных лучах. Фу-у, удача! Сегодня мой день.

Осматриваюсь по сторонам, на озере еще никого нет. Хм, поддесятого, интересно, что могло остановить Юрку с Мишвой, трудно сказать. Рыбаки заядлые, почти каждый выходной срываются на рыбалку, и не просто рыбаки, а профессионалы, разработали свой рыбацкий лунный календарь, точно знают, когда и какая рыба будет хорошо ловиться, какая нет, и почти не ошибаются. А сегодня, как говорил Юрка, универсальный день: все, что плавает, будет брать. И вот тому доказательство — два язя и окунь. А теперь скажите, что может их удержать, даже в голову никакие мысли на эту тему не лезут.

Пять минут тишины, видно, стаю отошла, напутана. Ладно, где мой чай... Нащупываю под сиденьем крышку от термоса, она перевернута. А как по-другому может быть, двух рыбин вытащил, не заметил, как и перевернул ее, то ли сумкой, то ли ногой. Ладно, подождем, подождем, подкормим это место горохом с манкой. Так, крупа дождинками крошится в воде. Хватит.

Покой на озере. Слышно, как трется упавшее в воду весло о бок лодки. Вот поэтому, видно, и рыба напутана. Ну, ничего, килограмм шесть в сумке уже есть, даже не верится. Не зря согласился с ребятами ехать на рыбалку на Безымянное озеро.

И вот наконец-то дернулся поплавок, так летовечко, что-то пробует на вкус черня, а может, какая-нибудь рыбка, проплывая рядом, задела леску своей чешуей или плавником. Только сколько раз себе напоминаю, что нельзя говорить рыбка, а то, как скажешь такое, так сразу мелочь пойдет. Нужно говорить, рыба... Стоп, поплавок нет. Подсекаем, что-то зацепилось, та-ак, та-ак, ты ты, я ж говорила рыбка, вот и получила ее. На крючке бьется небольшой окушок. Ничего себе небольшой, грамм на триста-четырееста, это не мелочь, хотя как сказать.

А вот и другой поплавок заходит! поднимаю, упал на поверхность воды и... есть! А это уже не рыбка, а — рыба! Поплавок так и не удается вывести на уровень поверхности воды, какая-то неведомая сила утаскивает леску все глубже и глубже, затягивая за собой конец удильца, и... Удочка, буквально, пружинно выскакивает из воды и за ней, около сорока сантиметров оборванной лески, она болтается на конце удильца.

Да-а, и такое бывает. Рукою изду сзади рюкзака, вытягиваю его, достаю кулек со снастями и начинаю ремонтировать удочку. Солнце уже значительно поднялось, греет. Правильно, что не потащил с собою ватник, а оставил его на середине болота, а то он бы мне здесь, в лодке, только мешал. Сейчас бы изволок его в рыбьей чешуе, грязи...

...И вот опять долгожданная поклевка. На этот раз язь поменьше, с килограмм. С килограмм! Нужно радоваться такой добыче, а не пудничать, сравнивая его с предыдущими язями. А вот и новая поклевочка, на новую удочку. Вот как забегал по легкой волне поплавок-бочонок, это, наверное, точно — мелочь, окушок, грамм на триста. Ну, ничего, на уху пойдет, да и на жаркое, сладкая ты моя рыбонька.

Засовывая окушка в сумку, поглядываю вокруг себя, на озере никого. Да, где же это мои друзья подевались? Что же это могло их остановить там? Блин, хоть все бросай и иди назад, к машине. Блин, что же делать, на часах почти двенадцать, уже почти пять часов, как рыбачу, а их нет. Блин.

Начинает брать мелочюшка — сорожка откуда-то появилась, дышать не даст, только забрасываешь удочку, тут же поклевка, ее даже в сумку не успеваю

складывать, бросаю в кулек, что под ногами, для термоса. Блин, даже окуньку не дают взять. Хотя и крупноватая сорожка, грамм по триста-четыреста, но не ее хочется ловить, а изю, это более редкая удача. Где же он сейчас может стоять?

Ага, может вон у того островка из водорослей? Как он здесь смог образоваться? Повизгну, посередине его пара бкомтиных кочек, видно, при шторме их отмыло от берега, они были на плаву, уперлись в те же, наверное, водоросли, застыли, обросли и образовали плавающий островок. Подплываю к нему, но не сбрасываю якорь, а начинаю кидать спиннинг рядом с его бережками. Но ничего не взяло, мешину твистер на блесну, напоминающую желтый узкий древесный листок, бросаю чуть дальше островка. И вот он, долгожданный рыбок, легкая борьба — и в сумку кладу шурпайку, грамм на семьсот. Тоже удача. После третьего заброса чувствую, как что-то зацепил, но сдвинуть не удастся, видно, блесна зацепилась на дне за какое-нибудь корневиче.

Что делать? Релать леску? Другого выхода нет, и тут же чувствую сильный толчок, и катушка затрещала, отпускаю леску... Здорово, что же это такое? Опустив метров на пять леску, закрепляю ее и делаю сильный рыбок на себя. Есть. Есть! Ух, какая сила! сопротивляется мне, но не даю ей свободы, а начинаю водить удильнице спиннинга в свою сторону. Та-ак, мы и не такое можем делать, и начинаю вращать катушку на себя — три оборота, здорово, теперь чуть-чуть назад отпускаю ее и опять на себя, чуть-чуть назад...

Что же там такое зацепил, не крокодила ли? Ага, вот еще немножко, и рыбина поддастся, та-ак, та-ак, во, пошла-пошла. Пошла!

О таком изе-изеде, не менее четырех килограммов, я даже и не слышал. И если бы на спиннинг вчера не сменил бы простую леску на плетенку, то наряд ли бы смог даже увидеть этого красавца. Но удача, сегодня мой день, и эта огромнейшая рыбина лежит на дне лодки, открывши свой огромный рот, словно пытаясь меня укусить. Смотрел бы на нее и смотрел! Но где я — на рыбалке, а о книге рекордов Гиннесса думать еще рано.

Та-ак, сколько это у нас времени. Ага, 15:25. Ой, 15:25? Вот это да, и начинаю осматривать озеро. Так, вон кто-то отплыл с той стороны озера, там, где кедровник — это с другой стороны, откуда я зашел. Интересно, как это можно туда добраться? Если со стороны зимника, то еще нужно пройти два опасных болота, а дальше по лесу километр-полтора, а потом еще и через это болото. А если туда, откуда я пришел, пройти в то место берегом, по правой стороне, это километров еще шесть, не меньше. Ничего себе.

А может, люди с ночи там рыбачат, но на нашей стоянке других машин не видел. Ладно, что голову ломать, плывут они вроде сюда, все узнаем. А вот где же мои друзья, вот в чем вопрос? Неужели придется собираться?

Волнение, как всегда, в таких диких местах берет над всеми чувствами верх. Сначала капелями стучит по твоим нервам, потом — каплями все побольше и побольше, ускоряя свой темп, а потом как лупит градом! Вот и сейчас все подходит к такому же состоянию, душа не на месте. Ладно, подожду тех рыбаков и собираться начну, может, они что-то и подскажут.

О-о, да там не одна лодка, а две. Все, метров двести осталось между нами. Так, хватит их ждать, это долго, поплыву к ним навстречу. Раз-два, раз-два, так нужно еще быстрее, раз-два-три-четыре-пять..., О-о, да это же Юрка с Мишкой. Вот это да!

— Ну, Валька, слез ушли, — кричит Юрка.

— От кого? — кричу в ответ я.

— От медведя, прямо за тобой шел.

— Да вы что? Как это так?

— А вот так, дорогой. — перебил Юрку Мишка. — Мы от тебя отстали метров на пятьсот. Правда, там еще около сухого ручья постояли, перекуривали. Потом через выруб вышли на болото, километра полтора прошли, а там медведь прямо на тропке присел и в сторону озера смотрит, прикидывается.

— Ну, — теперь и я чувствую, что колени и руки у меня от волнения начинают подрагивать, как будто в ожидании того, что тот медведь вот-вот появится здесь. Только бы этого не было.

— А что «ну», — парывается Юрка. — «Ну», назад бежать, да? А тебя этому дружку оставить. Отошли подальше от него, Мишка из рюкзака вытащил топор, срубил мне толстую ветку, заточил ее как копьё, вернулись, а он так на том месте и сидит.

— Да ты что?

— Вот тебе и что! — продолжил Михаил. — Пошли в кружину, час назад только вышли на берег, там, со стороны кедровника, видел, наверное, нас? Он что тебя так и не пустил?

— Нет, все как-то здесь спокойно было.

— «Спокойно». Это тебе спокойно, а нам вот нет. Что-нибудь поймал?

— Да так, пару изей. — ответила я, и куда делось мое желание похвастаться огромными, пойманными здесь изями, не знаю. Даже наоборот, как-то грустно стало.

Мушкетеры за час натаскали по ведру сорожки, Юрке даже пара окушей, каждый с килограмм, досталась, а вот у меня хоть одна бы поклевка. Слово в пустую ванну удочку забрасываю, а искать, где рыба стоит, даже не хочется.

В шесть вечера поднялись к моему бугорку-островку, на котором собирал лодку, все вытащили на берег, но сушить лодки не стали, а быстро собрали их в мешки, туда же и улов. Посмотрев на моих рыб, ребята позавидовали. Не знаю

как, но все свое — рюкзаки с рыбой, лодку — как-то удалось взгромоздить на спину и пошел за мушкетерами. А у самого свербит в душе: только бы тот мишка, хозяин здешних лесов, нам по дороге не встретился.

Мужики быстро набрали ход, и я еле поспевал за ними, иногда покрикивая, чтобы подождали.

И вот на тебе!

— Медведь, — вскрикнул, идущий впереди, Юрка. — Блин, что делать?

Я сделал несколько шагов в сторону и посмотрел туда, куда показывает Юрка.

— Да это не медведь, — успокоил я своих товарищей. — Это моя куртка на кустарнике висит, с палкой.

— Что-о! — покраснев во все лицо, с каким-то рыком сказал Михаил. — Юра, ты слышал? Это Валькина куртка. О-о, блин! — и как истерично засмеется, за ним — и Юрка.

И только сейчас до меня дошло, почему они так навзрыд смеются — мою куртку утром на рассвете они приняли за медведя. Вот так бывает.

Лых-хо

Михаил присел у юрия сосны. Дерево огромное, ствол диаметром шестьдесят—семьдесят сантиметров. А корень больше напоминает застывшего осьминога с оборванными щупальцами. Оставшаяся часть центрального корня по своей конфигурации вообще удивила. Такое впечатление, будто его выкрутили, а сосну аккуратненько положили, чтобы не сломала соседних деревьев. Следов от техники, которой это по силам, тоже нет, да и возможности пробраться сюда трактору, не завалив других деревьев, тоже нет. Других подсказок не было, мох девствен, не мыт.

— И ветра такой силы вроде бы не было?

— Кто знает, — не соглашается Виктор, стоящий рядом. — Мы сейчас от поселка в семидесяти километрах. У нас ветра нет, а здесь может такая буря пройти... А дерево еще живое.

Действительно, ни одна иголка не осыпалась, как и кора на ветках: берешь ее за кончик — тянется, не отрывается. Сильный запах смолы идет от корней. На местах разрыва корневых свисают золотые клейкие сосульки.

Второе, что не менее удивило, корень лежит метрах в четырех от места, где рос. Так упасть сосна могла, если отпружинит от земли.

Михаил осматривает образовавшуюся яму. По торчащим корням, осыпавшемуся песку трудно предположить, как все это произошло.

Жаль, собач нет. Минут тридцать назад куда-то убежали, и все. Думаем: глухаря подним или лося. Но — вокруг тишина, лая не слышно. Шарик у Витьки настоящий медвежатник, Белка Михаила с ним не одного помета, но больше по глухарю работает. Обе собаки голосятые, даже за километр в словом лесу их слышно, а в сосновом и за два. Как не хватает сейчас этих четвероногих друзей, лайка имеет хороший нюх по верху и в старом неплохо разбирается, все бы «рассказали» о тайнах упавшего дерева.

Виктор, поправив на плече рюкзак, рунье, медленно прошел до макушки лежащего дерева, посмотрел по сторонам и напрашился по тропинке дальше. Михаил еще постоял, махнул в сердцах рукой на неразгаданную тайну, стер холодную испарину со лба и пошел за товарищем, набирая ход.

Тропинка чистая, мхом не зарастает. Только иногда встречаются на ней шишки, раскошенные вездесущими кедровками, белками. На спуске к болоту, рядом с вывернутым трухлявым корнем, лежит мягкое красное пластмассовое ведро. Вокруг него рубиновыми каплями на белом мху в солнечных лучах искрятся ягоды клюквы.

Виктор остановился возле него, осматриваясь по сторонам, поднимая Михаила.

— Вроде бы о медведях в поселке никто не говорил.

— Причем здесь медведь, — возразил подошедший товарищ. — Скорей всего, ручка сломалась, ведро упало, клюква рассыпалась, в яголки с горы по ведру ногой треснула.

— Треснула? Да чтобы такое ведро так раздавить, мужику или бабе нужно весить более, чем мы с тобой вместе.

Действительно, пластмасса толстая и твердая, Михаил попробовал ведро ногой придавить, однако силенок маловато.

— Ладно, Холмс, уже четыре часа, а до избышки еще километров десять. Торопиться надо, а то, кто знает, может, от нее одни головешки остались. Как в прошлом году, поминишь, дед Елсей со своей бабкой и зием, самогончики наклапались, пожар в избе чуть не устроили.

— Только не наговори. О нашей бабе им неизвестно, да и клюквы там днем с огнем не найдешь, голубика одна.

Пошли дальше. Тропка бежит по склону вниз, по бережку болота, через ручей и прячется в зарослях рябиновых кустов, свинувших мству. Красные гроздья северного винограда завораживают своей красотой. Кусты шимовника цепляются шишками за питанову, царапают сапоги, ладони. Берега ручейка устланы высокой травой. В некоторых местах она еще зеленая.

Удивительна природа Зауралья. Вот-вот снег пойдет, ударят морозы, а трава еще зеленая. Она по-летнему полна жизни. Продолжает сопротивляться

наступающим холодам, не теряя своей надежды на тепло, и ловит своими веточками солнечные лучи, напитываясь их энергией, силой перед долгим сном.

— Стоп! — Виктор вопросительно смотрит на своего товарища и показывает ногой на большую кучу ягодного «варенья» на тропинке.

— Медвежья каша.

— Смотри, — и показывает на клоч серой шерсти.

Она длинная, сантиметров десять. В ее прядях седые волосы, тонкие. Медвежью шкуру Виктор не раз видел у Кольки Футова, трогал, но не помнит, ее мех твердый или мягкий, длинный или короткий. Но чей еще может быть здесь, в лесу? Скорей всего, мишка старый, люди говорят, до шестидесяти лет живет, вот и сидеть начал...

— Думаешь, рядом? — Виктор вытаскивает дробовые патроны из ружья и меняет их на пулевые. — С той сосной даже большому медведю не справиться! Да и отпечатков когтей на ней не было. Неужели?..

— А я тебе о чем! Если б там такой итерок прогулялся, куча деревьев бы вокруг лежала. А тут одно...

— Одно, одно! — передразнил Михаил. — Я полагаю, что это не по силам медведю. Что, обтрусался, беги домой, поджарь зюст, блин! — И, цыкнув смолкой, пошел дальше.

Твердости Михаила Виктор всегда подчинился. Сколько себя не корил за это, но так получалось, что за его другом всегда оставалось последнее слово. Так и сейчас.

Наконец тропинка выходит на широкую лесную дорогу с глубокой колеей, оставленной от колес и гусениц машин, тракторов еще в весеннюю распутицу. Это зямняя дорога, по которой лесники вывозят срубленный лес из делан. Летом сюда на технике никак не доберешься, вокруг болота.

Выйдя на дорогу, охотники с облегчением вздохнули, осмотрелись и пошли влево, в сторону вырубов, плотно заросших молодой сосной, березой и осинкой.

Идут быстро, торопятся. Октябрь на носу, темнеет рано, в семь-восемь часов. Идут широким шагом, в ногу, но вот испугнутый с дороги выводок рябчиков, рассеявшийся на ветках, остановил их. Перезарядили ружья и на счет «два-три» сбили с веток по одному молодому петушку — на шумом.

Вот и начало соснового бора, с одной стороны его поджимает болото, с другой — выруб. Белки с громким цыканьем встречают непрошенных гостей, кедровка раскричалась громче испуганной вороны и сопровождает их. По привычке Михаил и Виктор не обращают на нее внимания, идут вглубь леса по знакомым только им ориентирам. Тропинку после строительства избушки заложили мхом, дерном, чтобы не привлекала к себе ищущих и охотников.

Вот обломок сухой сосны с корнями наружу, направо ель, старая, обросшая мхом — это «ворота» к избе. Чуть дальше — древнее бревно, за ним направо — кустарник, потом спуск к ручью и опять резкой подъем.

Изда стоит на месте, темные сосновые бревна, потрескавшиеся от времени, забиты паклей. Веранда тоже сохранилась неплохо, не просела под тяжестью весенних талых снегов. Дверь в избу не покосилась. Отворнется с легким скрипом, ее петли нужно смазать салом. В избе темно, вечерний свет еле пробивается через толстые стекла окна. А как приятно пахнет каким-то лесным духом и плесенью!

Виктор находит подвешенную у двери лампаду, заливает в нее из канпронной бутылки керосин, и зажженный огонь растет, гнется по стеклу вверх, освещая небольшую комнату — печку, паря с двух сторон стола, упершегося в оконную раму. На полке подоконника в окрашенных стаканчиках покоятся несколько свечей. У печи аккуратно уложены дрова, на них завернутые в целлофановый куль спичечные коробки, рядом топор. Все на месте.

На других полках банки с провизией: рисом, перловкой, солью, сахаром. Все лучше заменить.

Вечерело. Ребята прибрались в избе. Бочку скатили к ручью, промыли ее, а титом, вернув на место, заполнили родниковой водой. Протерли окно. Обмыли главную печку, разожгли в ней огонь, поставили чайник и котелок с водой, положили в него картошку, лук, мясо рыбчиков. Тепло от печи начинает прогревать комнату, дым не весь выходит в трубу, растекается по комнате. Но ребята верят, что это происходить будет немало, горячий воздух быстро очистит печную трубу от паутины, попавшей листвы, и дым сильным потоком пойдет в вытяжку.

Где-то рядом начала противно похвастываться курочка рыбчика — цини-у, цини-у, созывая свое семейство. На ее зов откликнулся петушок: цини-у, цини-у, цини-у, цини-у, цини-у.

Здеськую птицу охотники не трогают, берегут свой курятник. В прошлом году здесь поселилась глухарка-капылуха. Частенько по утрам встречала гостей, сидя на нижней ветке дерева, или расхаживая по полянке. Никого не боялась. Вот и сейчас, откуда ни возьмись, капылуха, эта красивая серая курица, по своей стати больше напоминающая индейку, с сильным хлопанием крыльев садится на поляну, осматривается по сторонам и начинает гордо, вытянув шею, расхаживать неподалеку от двери. Виктор шепотом подзывает Миханла, и в расщелину двери оба наблюдают за ней.

Капылуха остановилась около старой, покрытой седым мшистым доской, на которой Виктором были разложены несколько горстков ягод брусники и рябины. Наклонилась... и вдруг что-то неожиданно глухо стукнуло сзади избы, и птица тут же взлетела.

— Слышал? — спрашивает Михаил.

— Ветка сломалась, что ли?

Михаил снимает с гвоздя ружье и выходит наружу. За ним — Вистор, Тишова. Обходит избушку.

— Иди сюда, — шепотом зовет Михаил и показывает на трухлявое лежащее дерево, корни которого в свое время и выбрали муравьи и за долгие годы построили там огромный муравейник. Вистор любил здесь полакомиться муравьиной кислотой, опуская в их скопище травянку, которую они тут же облепляют... Но теперь муравейник был полностью разрушен, корневища дерева разломаны. Видно, медведь похозяйничал. Вся земля вокруг разрыта.

Смотрят по сторонам, и словно волчий сильный ветра вдруг отпятило обоим. Рядом, за кустарником, на земле лежит огромная сосна. Листва на ней еще зеленая, от сломанных веток и корней-осыпиногов сильно пахнет смолой.

Осмотрели ее. Отпечатков медвежьих когтей на стволе дерева нет. Центральный корень словно выкручен. А вот где же то место, на котором она росла?

— Может, там, где муравейник?

Привнесенной из избы лопатой перерыли вспаханную у муравейника землю. Свежих корневищ не обнаружили. Опять загадка.

— Может, костер разведем у двери?

— Зачем? — спрашивает Вистор. — Думаешь, мишка где-то рядом или нет?

— Не накликай только беды! Кольку Футова так еще и не напали. Уже две недели, как в лес ушел, и нет его.

— Помнить его еще рано. Он в лесу с детства с батькой: медведя, лося, оленя бил, соболя, хорькушаста, белку заготавливал. Так что кто его знает, зачем ушел. Может, новую избу где-то ладит, капканы на соболя, медведя ставит. Знаешь, сколько он зимой капканов на соболя готовит? Не менее полусотни. А здесь глухарей, косачей, ворон столько не добыть. Скорее всего, оленьиной да лосятиной снаряжает капканы.

— Только не кричи! Блин, где же собаки? Боясь, наоборот, огонь его может только приваечать...

— Йети?

— А ты знаешь, чего он боится? Помнишь, дед Анисим рассказывал да Дашка с Федором, когда он их с болота погнал. Метров под пять ростом. Подошел к сосенке, вытащил ее, спинку почесал да как бросит ее в них, чуть не зашиб. Хер кого он боится. А ты вспомни, чьи тогда мы с тобой следы видели на кладбище хантыйском, восьмидесятого размера — не меньше? Медведя? Его бы ханты сами забили и праздник медведя бы устроили. А сами тогда дрожали,

нас звали. А кто там же ночью медведя на части разорвал? Кто, думаешь, духи хантов?

— И на кой ему дерево вынимать надо? Нас прогнать?

— Заколебал, блин.

Охотники пошли к избе. Виктор, шедший первым, вдруг отпрыгнул в сторону и вскрикнул: «Смотри!» Михаил присмотрелся к тому, на что показывал его товарищ, и замер. На старом выжоганном топором пне лежал огромный звериный череп с оставшейся шерстью на затылке, с развороченными челюстями.

— Вроде медвежий, еще и воняет... — шепчет Михаил. И побежал в избу.

— Помнишь, где я замок там оставлял?

— Да Женька вроде его тогда забрал.

— О Боже! Давай неси дрова, у веранды костер разведем.

— Сам тащи!

— Трусись! — заревел Михаил и, с силой оттолкнув Виктора, пошел к поленнице, находящейся в десяти метрах от избы. Одно за другим подкатил толстые бревна, принялся их рубить. Сложил полена друг на друга и зажег под ними несколько кусков берестяной коры с мелкими ветками. Костер своими торжщими крыльями быстро охватил чурбаны и осветил поляну.

Несмотря на тепло, волнами идущее от костра, Виктора начинало знобить.

— Может, по сто грамм? — предложил он.

— Что-то не тянет. Давай так, будем дежурить по нескольку часов.

— Тоже дело. Неужели ты веришь в этого?.. Только знаешь, давай об этом никому: ни женам, ни детям! В поселке же засмеют, жизни не дадут.

— Трезвонить зачем? Завтра лучше у озера поохотимся.

— Верно...

Громкий хруст в лесу падающего дерева, ломающихся веток изорвал ночную тишину. Друзья тут же, как по команде, бросились в избу. Виктор дергает закрытую дверь за ручку, Лешка хищно хватает топор и его обухом приколачивает край двери к косяку огромным гвоздем.

Присели около печи на корточки. Тишина. Минута, другая. Сколько так просидели, прислушиваясь, трудно сказать. Может, четверть часа, а может, и целый час. Единственное, что отдалело и сняло их напряжение — это тонкий свист сверчка, старого знакомого. Пришло в дом тепло, он очухался ото сна и запел. Виктор подбросил дров в печь. Но встать с пола так и не решился.

А сверчок их действительно не боится, уже у Мишки сидит на колене, пришел поздороваться. В мерцающем печном свете блещит его уютное тельце.

Михаил прихлывает его ладонью, раскрывает пальцы. Сверчок сидит на ладони, не шевелится.

— Слушай, — говорит Виктор, — надо все патроны достать.

— Доставай.

— Супа хочешь?

— Пошел ты!

— Че, боишься? — Виктор соломинкой чешет щеку Михаила.

— Да пошел ты! — отмахнулся от него тот.

Опять что-то щекает, изловчился и хотел схватить Витькину палку, да не она это оказалась. Посмотрел на ладонь — сердце сжнуло: раздавленный сверчок. Сверчок?! Вот нервы расшались. Достал из бокового кармана флажку, открыл ее, приложил к губам и глотнул. Огонь неразбавленного спирта обжег гортань.

— Дай и мне, — Михаил тоже делает несколько глотков.

— Что будем делать?

— Я — спать. — Михаил встает, снимает с вешалки куртку, стелет ее на полу у печи, рюкзак бросает под голову и ложится.

Виктор оперся спиной о стену, уже прогретую от печи, поставил рядом ружье и прислушивается к воршешню спящего друга, треску горящих дров. Близки огня от печи иракт на стенах, потолке. Почувствовалась усталость, подбородок тяжелеет, опирается на колено. Но спать нельзя, встряхивает голову раз, другой, прогоняя сон.

...Вдруг какая-то темная сила из облака превращается в огромного седого медведя с человеческой головой, поросшей волосами, и...

Виктор открывает глаза. Тишину нарушает только потрескивание горящих дров. Открывает печь, кладет в нее еще два полена. Тепло растекается к локтям, к груди, веки тяжелеют...

... Длинные когти рассекают дверные доски, но те не крошатся. Клыки из открытой пасти растут на глазах...

Нет, спать нельзя. Виктор хотел приподняться, но, понимая, что все эти когти, клыки приходит к нему только во сне, успокаивается. Подносит циферблат часов к печи — 21.47. Ночь только наступает, через час он разбудит Михаила и выскочит.

...За избой что-то происходит, шевелится, трется о дерево, да так, что оно скрипит. Виктор открывает глаза — тишина, надрываемая храпом товарища. Вот у кого нервы железные.

Виктор так и остался сидеть, не меняя позы, и вдруг какая-то сила с легкостью подхватила его и опустила на болото, в самую ишу.

Открывает глаза: в избе темно, Михаил храпит, воздух стал прохладным.

Открывает крышку печи, все в ней створело, только слабо золотится огоньки жолы. Раздул их, положила немного коры от березы, веток, огонь просыпается.

Разбуркался, закапавшись от кислого запаха дыма. Огонь растёт, охватывает ветки...

В окно кто-то смотрит одним большим глазом. Может, это блики огня от печи? Виктор отворачивается от окна, засовывает в печь толстые ветки...

А это все же глаз. Большой зеленый глаз фосфорится в окне, огонь такого цвета в печи не бывает. Страшно, руки быстро находит ружье, наводят его стволами в окошко и нажимают курки...

Виктор открывает глаза, тело знобит от холода. В избе так же темно. Мишка храпит, огонь в печи погас. Растолкал товарища, но тот только перевернулся на другой бок и опять в храп. Вот черны железные! Где же спички? Ага, в нагрудном кармане. К счастью, корки от бересты рядом, разжигает их...

«Уууу-у-уу», — неожиданно завыло за дверью, да так протяжно, Виктор задул спичку, растапливает Михаила. Вой продолжается, и Михаил, скидывая со своего плеча руку Виктора, поднимается.

«Что это? Волк?»

Самшюно, что это животное теперь радостно заскулило. Собака? Волк разве радостно заскулит?

— Кто там! — кричит Михаил. Животное, скуля, скоблит лапами по двери. — Кто там? Шарик? Белка? Да это же наши собаки пришли, открывай дверь!

Витька отыскал топор, Мишюна зажмет свечу. Шляпку гвозя с трудом нашла в доске двери, выдернула. Дверь открывается, и в избу заскакивает собака, прыгает к Михаилу, Виктору, с визгом облизывая им руки.

Это была крупная, черная, отопланный лайка, и только по белому воротничку ее признали — Кольки Футова Джек.

— Вот тебе ва! Значит, он где-то рядом, может, у избы? — воскликнула Михаил.

Высочили по двор, осмотрелись — юного. Нет его, только слышю, как Джек что-то громко лакает в избе. Не воду, а шулом, из котелка, поставленного еще вечером на пол у печи.

— Джек, Джек, где хозяин?

Собака вытащила морду из котелка и сильно завизжала хвостом, да так, что корпус ее еле удерживают лапы, и она завалилась на бок. Совсем слабая.

Виктор вышел из избы и громко скомандовал: «Джек, где хозяин? Вперед!»

Но пес продолжал сидеть и лаять шулом.

Дождались рассвета, собака, отдохнув, набралась сил и на призыв искать хозяина потихонечку пошла к болоту. Ребита пошла за ней. Болото, к счастью,

подсушено, идти по нему легко, и метров через сто собака остановилась, влила хвостом, у заросшего бородой, истощенного, лежащего на дереве человека.

Колька на вид был уже не молодец. С трудом подняли его, тихонько пошатывая по щекам. Тот очнулся, и в испуге — откуда только у него столько силы нашлось — оттолкнул Михаила от себя и отпрыгнул назад.

Виктор, словно ожидая этого, придавил Николая своим телом к земле: «Коля, мы свои, успокойся. Я — Виктор Носов. Успокойся!»

Тело Николая начало сильно дрожать, глаза расширились, с каким-то неподдельным испугом он всматривался в лицо Виктора.

— О-о-о, люди! — выдала он из себя.

Рядом с Николаем не было ничего. Ни рюкзака, ни ружья. Куртка, изодранная и грязная от болотистой жижи, глины, и все. Ребята подняли его, накинули на плечи куртку и повели к избе. Собака, радостная, бежала впереди, покусывая. Но Николаю, видно, не нравилась эта помощь, он сопротивлялся, оттапливая от себя чужие руки, пытаясь оглянуться назад, шепча: «Лыххх, лыххх... лыхх-хо...»

В избе он сразу же потерял сознание. Ребята положили его на нары, накрыли старым барахломным жупаном, зажгли печь, поставили чайник. Все вчерашние загадки забылись, но ненадолго.

Присев на скамейку около избы, Виктор чувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Собака спала под нарами, порывкая кому-то во сне. Уж собаку не провести и спидую, чутье у нее сильное, значит, все это чудится, утешивает себя Виктор.

Михаил повелел заготавливать дрова, рубит старую ель. Надо ему помочь, поднялся и, услышав стоны Николая, вернулся к нему. Тот лежал на спине, с широко открытыми, но не видящими стоящего над ним Виктора глазами.

— Ой, уйду-у, уйду-у, оставь меня, оста-авь...

Виктор окликнул Михаила

— Оставь, оста-авь, лы-х-хо...

Неожиданно собака, спящая под нарами, завизжала и, одеревяев, зажала на открытую дверь. Виктор и Михаил схватились за ружья. Джек лаял, приседая на все лапы. И вдруг неожиданно Николай громко гаркнул на своего пса, что еще больше потрясло его спасителей.

— Ребята, не лезьте туда, собирайте вещи и уходите! — Слова Николая были сильными и предостерегающими. Он сидел на нарах уже не изможденный, как минуту назад, смотрел на Михаила и Виктора с напряженным лицом и внимательными глазами. Но собака хозяина не слышала, лаяла и лаяла на дверь.

— Нам с ними не совладать. Мы для них кукары. Пошли отсюда... — твердым голосом сказал Николай и вышел из избы. Собака за ним.

Глядя на удаляющегося от избы Николая, Виктор и Михаил бросились за ним. Боковым зрением Виктор видит, что какие-то огромные тени движутся за ними от ручья. Виктор боится даже смотреть туда, подталкивает Михаила в спину, торжует.

Бреина избы скрипит, и она разваливается. Как это произошло, они не видели. Вышли из бора на дорогу.

— Как всё было? — спрашивает Виктор у Николая.

— Заваляла лошину, снычала телка, потом ее. Она пытается подняться, и в нее еще раз с двух стволов. А тут, чувствую, как земля заходит, какан-то сила бросила меня в кусты. Поднимаюсь, они стоят, больше моего экскаватора каждый... Один поменьше, метра под три, ко мне, а я в него из обоих стволов. Как зарычат: «Ах-х-х». Больше ничего не помню. Очнулся, не пойму где, крутом выруб. Шел, шел, Джек потом появился, а они все за мною. Думал, крыша поедет, сил не хватало, на болоте упал, встать не могу. Все, конец, но вы появились.

— Так ты убил того?

— Патронов не было, лошину добил, а вставить новых не успел.

До Виктора только сейчас доходит, почему ему так легко идти.

— Миша, я ружье забыл!

— Я тоже, — остановился напарник и вопросительно смотрит то на Николая, то на Виктора. Обними ладонями прикрывает потные волосы. Седые! — Сам возвращайся, — говорит он Виктору. — К черту эту охоту...

Виктор остановился в раздумье. От избышки ушли всего на пять минут, надо вернуться. Но она же развалена? Что делать?

— Ах-х-х, — раздалось где-то рядом. С шипением, да так громко, натужно. Грудь словно изнутри кипятком обдало, затомило сердце, и Виктор, спотыкаясь о невидимые барьеры, побежал догонять Михаила с Николаем.

...Они остановились. Николай осел на землю; лезь дрыхлая, осунувшийся, что-то шепча, отталкиваясь трясущимися руками от чего-то невидимого.

Увидев подбежавшего Виктора, еле слышным голосом засипел:

— Мужики, я на них охотился...

Его заросшее, чумазое лицо начало бледнеть, руки бессильно упали на колени. Виктор, еще не понимая, что надо делать, схватил Николая за поясницу и попытался приподнять его. Но не получилось, его тело обмякло на руках Виктора. А Михаил, полуоткрыв рот, широкоими глазами смотрел куда-то за Виктора и пытался назад.

— Бери его, бери! — неистово заорал Виктор. — Потанили! Быстрее! Бегом!

Михана замотал головой, повернулся к нему спиной и побежал куда-то в лес.

Виктор, вскинув Николая на плечи, поднялся и пошел за ним.

«ЛЫХ-ХО!» — громкий, непонятно откуда идущий — из леса или из-под земли — звук волны ужаса накатывался сзади и с огромной силой толкал его вперед. Он шел, таща на себе обвисшее тело земляка, набирая ход, быстрее и быстрее, не чувствуя тяжести Николая.

«ЛЫХ-ХО!»

ЮРИЙ ШУМАКОВ

Педагог, ветеран труда, страстным рыбак и поэт-любитель.

Биатлон

Зимнее двоеборье — это биатлон,
Требуется лыжная сиворонка,
Нужен специальный стадион,
Мелкокалиберная винтовка.

Первым со старта он ушёл,
На огневой рубеж добрался;
Дистанцию быстрее всех прошёл,
Без промаха и мишени отстрелялся.

Опять дистанция зовёт,
Теперь он стоит стреляет.
Если не промажет, то вперед,
На круг штрафной не попадает.

Два промаха, два круга, так бывает,
Забилось сердце часто, возмущается душа.
На результат, на психику влияет,
А впереди два огневых рубежа.

Ударил в кровь адреналин,
Меня заставил в руки взять,
Сыграл ещё гемоглобин,
С тройной силой побеждать.

Это не песня и не сказка,
Надеюсь на себя и жду удачу.
Большую роль играет смазка,
Когда бежишь, и нет отдачи.

Технично, грамотно на лыжах шёл,
Стоя, лежа отстрелялся,
Троих на подъёме обошёл,
Первым к финишу прорвался.

Со стрельбой эта лыжная тонка,
Её называют все биатлон.
Трасса, лыжи, мишени, выготовка,
Стреляющий лыжник теперь **ЧЕМПИОН!**

Погода

Сибирь как женщина в капризную погоду:
То свет, то ветер, то жара, то дождь.
Она строптивая, как характер у народа,
Не сразу и не вдруг её поймёшь.

Покрыта лмарью скатерть небосвода,
И солнце среди зимы — большая честь.
Что делать, если правит непогода,
А светлый день как радостная весть.

Уны, сердит мороз на удивление,
Картина пишет свежее с природы,
А у людей меняется давление
И приключаются скачки температуры.

Наука предрекает потепление,
У нас, как прежде, всё без изменения.
Мы девять месяцев находим утешенье:
Морозом поднимаем настроение.

А климат на планете все теплее.
Нет смысла волноваться и тузить,
Мы с каждым днём становимся мудрее
И тем, что есть, умеем дорожить.

Медицина

Лечить людей не каждому дано,
Но чья душа пылает, как свеча,
Тому, как Гиппократу, суждено
Нести всю жизнь призвание врача.

Пока душа в изнанку не заглянет,
Пока утраты сердцу ни почём,
Пока чуждая боль своей не станет,
Увы, не будешь ты врачом.

Югорск

Есть в Сибири городок,
На других он не похож,
Он, как утренний цветок,
Чист, уютен и пригож.

День женщин

Восьмое марта — женский день!
То время думать и мудрить,
Поздравить с праздником не лень,
Но что купить? Что подарить?

Одним достаточно мечты,
Другим же обувь и одежду,
Конфеты третьим и цветы,
Но всем — любовь,
Но всем — надежду.

ЖИВОПИСЬ

Искусство — творческое отражение жизни, особый способ мышления, рождение позитивной энергии. Подлинное искусство, говоря словами Пушкина, пробуждает «чувства добрые».

ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВА

Родилась в г. Матвигинское в 1958 г. Окончила Свердловское художественное училище и Матвигинский государственный университет по специальности художник-дизайнер. Преподает в Югорском художественном техникуме. Член Союза художников РФ. Работы находятся в Свердловской картинной галерее, в Музее русско-китайского искусства в г. Харбине (КНР), а также в частных коллекциях в России и за рубежом.

«Мой дом», 2007
(холст, масло 50х53)

*«Дождь», 2006
(холст, масло 50х40)*

*Диптих: «Трагедия — желание»
Из серии «Дождь», 2007
(холст, масло 100х220)*

*Натюрморт «Чёрная кружка на желтой прессе», 1999:
(холст, масло 50х40)*

«Уральская береза», 2008

*(золот, масло 90х70)
Из серии «Кувшинки», 2006*

*(золот, масло 60х40)
«Бумажный кораблик»
Из серии «Двое», 2008*

(холст, масло 160×100)
«Деревенский натюрморт», 2003
(холст, масло 80×60)

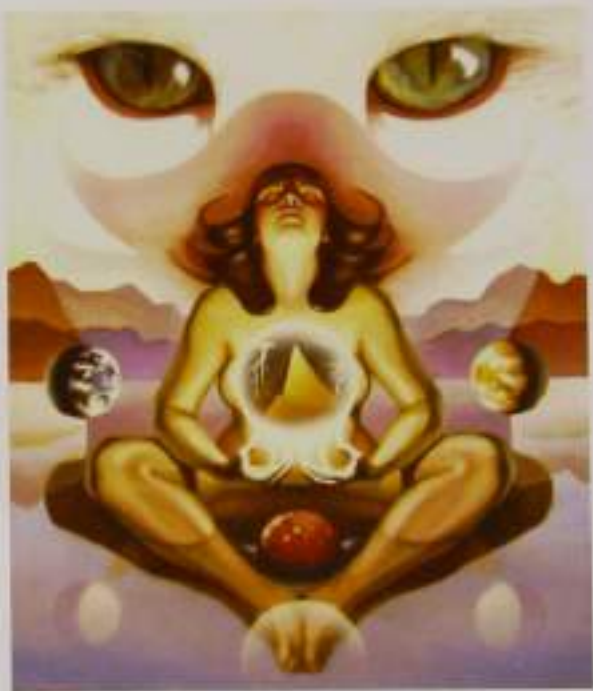
«Нелю», 2009
(холст, масло 90×70)

ЕВГЕНИЙ ГОРДЕЙКО

Родился 21 июля 1984 года в г. Гурьевске Калининградской области. Окончил художественное училище города Югорска. С этого момента начался путь самостоятельная как творческой личности: в 2005 году – первая выставка «Акценты», в 2006 году вторая – «Город и антиг», в 2007 году Евгений совместно с Артёмом Вороновым организовали фотомонографию: «Эстетика любви». Принимал участие в окружной и международной выставках в 2006 и 2007 годах. Свои работы представлял на выставке «Вопросительное утверждение» в Югорске. Тема творчества – жизнь, смерть, любовь, справедливость.

«Балтийск», 2005
(холст, масло)

«Вечность»

«Юзовский храм»

ОЛЬГА СОФЬИНА

Родилась 14 июня 1965 года в городе Нефтекамске. В 1988 году окончила Самарский строительный техникум по специальности «Промышленное и гражданское строительство», окончила Академию искусств и художественных ремесел имени Демидова по специальности «Графика», имеет квалификацию художник-график и звание бакалавр искусств. В настоящее время работает в Управлении архитектуры и градостроительства администрации города Югорска. Участник творческой группы художников «Рубинем» со дня ее основания.

«Аллея», 2005
(холст, масло)

Из серии кривые зеркала «Любовь Кивизморде», 2008
(бумага, масляная пастель)

«Река Эсс», 1998
(бумага, акварель)

ФОТОГРАФИЯ

Человек, который смотрит на жизнь через
глазок фотоаппарата, всегда в конечном счете
глядит через него в историю.

К. Симонни

ТАТЬЯНА БОРИСОВА

Родилась 11 декабря 1963 года в Забайкалье. В 1986 году окончила Витязевский политехнический институт. По профессии — инженер-электронщик, разработывала приборы для космической станции «Мир». В Югорске выпускала и эксплуатировала системы автоматики на газовокомпрессорных станциях. В настоящее время — главный администратор официального сайта администрации города. Фотографией занялась в 2000 году. Участвовала в двух персональных, 9 региональных, двух всероссийских и трех международных выставках фотографий в Югорске, Ханты-Мансийске, Москве, Украине.

«Снега, снега...»

«Разгласился закато»

«Куда бежишь, речушка вострень?»

«Эх, мый!»

«Эх — лесная речка»

«Горючий Сепер»

АРТЕМ ВОРОНОВ

Родился 16 апреля 1987 года в городе Ростове-на-Дону. Окончил школу, работал дизайнером, в кинорежиссуре и сфере визуального производства. Студент СПбГУКиТ, кафедры производства кинепроизводителей передан. В Югорске провалил фотомонтажи «Эстетика любви», «Вопросительные утверждения». В 2010 году участвовал в фотопроекте «Колесо».

«А рельсы — как уж водятся — у горизонта сходятся»

«Три повеления»

«Скользящие в одной лодке»

ЗАМИР ЕФИМЕНКО

Родился 24 апреля 1961 года в г. Кизел Пермской области, окончил Академию искусств и художественных ремесел имени Демидовых по специальности «Живопись», имеет квалификацию художник-живописец и звание бакалавр искусств. В настоящее время работает в РТПЦ (радиотелевизионный передающий центр) «Югорск-автотелекома». Участник творческой группы художников «Рубикон». Участвовал в 16 выставках.

«Золотая осень»

«Охотник»

«Урал Полиропей»

«На закате»

«Привет, Весна!»

«Югорский храм»

«Запад»

НАТАЛЬЯ ЗЯЯТНИКОВА

Родилась в октябре 1976 года в г. Шадринске Курганской области. Начала заниматься изобразительным искусством в кружке рисования при Доме пионеров и школьников. Окончила художественную школу, училище, институт. В студенческие годы занималась фотографией. Мечта — выступить в Союзе художников.

«Полеты во сне и наяву»

«Здание «Газпром трансгаз Югорск»»

«Шум ветра»

«На свадьбе!»

ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Стремление человека окружить себя красивыми вещами, выразить свои индивидуальные способности, сделать жизнь более яркой, эмоционально насыщенной вызвало к жизни целый ряд ремесел и рукоделий. Наш альманах представляет работы мастеров декоративно-прикладного искусства.

НАДЕЖДА МАКАРОВА

Родилась 3 августа 1975 года в д. Антонов-2, Пермской области. В 1994 году окончила Уральское училище прикладного искусства, филиал Российской академии живописи, ваяния и зодчества по специальности «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы». В настоящее время работает в художественной технике.

«Вороний день»
(бумага, 70х90)

*«Перелетные птицы»
(батик, 70х90)*

Вазы «Полярная ночь»

«Птицы»

«Трясогузки»

ДАРЬЯ БЕЛОВА

Родилась в 1960 году в поселке Никсимкуль Бердюковского района. Работает педагогом дополнительного образования в детско-юношеском центре «Прометей», обучает детей искусству вышивки и бисероплетения, передает национальные приемы и традиции рукоделия. Ее изданные мансийским изыком позволяет воспитанникам погрузиться в волшебный мир народной сказки и легенд.

Сувенирное яйцо
(бисер)

Сувенир

Чорки с циднементом

Прихватка

Женское головное украшение
(бисер)

Гурпчан — сумка для рукоделия
(ткань по пиками)

ЭЛЬВИРА ШАЛАПУГИНА

Родилась в 1971 году в поселке Хулымсит Березовского района. Работает в городской музее. Знание традиций своего народа и любовь к национальному рукоделию передались от матери.

Фрагмент
мансийского
одеялочки
«железы уми»

Сунепар-узор
«лапа лисы»

Оберег (мех, бисер)

Кукла Акамь (ланса)

Хайратник — традиционное
украшение, узор «гребень
лапы лисы» (бисер)

Женское украшение —
заколоска для волос
(бисер, бусы)

Пальсах — мансийское наружное украшение (бисер)

НИНА АЛЧИНА

Родилась 20 февраля 1953 года в селе Няксыново Березовского района. Окончила восьмилетнюю школу в с. Няксыново, а затем педагогическое училище по специальности воспитатель детского сада, званием почётным традиционного рукодельни народов ханты и манси.

Нагрудное украшение (бисер)

Фрагмент национального узора

Курли Акинъ (текстиль)

Женское нагрудное украшение (манси)
(бисер)

НАДЕЖДА КАЧИНА

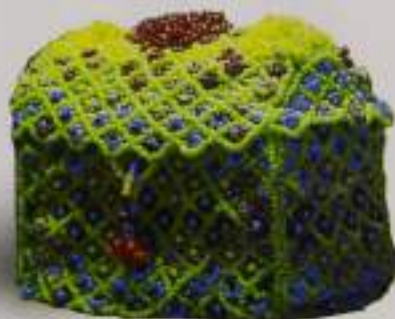
Родилась 10 апреля 1940 года, по национальности — латыш. Нелегкое детство в детском доме, работа на стройках Сибири. Любимое занятие — бисероплетение, изготовление украшений в национальном стиле.

Пейзаж (бисер)

Женские украшения (бисер)

Шкатулка (бисер)

НИНА РУКОВА

Родилась 31 июля 1947 года в поселке Сивья Березовского района Тюменской области. В поселок Конюшнянский приехала в 1978 году. Работала воспитателем в детском садике «Огонек». В 1996 году была избрана депутатом Думы г. Югорска второго созыва по многомандатному национальному округу, отстаивала интересы коренных жителей округа. Работала в ассоциации «Спасение Югры». С 1997 года — на пенсии. В 2001 году ею был издан сборник «Корюшка и разном».

Турчан — рукодельная сумочка, узор шашки (ткань, вышив)

Сумочка из рыбьей кожи

«Семья» (мех, ткань)

Сувенир (ткань, мех)

«На оленях» (ткань)

«Деточка»
(мех, ткань, бисер)

«Олень» (шкурка меха)

Обувь
(сукно)

«Сова» (мех)

«На охоту»
(мел, ткань)

«Женщина танцует»
(ткань, бисер)

«Женщина-рукодельница»
(ткань, мел)

ТАТЬЯНА ЯКИМЕНКО

Родилась в 1955 году в Краснодарском крае. Окончила Краснодарский государственный университет, факультет художественной графики. В настоящее время преподаёт в художественном техникуме: живопись, композицию, скульптуру, живопись, рисунок. С 2007 года работает над реализацией проекта «Атласная кура в национальном костюме» — как символ единения народов Югры», для чего получила грант главы города Югры.

«Татарский танец», 2009

«Олененок», 2008

«Где мы семнадцать лет?», 2006

«Посиди Дуняша», 2005

Содержание

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

ЛИДИЯ АНТОНОВА

Раздумья падающей снежинки	6
«Нет» — войне!	7
Наш язык и мудр и богат	8
Югорск — судьба моя!	9

ОЛЕГ БАРГИЛЕВИЧ

Жить для России и умереть за Россию	11
---	----

ТАТЬЯНА БАРСУКОВА

Пой, скрипка, о любви!	20
Золотая рыбка	20
Благословение природы	21
Город детства	21
Наш космический мир	22
Ребенок родился	23
Шаманский бубен	24
Матери	24

ВАЛЕНТИНА БОРЧАНИНОВА

Птица Феникс	26
Благодарение	26
Скрипка Паганини	27
Рождественские видения	28
Плачет сосулька	28

АНАСТАСИЯ ИВАНОВА

Блокада в лицах	30
Рождение стихов	31
Смятение	31
Мой парус	32

ЛЮДМИЛА ИЛЬЧЕНКО	
Прогулки в прошлое.....	33
Просто жизнь.....	33
Радости детства.....	34
«Привези ты мне, батюшка, цветочек аленький...».....	35
«Финский».....	36

ВЛАДЕРИЙ КАДАНЦЕВ	
Братья.....	37
Учитель.....	40
Ливень.....	42

ЛЮДМИЛА КОВАЛЕВА	
Старые фотографии.....	44
К маме.....	45
Мечта.....	47

РАИСА НИКУЛИНА-ВОЛОБУЕВА	
Бабье лето.....	49
Аромат черёмухи.....	51
Моя рыбацкая страсть.....	53
Собачья история.....	55
Расставание с летом.....	58
Находчивая поросля.....	60

ПАВЕЛ ПАВЛЕНКО	
Круги на воде.....	61
Обязательно вернусь!.....	62
Дремучая тайга.....	62
Знакомство.....	63
Деды.....	64
Эпитафия деревенская.....	65
Свиристели.....	65
Свет Элады.....	66
У Фермопила.....	66
Олимп.....	68
Крещение.....	69

ВЛАДИМИР ПАРФЕНЧИК

Миниатюры.....	70
Возвращение.....	74
Страсть и нежность.....	74
Я — солдат.....	75
Синоптики.....	75
Примак.....	76
Воробьи.....	77
Осень.....	77
Утро морозное.....	78
Лето.....	79

РАИСА ПЕРЕВАЛОВА

«Опасаться не нужно...».....	81
О тебе, мой край.....	81
Югория моя.....	82
И снова мне двадцать!.....	83
«Листопадом леса заплакали...».....	84
Страшные годы.....	84
«Чуть лишь утро лучом изумруда...».....	85
«Осенний ветер во дворе...».....	85
«А весна, точно косы, ручьи распела...».....	86
Малая родина.....	86
Ты у меня двенадцатый.....	87
Тётя Нюра.....	88
Осень в Югорске.....	89
Корень жизни.....	90
Жаворонок.....	91
«Просторы свежестью пропахли...».....	91
Кверху попою птицы.....	92
С нами поэт.....	93
«Все мысли перемешаны без толку...».....	93
Жить и жизнью наслаждаться.....	94

ЕВГЕНИЯ ПОЛЯКОВА

Письмо из прошлого.....	96
Месть.....	98
Омлет по-эстонски.....	101
Мой верный друг... ..	104

Корыстолюбие — кредо неверных!	105
В моей жизни рубиновая грусть...	105
Это счастье...	106
Шестнадцать строк...	106
Благодарю...	107
Лакримоза	107

СЕРГЕЙ ПУДОВ

Заповеди дела	109
Цветник	117
Дорогие мои старушки	119

НИНА РУКОВА

Легенда-птица	122
Я хочу быть	123
Живу, дышу...	124
Послесловие к празднику	124

МАРИНА РУССКАЯ

О тебе	126
Солнце — первая скрипка	126
«Вы не смотрите на меня, что нрав мой весел...»	127
«Моя душа, как океан...»	127
«Я мудрости не нахожу в прощении измены...»	127
«Россия-мать, напутственное слово...»	128
«Полет твоей души был искренним и нежным...»	128
«По каким бы дорогам ни шла...»	128
«Моей любви не установлен срок...»	129
«Росы проснулись на травах...»	129

ВЯЧЕСЛАВ СМОЛЕНСКИЙ

Лом	130
Друзья	132
Урок анатомии	134
Спичкодел	137
Сковорода	139
Капкан для фортуны	143
С Новым годом!	155

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Метаморфоза.....	159
Отцу.....	160
Всегда со мной.....	161
Друту.....	162
Неудачный опыт.....	162
Сыну.....	163
Есть миг один... ..	163
Я не присматриваю!	164
Просить любви — занятие пустое... ..	164
Всё повторится?.....	165
Ты меня потерял.....	167
Вытри мне слезы, мама... ..	168
Прощаю... ..	169
Жалеть не буду!.....	169
Романс	170
Жизни — кружение	171
Поэма «О любви»	172
«Обмелела речка. Подросли...»	178

ДМИТРИЙ ТОККЕА

Следы на карнизе	179
Rohjoipen sentti	189
Рыцарь в белых доспехах	189
Усреднённый харьковчанин	190
Чёрный палёс	191
Кузница змеиного царя.....	191
Гром-колдун	192
Предчувствие	193

ИВАН ЦУПРИКОВ

И такое бывает	195
Лых-хо	202

ЮРИЙ ШУМАКОВ

Биатлон	213
Погода	214
Медицина	215

Югорск.....	215
День женщин.....	215

ЖИВОПИСЬ

ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВА.....	218
ЕВГЕНИЙ ГОРДЕЙКО.....	223
ОЛЬГА СОФЬИНА.....	225

ФОТОГРАФИЯ

ТАТЬЯНА БОРИСОВА.....	228
АРТЕМ ВОРОНОВ.....	232
ЗАМИР ЕФИМЕНКО.....	234
НАТАЛЬЯ ЗЯТНИКОВА.....	238

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

НАДЕЖДА МАКАРОВА.....	242
ДАРЬЯ БЕЛОВА.....	245
ЭЛЬВИРА ШАЛАПУТИНА.....	246
НИНА АЛЧИНА.....	247
НАДЕЖДА КАЧИНА.....	248
НИНА РУКОВА.....	249
ТАТЬЯНА ЯКИМЕНКО.....	252

На струнах души

Литературно-художественный альманах
Выпуск I

Составитель — Олег БАРТИЛЕВИЧ
Наталья МЫЦКОВА
Ольга ВАЛИНУРОВА

Редакционный совет — Людмила ИЛЬЧЕНКО
Евгения ПОЛЯКОВА
Венеслав СМОЛЕНСКИЙ
Татьяна СТЕПАНОВА

Дизайн и верстка — Анастасия ДЕХАНОВА
Корректор — Нина ФЕДОТОВСКИХ

Подписано в печать 29.08.2011 г. Формат 60х90/16.
Бумага мелковолнистая 130 г/м². Печать офсетная. Тираж 200 экз. Заказ № 102.

Отпечатано в типографии «Ассорт»
620049, г. Екатеринбург, ул. Первомайская, 109 д.
Тел.: 8 (343) 379-08-50 (55)

